

МОНЕТЫ РОССИИ

XVIII - начала XX века

Очерки по нумизматике

В.В.УЗДЕНИКОВ

Под редакцией
доктора исторических наук
А.С.Мельниковой



МОСКВА 1994

© Уздеников В.В. Текст и иллюстрации. 1992 г.
© Игращенко Г.П. Обложка и оформление. 1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- Предисловие
- Бронзовые монеты Петра I
- Необычный полуполтинник
- История чеканки и обращения медных пятаков 1723 — 1730 гг.
- Пробные монеты 1726 — 1727 гг.
- О расшифровке вензеля на пробном медном гривеннике 1726 г.
- Монетные штемпеля работы И. К. Гедлингера и их копии работы Л. Дмитриева
- Перечеканка монет в XVIII в.
- Что такое ефимок 1798 г?
- О чеканке монет с заглубленными надписями
- Медные монеты XVIII — XIX вв. с нестандартной массой
- Пробные монеты XIX в.: общегосударственные с двойным (русским и польским) обозначением номинала и русско-польские
- Никелевая монета в России
- Эмблематика русских и русско-финских монет 1917 г.
- Новодельные монеты
- Новodelы трех медных монет 1760 г.
- Поддельные монеты и гальванокпии

Приложение

Словарь специальных терминов и понятий, встречающихся в тексте
Обозначение славянскими буквами дат на монетах

Предисловие

Основой всякого нумизматического исследования является изучение самой монеты, ее источниковедческий анализ. Прочтение неясных и неполных надписей, расшифровка символики изображений и разного рода таинственных знаков на древних монетах делает этот анализ увлекательнейшим процессом, который нередко становится и конечным итогом нумизматического исследования.

Монеты России XVIII — XX вв. на первый взгляд не могут предоставить исследователю подобных радостей. Они несут весь объем информации, необходимой для научных исследований: государственную принадлежность, имя правителя, дату и место чеканки, номинал, весовую норму, зачастую имя или инициалы художника, изготовившего штемпель или проектный рисунок для него, а иногда и пробу драгоценного металла, использованного для изготовления монеты. Являясь продуктом массовой стандартной чеканки, эти монеты различаются только огромным числом мелких несходств внутри одного типа: вариантами положения и написания букв в легенде монеты, различным количеством и расположением перьев в хвосте гербового орла, разнообразным направлением завитков волос в прическе изображенного на монете портрета и т. д. Перечень этих разновидностей практически неисчерпаем. Но даже самый скрупулезный и полный учет всех отличий вряд ли способен что-либо добавить к той первоначальной информации, которую нумизмат может получить даже при самом поверхностном визуальном знакомстве с монетой.

Это последнее обстоятельство обусловило практически полное отсутствие научного интереса к монетам XVIII — XX вв. Отсутствие же научно обработанной источниковой базы послужило причиной того, что мы до сих пор не имеем полного представления об истории русского денежного обращения XVIII — XX вв.

Монеты России XVIII — XX вв. (так называемые "императорские") целиком перешли в область интересов нумизматов-любителей, для которых самоцелью стали поиски раритетов и новых разновидностей. Резко негативное отношение к такому направлению интересов было высказано в 1915 г. главой русской нумизматики А. В. Орешниковым. Систематизация и коллекционирование монет по вариантам, различающимся по особому виду орла с загнутыми крыльями, по пропущенной запятой, по числу перьев в хвосте орла и т. д., делали монету, по словам Орешникова, не "вспомогательным для истории памятником", а объектом спортивного интереса, забавой, "как забавляются собиратели почтовых марок, сигарных обочек, бутылочных этикеток". В целом же "спортивное", по словам Орешникова, отношение к собирательству могло лишь способствовать умножению барышей торговцев монетами, но никак не развитию научной нумизматики [ОРЕШНИКОВ А. В. Российское общество нумизматов (библиографическая заметка): Нумизматический сборник. М., 1915. С.285 — 287].

Сердитые слова самого авторитетного русского ученого-нумизмата сыграли действенную роль в истории русской нумизматической науки. С одной стороны, нельзя было не признать справедливость его отрицательного отношения к поискам мелких и мельчайших различий в рисунках и надписях на монетах, сделанных с помощью машинной техники. Научная бесперспективность этих поисков очевидна. С другой стороны, подобная позиция отказывала в праве считать историческим источником монеты России XVIII — XX вв. и использовать их для изучения истории русского денежного обращения. Обилие письменных и вещественных источников (т. е. собственно монет) ограничивало роль нумизматического материала, отводя ему чисто иллюстративное значение.

И вот перед читателем книга, целиком посвященная тщательному источниковедческому анализу памятников русской нумизматики XVIII — XX вв. Автор то занимается изучением соотношения сторон русских пятаков 20 — 30-х гг. XVIII в., то рассматривает различные гурты на монетах, то анализирует принципы использования заглубленных надписей в легендах, то изучает эмблематику монет 1917 г... Эти и другие проблемы, рассмотренные в книге, представляются

сугубо техническими, имеющими чисто специальный характер, а изложение материала соответствует более инженерно-техническому, чем гуманитарному.

Но не нужно спешить с выводами. Внимательное, добросовестное и заинтересованное прочтение книги вознаградит читателя. С ее страниц монеты России XVIII — XX вв. предстанут как полноценный источник, ничуть не уступающий по своим информативным возможностям письменным документам. Изучение монет "по особому типу орла", "по пропущенной запятой", которое так возмущало когда-то А.В.Орешникова, обрело здесь вполне научный смысл.

Из совокупности всех данных о внешнем виде монет автор сумел вычленил ту действительно необходимую информацию, которая дала материал для научного осмысления процессов денежного обращения. Автор заглянул в "кухню" фискальных органов Российской империи, которые манипулировали монетными выпусками для достижения ряда конкретных финансовых целей ("История чеканки и обращения медных пятак 1723 — 1730 гг.", "Пробные монеты 1726 — 1727 гг.", "Что такое ефимок 1798 г.?). Удалась автору и другая, очень сложная задача — найти объективный критерий возможности использования монет XVIII — XX вв. как первоисточника, равноценного памятникам письменности ("О расшифровке вензеля на пробном медном гривеннике 1726 г.", "Эмблематика русских и русско-финских монет 1917 г."). Метод изучения монет по соотношению штемпелей, широко использующийся в последнее время в русской нумизматике, применительно к монетам, выполненным при помощи машинной техники, дал положительные результаты, позволившие выявить авторство резчиков штемпелей ("Монетные штемпеля работы И. К. Гедлингера и их копии работы Л. Дмитриева").

Очерк о перечеканках — образец того, как можно дать источниковедческий анализ массовой монетной продукции. Именно "перечеканы", часто практиковавшиеся в русском денежном производстве XVIII в., были одной из наиболее привлекательных тем для коллекционеров, поскольку перечеканенные монеты приобретали резко выраженные индивидуальные особенности. Автор не только предложил классификацию типов перечеканок и определил признаки, позволяющие эти типы различать, но и раскрыл внутренний механизм перечеканок. Так, широко известный "павловский перечекан" 1796 г., считавшийся одной из сумасбродных причуд Павла I, автором рассматривается как проявление вполне рационального подхода к решению ряда социально-экономических проблем.

Объясняет автор и природу ряда редких монет. Нередко за раритетами стоял и просто производственный брак, о чем в каждом конкретном случае автор предупреждает.

В этой книге нет еще связной и последовательной истории русского денежного обращения XVIII — XX вв. Создание ее — дело будущего. Для написания ее необходима прежде всего добротная источниковая база, надлежащим образом обработанная. Частично эта задача выполнена в работе В. В. Узденикова "Монеты России 1700 — 1917", представляющей собой каталог с большим количеством различного рода справочных материалов. Издание настоящей книги — следующий этап на пути создания обобщенного исследования.

Доктор исторических наук А. С. МЕЛЬНИКОВА

Бронзовые монеты Петра I

Среди медных монет, датированных годами царствования Петра I, нередко можно встретить копейки, а иногда и денги (полукопейки), изготовленные из бронзы. Каковы же причины, вызвавшие появление таких монет?

Использование бронзы в русском монетном производстве XVIII в. — явление достаточно известное. Оно имело два основных технологических направления: либо непосредственное применение бронзы для монетной чеканки, либо использование ее в качестве сырья для получения монетной меди.

На частном Садогурском монетном дворе в 1771 — 1774 гг. производилась массовая чеканка бронзовой молдово-валашской монеты (рис. 1,2) из стволов трофейных турецких и вышедших из строя русских пушек. Эта специфическая

монета была внедрена в денежное обращение княжеств Молдовы и Валахии, присоединенных во время русско-турецкой войны к Российской империи, на территории которых базировалась русская Дунайская армия. В 1795 г. некоторое количество бронзовых молдово-валахских монет, оказавшихся на территории России после присоединения Молдовы и Валахии к Турции, было перечеканено в общегосударственные 2-копеечники и копейки на московском Красном монетном дворе.

На Сестрорецком монетном дворе в 1757 — 1762 гг. чеканились общегосударственные медные монеты с предварительной переработкой в монетную медь все тех же бронзовых стволов русских и трофейных пушек, дальнейшее использование и хранение которых было признано нецелесообразным. Первоначально, при чеканке монет в 1757 — 1758 гг. (рис. 3, 4), медь получалась в Сестрорецке из бронзы путем снижения процентного содержания олова за счет добавки в расплавленный металл определенного количества технической меди. Однако в 1762 г. этот нерентабельный способ был заменен значительно более дешевым, при котором олово из бронзы удалялось по технологии, разработанной инженером Яковлевым. Сущность предложенного им способа до настоящего времени еще окончательно не выяснена. По имеющимся сведениям, из первой партии меди, полученной по новой технологии, были отчеканены в небольшом количестве и преподнесены Екатерине II памятные пятаки. Как были оформлены эти монеты, пока неизвестно, хотя П. Винклер в своей работе "Передел русских пушек в монету" высказал предложение, что по их образцу был изготовлен новодельный пятак с вензелем Екатерины II, но датированный 1757 г., т. е. тем годом, когда в царствование Елизаветы Петровны на Сестрорецком монетном дворе был начат передел пушек в монету. Такой новодел (рис. 5) в свое время принадлежал П. В. Зубову, а сейчас находится в собрании Государственного Исторического музея.

Необходимость переработки бронзы в монетную медь обуславливалась недостаточной пластичностью бронзы, вследствие чего при чеканке монет из бронзы разрушение штемпелей наступало раньше, чем при чеканке аналогичных медных монет.

Поступление бронзы на монетный двор было документально зафиксировано и в начале XVIII в., когда правительство Петра I проводило конфискацию церковных колоколов, большая часть которых была использована для изготовления орудийных стволов, а часть была передана Кадашевскому (Военно-морскому) монетному двору, о чем свидетельствует ряд документов из архива Морского министерства за 1706 — 1711 гг. [Копии документов из архива Морского министерства хранятся в фондах отдела нумизматики Государственного Эрмитажа].

Как же использовалась колокольная бронза на Кадашевском монетном дворе и был ли этот двор единственным потребителем колокольной бронзы? В архивных документах Морского министерства отмечено несколько случаев изготовления из колокольной бронзы деталей станочного оборудования и приспособлений для монетной чеканки, но совершенно отсутствует какое-либо упоминание об использовании бронзы в качестве монетного металла [В 3-м издании книги И. Г. Спасского "Русская монетная система" (Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. С. 151) содержатся такие сведения, относящиеся к началу деятельности Кадашевского монетного двора: "...а в последующие годы в числе разных видов припасенной для производства монет меди упоминаются десятки колоколов". Но в 4-м издании книги (Л.: Аврора, 1970. С. 168) эта фраза звучит уже по иному: "...а в последующие годы в числе разных видов меди, припасенной для производства, упоминаются десятки колоколов" (курсив мой. — В. У.)]. По

другому монетному двору, чеканившему медную монету — Набережному, никаких документов аналогичного содержания на сегодня не обнаружено. Нет сведений о чеканке монет из колокольной бронзы и в известной книге Н. Оловянишникова "История колоколов", в которой приведены многочисленные свидетельства очевидцев и документы, касающиеся конфискации церковных колоколов при Петре I, а также подробные сведения о пушках, отлитых из колокольной бронзы.

Однако бронзовые монеты Петра I все же существуют, а это как будто бы свидетельствует об использовании колокольной бронзы для непосредственной чеканки из нее копеек и денег, причем не только на Кадашевском дворе: бронзовые копейки встречаются как со знаком этого двора — "МД" ("монетный двор"), так и со знаками, которыми метил свою продукцию Набережный медный двор — "НД" ("Набережный двор") и "БК" ("Большая казна") (рис. 6 — 8).

И все же имеются основания утверждать, что в начале XVIII в. колокольная бронза не только не применялась для непосредственной чеканки монет, но, скорее всего, не использовалась и в качестве сырья для получения монетной меди.

Тщательное обследование монет показало, что все без исключения бронзовые копейки и денги Петра I являются фальшивками, изготовленными способом литья, причем в качестве моделей для литейных форм использовались произвольно взятые подлинные монеты, в большинстве своем датированные не позднее 1713 г. Поэтому не удивительно, что бронзовых полушек вообще не бывает, а бронзовые денги (рис. 9) встречаются очень редко: из-за малой толщины кружка отливка полушек была в то время для фальшивомонетчиков технически совершенно неосуществима, а отливка денег сильно затруднена. В то же время колокольная бронза содержала вдвое больше олова, чем орудийная (см. таблицу), и вследствие этого переработка ее в монетную медь путем добавки в расплав технической меди была совершенно нерентабельной, а удалять олово из бронзы тогда еще не умели.

Компоненты сплава	Орудийная бронза	Колокольная бронза
Медь	88—90%	75-78%
Олово	10-12%	20—22%
Свинец	—	2-3%

Но если даже предположить, что колокольная бронза все же использовалась в начале XVIII в. для изготовления монет, то единственным реальным способом такого использования остается переработка ее в монетную медь, а непосредственная чеканка в то время монет из бронзы, содержащей до 25% олова и свинца, — несомненная фикция.

Когда же были отлиты фальшивые бронзовые монеты Петра I? Ведь если они предназначались для выпуска в обращение, то они должны были появиться в одно время с аналогичными подлинными монетами, т. е. в начале XVIII в., а если они были изготовлены для обмана коллекционеров, то наиболее вероятное время их появления — вторая половина XIX в.

Имеются два основных признака, отличающих бронзовые монеты Петра I от литых подделок, сфабрикованных с целью обмана коллекционеров. Во-первых, на коллекционных подделках XIX в. следы литья сравнительно мало заметны, тогда как на бронзовых монетах Петра I обычно имеются многочисленные поверхностные раковины, свидетельствующие о крайне примитивной технике

литья. Во-вторых, практически все бронзовые монеты Петра I имеют следы преднамеренной и весьма сильной потертости. Таким варварским способом фальшивомонетчики старались уничтожить хотя бы на выпуклых деталях рельефа признаки литья — раковины. Ничего подобного у литых подделок, изготовленных для коллекционеров, не наблюдается. Если они и дорабатывались с целью уничтожения следов литья, то только путем срезания поверхностного слоя на заглубленных участках рельефа, а грубой потертости выпуклых деталей такие фальшивки никогда не имеют. Перечисленные особенности бронзовых монет Петра I дают основание считать, что эти литые подделки изначально предназначались для выпуска в обращение, а время их изготовления совпадает со временем выпуска аналогичных подлинных монет. Такой вывод полностью подтверждается следующим обстоятельством.

Как известно, денги (полукопейки) Анны Иоанновны, чеканившиеся по весовой норме в 10 руб. из пуда меди, вначале (в 1730 — 1733 гг.) изготавливались, главным образом, перечеканкой копеек Петра I, весовая норма которых составляла 20 руб. из пуда меди. В собрании Государственного Исторического музея находится интереснейший нумизматический памятник: это несомненно подлинная денга 1731 г., отчеканенная на фальшивой бронзовой копейке Петра I (рис. 10). На этой денге отчетливо видны не только следы изображений и надписей, присущих петровской копейке, но и дефект литья — обширная поверхностная раковина. Этот пример наглядно подтверждает справедливость предположения, что литые подделки изначально готовились для обращения и действительно имели хождение. Одна из них затем случайно и оказалась в числе монет, поступивших на перечеканку.

Остается найти объяснение такому не совсем обычному явлению, когда фальшивые бронзовые монеты, легко отличимые от подлинных медных, все же имели, по всей видимости, достаточно широкое хождение в народе — об этом свидетельствует очень большое количество таких подделок, сохранившихся до настоящего времени и часто встречающихся как в государственных собраниях, так и в частных коллекциях (например, в фондах отдела нумизматики Государственного Исторического музея находится более 40 фальшивых бронзовых монет Петра I).

Использование фальшивомонетчиками бронзы для изготовления подделок имеет достаточно веские причины. Ведь чтобы отчеканить из меди такую крупную монету, как петровская копейка, надо было не только суметь вырезать стальные штампы, но и иметь в своем распоряжении довольно мощное станочное оборудование. А чтобы изготовить литую фальшивку, фактически нужно было только суметь расплавить металл. Но температура плавления бронзы (около 900°C) на целых 180° ниже, чем у меди, и это обстоятельство не могло не иметь первостепенного значения для кустарного "производства" фальшивомонетчика. Именно поэтому литые бронзовые подделки, предназначенные для выпуска в обращение, встречаются на всем протяжении существования в России регулярной монетной чеканки. Безусловно, еще проще было изготовить литую подделку из олова или свинца (что тоже бывало), но такие фальшивки не обладали звоном и не выдерживали бытовавшую в народе проверку "на зуб". Подделки же из бронзы имели достаточную твердость и по звону нисколько не уступали серебряным монетам.

Чаще всего фальшивки из бронзы представляют собой копии серебряных монет и имеют специальное покрытие, маскирующее бронзу под серебро. Но маскировать фальшивые бронзовые копейки и денги под медь в начале XVIII в. не было необходимости, и вот почему.

В то время в народе были широко известны и вызывали немалое возмущение факты изъятия правительством Петра I церковных колоколов. Не составляли, видимо, большой тайны и случаи передачи некоторой части реквизированных колоколов на монетные дворы. Но как именно колокольная бронза использовалась на монетных дворах, могли знать очень немногие. Поэтому фальшивомонетчикам не стоило большого труда выдать литую бронзовую фальшивку за подлинную монету, будто бы изготовленную на монетном дворе из колокольной бронзы. Вполне очевидно, что в подавляющем большинстве случаев такую монету могли не только принять при денежных расчетах, нисколько не сомневаясь в ее подлинности, но и хранить ее в качестве реликвии, как частицу поруганной святыни. К тому же нельзя исключать и возможность того, что фальшивые бронзовые монеты могли с успехом использоваться противниками петровских преобразований в качестве одного из средств антиправительственной агитации: ведь пушку, отлитую из колокольной бронзы, от обычной отличить невозможно, да и у солдат ее не возьмешь, чтобы показать народу, тогда как необычная монета из бронзы — всем доступное и "несомненное" доказательство безбожных деяний царя-антихриста. Что же касается фальшивомонетчиков, то они в этих условиях получали дополнительные возможности для успешного и менее рискованного сбыта своей продукции и расширения ее производства.

Для подтверждения всего сказанного интересно провести следующее сравнение. Насколько известно автору, на сегодня не обнаружено ни одного фальшивого пятака образца 1723 г. (рис. 11), отлитого из бронзы, хотя в период нахождения этих пятак в обращении деятельность фальшивомонетчиков достигла небывалого размаха. И если фальшивые пятаки, поступавшие в это время в Россию из-за границы, несомненно чеканились на зарубежных монетных дворах, то отечественные фальшивомонетчики, не располагавшие мощным станочным оборудованием, могли изготавливать фальшивые пятаки главным образом путем их отливки. Однако отсутствие литых бронзовых пятак образца 1723 г. вполне объяснимо: к этому времени давно утихли страсти, порожденные конфискацией церковных колоколов, и для каждого становилось очевидным, что бронзовый пятак мог быть только фальшивкой.

Итак, все обстоятельства появления бронзовых монет Петра I вроде бы свидетельствуют о том, что в начале XVIII в. вполне могло произойти неожиданное слияние интересов фальшивомонетчиков, стремившихся, как всегда, лишь к легкой наживе, с устремлениями ревнителей русской старины в их борьбе против нововведений Петра I.

Примечания

¹ ВИНКЛЕР П. Передел медных пушек в монету. 1756 — 1767 гг. Спб., 1899.

² ОЛОВЯНИШНИКОВ Н. История колоколов и колокололитейное искусство. М., 1912.



1



2



3



4



5



Необычный полуполтинник

В 1701 г. в России, в ходе денежной реформы Петра I, на московском Кадашевском дворе было начато изготовление серебряных монет регулярного

чекана. Одновременно с налаживанием массового выпуска таких монет проводился поиск оптимального варианта их оформления: выбор наилучшего типа портрета Петра I, наиболее приемлемого для монетной легенды титула царя, наиболее удачного рисунка гербового орла. Именно этим и объясняется обилие существенных различий в оформлении серебряных монет 1701 — 1703 гг., причем наибольшее количество разновидностей приходится на 1701 г. Например, насчитывается не менее шести разновидностей полуполтинника 1701 г. (рис. 1 — 6), для чеканки которых было использовано четыре штемпеля аверса и пять штемпелей реверса, несомненно изготовленных различными граверами. В числе этих граверов необходимо отметить находившегося на русской службе француза Соломона Гуэна, чей знак (литера "G" в обресе рукава портрета) помещен на одном из полуполтинников (см. рис. 6). К 1704 г. оформление рублей, полтин и полуполтинников стабилизировалось и в течение двух лет осуществлялось фактически по одному образцу, разработанному русским гравером Федором Алексеевым, — с оригинальным портретом Петра I и специфическим рисунком гербового орла (рис. 7).

Кроме указанных выше шести разновидностей полуполтинника 1701 г., во всех каталогах русских монет числится еще одна, представленная на рис. 8, однако эта разновидность требует специального исследования ввиду присущих ей принципиальных особенностей.

Если рассмотреть полу полтинники, изображенные на рис. 1 — 6, то можно легко установить, что, несмотря на их явную несхожесть, они имеют целый ряд общих черт. Так, например, портрет на их аверсе задрапирован в мягкие одежды, дата на их реверсе расположена под орлом, все изображенные на них большие (центральные) короны над орлом имеют наверху, образованное линейными или точечными дужками, а в богатом и разнообразном декоре этих корон совершенно не встречается украшение в виде трилистника.

Несомненно, имеются и другие особенности оформления, общие для указанных выше полуполтинников 1701 г., но именно по перечисленным наблюдаются принципиальные отличия в оформлении по л у полтинника, представленного на рис. 8: Петр I изображен на его аверсе в латах, дата на его реверсе помещена слева от орла, большая корона над его орлом имеет совершенно особую форму наверху (рис. 8,а), а трилистник является основным элементом декора всех трех его корон — обе малые короны скомпонованы из трех трилистников (рис. 8,б), на центральной короне два крупных трилистника помещены по краям наверху и три ромба в середине наверху составлены из четырех малых трилистников каждый. Очевидно, что оформление интересующего нас полуполтинника выполнено с использованием таких компонентов, которые совершенно не характерны для полуполтинников 1701 г., но широко представлены на монетах более поздних годов. Действительно, портрет в латах появляется на полуполтинниках в 1705 г., а впервые обнаруживается в 1703 г. на золотом червонце (рис. 9); расположение даты слева от орла стало применяться на полуполтинниках только с 1704 г. (см. рис. 7); украшение в виде трилистника на полуполтинниках появляется в 1705 г., а впервые обнаруживается в 1704 г. на гривенниках (рис. 10).

Таким образом, отчетливо прослеживается сходство оформления полуполтинника, изображенного на рис. 8, с оформлением монет 1704 — 1705 гг., и это позволяет предположить, что он был отчеканен не в 1701 г., а в более позднее время и что среди монет последующих годов могут быть его аналоги. Аналоги

действительно существуют — это две разновидности полуполтинника 1705 г. (рис. 11 и 12). Во-первых, на реверсе этих двух монет помещен гербовый орел, очень схожий по конфигурации с орлом на реверсе интересующего нас полуполтинника (чего никак не скажешь об орлах на лолуполтинниках 1701 г. — см. рис. 1 — б), а малые короны над орлом на всех трех монетах совершенно одинаковы и ни в одном году на полуполтинниках в таком изображении больше не встречаются [Для чеканки всех полуполтинников, датированных 1705 г., был использован один и тот же штемпель реверса]. Во-вторых, портреты на этих трех монетах (рис. 8, 11 и 12) хотя и имеют незначительные различия, тем не менее практически идентичны: на них полностью, до мельчайших подробностей, совпадает изображение лат (даже число "гвоздей" на рукаве одинаково — по 9 шт.), одинаково изображен плащ, лавровый венок имеет одинаковое число и форму листьев и т. д., а главное — на всех трех портретах Петру I приданы практически одни и те же, весьма своеобразные, черты лица. Такое совпадение никак не может быть случайным, а потому можно утверждать, что штемпеля аверса всех трех монет были изготовлены одним и тем же мастером — саксонским гравером Готфридом Гауптом, чей знак (латинская литера "H" в образе рукава портрета) помещен на обоих полуполтинниках 1705 г. (см. рис. 11 и 12).

Посмотрим теперь, как обозначена дата на обследуемом нами полуполтиннике (см. рис. 8). По мнению всех нумизматов, исследовавших монеты Петра I, на этом полуполтиннике обозначен 1701 г., а потому и в Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича, и в каталоге Х. Гиля он помещен под 1701 г. без каких-либо комментариев. Однако нетрудно заметить, что последняя литера в дате была вырезана на штемпеле реверса этой монеты неполностью: если это была литера "А" (т. е. год 1701), то у нее недостает средней горизонтальной черты. Но это может быть и литера "Д" (т. е. год 1704), у которой недостает нижней горизонтальной черты с двумя "ножками".

С другой стороны, могла ли монета, отчеканенная с использованием штемпеля работы Готфрида Гаупта, быть датирована 1704 г., если мастер был зачислен в штат монетного двора только в 1705 г.? Вполне возможно, поскольку условия найма иностранных мастеров в то время могли предусматривать зачисление их в штат монетного двора только после прохождения испытательного срока. Пример тому — уже упоминавшийся нами французский гравер Соломон Гуэн, знак которого помещен на нескольких монетах 1701 г., тогда как в штат монетного двора он был зачислен лишь в 1707 г. Следовательно, и Гаупт мог изготовить штемпель полуполтинника, представленного на рис. 8, еще не будучи штатным гравером монетного двора.

Итак, на основании рассмотрения особенностей оформления и датировки полуполтинника, отнесенного во всех каталогах русских монет к 1701 г., можно сделать вывод, что в действительности он был отчеканен в 1704 г., а автором штемпеля его лицевой стороны является гравер Готфрид Гаупт.

Примечания

См.: ЩУКИНА Е.С. Федор Алексеев, русский медальер и механик начала XVIII в.: Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М. 1953. Вып.54. С.187 — 189.

² См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Петра I. Спб., 1914. С.24.

³ См.: ГИЛЬ Х. Х. Таблицы русских монет двух последних столетий. Спб., 1898. С.58





8



8-a



8-b



9



10



11



12

История чеканки и обращения медных пятак 1723 — 1730 гг.

Одним из важнейших результатов успешного проведения денежной реформы Петра I (1698 — 1718 гг.) было внедрение в денежное обращение России медной монеты, дискредитированной предшествующей реформой Алексея Михайловича (1654 — 1663 гг.). Благодаря реформе 1698 — 1718 гг. медная монета не только превратилась в основное платежное средство для широких народных масс России, но и стала для абсолютистского государства одним из основных средств увеличения доходов от эксплуатации монетной регалии: дефицит государственной казны неоднократно погашался за счет повышения монетной стопы медных денег и непомерного увеличения объема их чеканки. Менее чем за 20 лет, прошедших после появления в России новых монет регулярного чекана, в условиях, когда стране требовались огромные средства для ведения войны со Швецией, на строительство флота, на административные преобразования и для покрытия других государственных расходов, стопа медной монеты повышалась трижды и к 1718 г. достигла 40 руб. из пуда меди (вместо 12 руб. 80 коп. в 1700 г.) при рыночной цене на медь приблизительно 8 руб. за пуд. Такая существенная разница в цене на медь сырьевую и на медь "обмонеченную", конечно же, не могла не привести к резкой активизации деятельности фальшивомонетчиков. И действительно, с поступлением в 1718 г. в обращение медных полушек, чеканенных по 40-рублевой монетной стопе (рис. 1), внутренний рынок страны сразу же наводнился фальшивками, количество которых многократно превысило количество подделок, копировавших ранее обращавшиеся медные монеты 20-рублевой стопы. Фальсификация новых полушек существенно облегчалась их малыми размерами, допускавшими чеканку с использованием ручного инструмента, а также убогим оформлением аверса и реверса и отсутствием специального оформления гурта. Поскольку подделка этих монет достигла угрожающих размеров, были начаты поиски новых мер борьбы с этим злом, т. к. обычно применявшиеся меры устрашения оказались в данном случае, при высокой прибыльности изготовления фальшивок, совершенно неэффективными. Свидетельством таких поисков следует считать появление в 1721 г. пробной полушки без обозначения номинала, но со сложным внешним оформлением, призванным затруднить работу фальшивомонетчиков: на аверсе помещен портрет и титул Петра I, на реверсе — вензель Петра I и дата (рис. 2). Вполне очевидно, что такое оформление не могло получить практического применения на монетах достоинством в 1/4 коп.: оно требовало больших затрат на изготовление сложных штемпелей, а это лишало казну значительной доли прибыли от выпуска подобных монет. Сложное внешнее оформление этой пробной монеты и отсутствие на ней обозначения номинала дали основание считать ее одно время копеечкой. Однако это не так. Во-первых, ее масса равна 0,82 г, что на 0,2 г меньше нормативной массы полушки 40-рублевой монетной стопы, а копейка с такой массой имела бы совершенно немыслимую 160-рублевую монетную стопу. Во-вторых, отсутствие обозначения номинала могло быть допущено в 1721 г. только на полушке, поскольку в это время, начиная с 1719 г., полушка была единственной медной монетой, выпускавшейся массовыми тиражами.

Чеканка полушек образца 1718 г. была прекращена в 1722 г., а с 1723 г. вместо них был начат выпуск пятак той же 40-рублевой монетной стопы. В документах

того времени не указана причина этой замены. Она была раскрыта несколько позднее, в именном указе от 16 мая 1729 г., предписывавшем вместо запланированных копеек и полушек чеканить по-прежнему пятаки: "...пятикопеешники против копеек и полушек сделаны будут скорее и прибыли от них будет больше".

Приступая к выпуску пятаков 40-рублевой стопы, правительство Петра I понимало, что эти монеты не только оставались чрезвычайно выгодным объектом фальсификации, но и открывали перед фальшивомонетчиками новые возможности. Дело в том, что в отличие от фальшивых полушек, изготовлявшихся чеканкой вручную, фальшивые пятаки более или менее приемлемого качества можно было отчеканить только с использованием достаточно мощного станочного оборудования. Однако для фабрикации фальшивых пятаков можно было применить значительно более простой и дешевый способ — отливку металла в форму, тогда как фальшивые полушки изготавливать литьем было невозможно из-за их малой толщины. В связи с этим при разработке мероприятий по выпуску пятаков образца 1723 г. особое внимание было обращено на всемерное затруднение подделки этих монет как чеканкой, так и отливкой в форму. Вот выдержки из некоторых документов того времени.

"Кругом оных (пятаков. — *В. У.*) по ребрам, по гурту рубежки, и которые рубежки будут по ребрам, оным надлежит сочинить щет (счет. — *В. У.*), сколько их надобно, понеже инструмент тот, коим по ребрам рубежки сочиняются, зело искусной работы бывает, и немногие мастера оный могут сделать, а паче ж оный надлежит содержать в тайности, сверх того можно посоветоваться с мастерами монетного двора, как бы оное воровство можно прекратить" (Доношение Берг-коллегии Сенату от 25 июня 1723 г.) [Копия хранится в фондах отдела нумизматики Государственного Эрмитажа].

"...А для пресечения воровства, дабы отливать было не можно, такия новья деньги (пятаки. — *В. У.*) делать с резьбой мелкою, а не обронною (толстой, выпуклой. — *В. У.*), доброго мастерства, и по краям печатывать на подобие рубешков, а на одной стороне, на которой будет назначена цена и год, оставлять половину гладкого места, или каким другим лучшим к тому способом, как Берг-коллегия за благо разсудит" (именной указ от 28 июня 1723 г.).

Таким образом, на первом этапе предполагались следующие меры борьбы с фальсификацией новых монет:

сложный и высококачественный рисунок помещаемых на монете изображений, трудновоспроизводимый как на самодельных штемпелях, так и при изготовлении литых фальшивок;

наличие на монете больших участков гладкой поверхности, не занятых изображениями и надписями, на которых были бы хорошо заметны поверхностные раковины и неровности, образующиеся при литье;

насечка на гурте, препятствующая воспроизведению подлинного оформления гурта пятаков на литых фальшивках;

наличие узора по краям лицевой и оборотной сторон монеты ("по ребрам") с целью затруднить изготовление самодельных штемпелей, а также сохранение в тайне инструмента для нанесения узора на штемпель.

Кроме того, Берг-коллегии предлагалось продолжить изыскания новых эффективных мер защиты монет от фальсификации.

На основании указа от 28 июня 1723 г. были отчеканены пробные пятаки двух видов: с московским гербом и с изображением бога войны Марса на аверсе, с большими участками свободной поверхности на реверсе, снабженные гуртовым узором сложного рисунка и узором по краям поля аверса и реверса (рис. 3 — 5). Таким образом, на этих пробных монетах были выполнены все перечисленные выше рекомендации, и тем не менее окончательно утверждена была монета совершенно другого образца. В сенатском указе от 28 июля 1723 г. читаем: "...медные пятикопеешники делать по пробам, каковы внесены в Сенат из Берг-коллегии; а именно против свинцовой пробы, на которой с одной стороны в середине изображен Его Величества герб мелкою резьбою и около того герба пять точек, а на другой стороне крест и в нем год и пять точек же, что значит пять копеек; точию вместо тех точек назначить литерами пять копеек и по ребрам того пятикопеешника учинить тисненные рубежки, дабы не можно было вора́м оных пятикопеешников отливных делать".

На новом образце пятака (рис. 7) был существенно упрощен рисунок гуртовой насечки (рис. 6), нанесен узор по краю поля лицевой и оборотной сторон, образованы большие участки свободной поверхности не только на реверсе, но и на аверсе и введен совершенно новый элемент оформления реверса — крест из двойных линий, внутри которого помещены пересекающиеся обозначения номинала и даты. Остановимся на этом нововведении подробнее.

Прежде всего отметим, что оформление в виде креста не позволяет сказу определить, какое положение реверса монеты является правильным, и это нашло отражение в нумизматической литературе. Так, в рисованных таблицах, датируемых примерно серединой XVIII в. [Хранятся в фондах отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.], и в книге С. Н. Шодуара "Обозрение русских денег" реверс пятака образца 1723 г. изображен при горизонтальном положении обозначения номинала (рис. 8, 9); в каталоге Ф. Шуберта — при горизонтальном положении даты (рис. 10); в Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича — в одном случае при горизонтальном положении обозначения номинала (рис. 11), в другом случае при горизонтальном положении даты (рис. 12); а в книге И. Г. Спасского "Русская монетная система" крест на реверсе пятака представлен в виде косо́го "андреевского" креста (рис. 13).

Если обзор пятака начать с его реверса и вращать монету вокруг ее вертикальной оси (т. е. по обычной для подавляющего большинства русских монет схеме — $f \updownarrow t$)»то окажется, что ни одному из трех возможных положений реверса не соответствует правильное положение аверса (рис. 14). И только если вращать пятак вокруг его горизонтальной оси ($f \left| t$), то выявляется, что правильному положению аверса соответствует горизонтальное положение обозначения номинала на реверсе (рис. 15).

Но в первые два десятилетия XVIII в. русских монет с таким соотношением сторон (ТА) практически не было. Лишь в начальный период денежной реформы Петра I, когда производился выбор основных характеристик для вновь вводившихся монет регулярного чекана (монетной стопы, размеров и внешнего оформления), были опробованы и два варианта соотношения сторон этих монет: один — по образцу рублевиков и полтин Алексея Михайловича 1654 г. ($f \updownarrow t$)» ДРУ-гой — по образцу некоторых западно-европейских монет ($f \left| t$). С целью такого опробования в 1700 г. и было отчеканено некоторое количество медных монет достоинством в денгу с соотношением сторон $f \left| t$, тогда как все остальные монеты

этого года чеканки имели соотношение $f t$. Поскольку окончательное предпочтение было отдано соотношению $f f$, ни одной русской монеты с соотношением сторон $f |$ до 1723 г. больше не появлялось, не считая явного производственного брака, а также полушек 1718 — 1722 гг. (см. рис. 1), имевших не только убогое и неряшливо выполненное оформление, но и нефиксированное соотношение сторон.

Итак, внешнее оформление в виде креста допускает три совершенно равноправных положения реверса монеты, два из которых (положение "андреевского" креста и горизонтальное расположение даты) соответствуют неправильному положению аверса, а при третьем (горизонтальное расположение обозначения номинала) правильное положение аверса имеет место при соотношении сторон монеты $f |$, совершенно не свойственном подавляющему большинству русских монет первой половины XVIII в. Благодаря этому (а также и беспорядочной чеканке полушек 1718 — 1722 гг.) внимание фальшивомонетчиков не акцентировалось на необходимости строго выдерживать вполне определенное соотношение сторон на изготавливаемых ими подделках, а правительственные органы получали в свое распоряжение еще один, очень простой, способ выявления фальшивок — по неправильному соотношению их сторон. Само собой разумеется, что суть этого способа надлежало "содержать в тайне".

Было применено и еще одно дезориентирующее фальшивомонетчиков мероприятие. Заключалось оно в том, что небольшая часть пятаков чеканилась с обычным для большинства русских монет соотношением сторон ($f T$), но на этих пятаках имелась своя особая примета: при горизонтальном положении обозначения номинала дата на них читалась не снизу вверх, как на всех других пятаках, а сверху вниз (рис. 16).

За шесть лет, с 1723 по 1729 г., объем чеканки пятаков был определен несколькими правительственными решениями:

1. Именной указ от 28 июня 1723 г.: "...сделать вновь пятикопеечников 500 000 рублей, а буде возможно, то и больше...";

2. Именной указ от 26 января 1727 г.: "...умножить как наискорее медной пятикопеечной монеты до толикого числа, сколько по настоящим нуждам заблагоразсуждено будет, а наперед для скорости сделать ныне ж не меньше дву миллионов...";

3. Указ из Верховного тайного совета от 7 июня 1727 г.: "...пятикопеечников медных с прежними сделать всего два миллиона...";

4. Именной указ от 18 сентября 1727 г.: "...сделать пятикопеечников старыми штемпелями всего и с теми, которые уже сделаны, пол-третья (два с половиной. — В. У.) миллиона...";

5. Именной указ от 16 мая 1729 г.: "...сделать миллион пятикопеечников из наличной меди и из старого дела копеек".

Таким образом, всего было намечено начеканить пятаков на сумму в 3,5 млн. руб. В действительности же, согласно сведениям, приведенным в книге А. И. Юхта "Государственная деятельность В. Н. Татищева", чеканка пятаков производилась примерно в такой последовательности: с момента начала чеканки в 1723 г. и до февраля 1727 г. было изготовлено пятаков на 605 тыс. руб.; с 18 марта по 10 октября 1727 г. — на 1395 тыс. руб.; с 10 октября 1727 г. по 31 января 1728 г. — на 500 тыс. руб.; с 31 января 1728 г. и до окончания чеканки в 1730 г. — 673 тыс. руб. Следовательно, начиная с 1730 г. в обращении находилось пятаков на сумму не менее 3,173 млн. руб. — именно эта сумма и показана в сенатском указе от 25

января 1731 г. Кроме того, в обращение непрерывно поступали фальшивые пятаки, общее количество которых невозможно назвать даже приблизительно.

Комплекс оградительных мер, примененный во внешнем оформлении пятаков образца 1723 г., видимо, сыграл определенную роль в деле выявления и изъятия из обращения фальшивок. Об этом свидетельствует прежде всего использование точно таких же мер на медных копейках 40-рублевой монетной стопы, массовый выпуск которых производился в 1728 — 1729 гг. Из довольно большого количества вариантов внешнего оформления этих монет (не менее семи), представленных в январе 1728 г. на рассмотрение Верховного тайного совета, утвержден был вариант с крестом на реверсе и московским гербом на аверсе, хотя среди прочих рассматривался и вариант, полностью соответствовавший оформлению пятака — с крестом на реверсе и государственным гербом на аверсе; этот последний вариант (рис. 17) был забракован, видимо, по той причине, что на аверсе медных копеек традиционно помещалось изображение не государственного герба, а всадника с копьем (или московского герба), от которого и образовалось название номинала "копейка".

Подобно пятакам образца 1723 г., большинство копеек 1728 — 1729 гг. имеет соотношение сторон $f |$ и дату, читаемую снизу вверх (рис. 18), а небольшая их часть имеет соотношение сторон $f f$ и дату, читаемую сверху вниз (рис. 19). Интересно также отметить, что среди многочисленных пробных медных монет 1727 г. только монеты с крестом на реверсе — грош (рис. 20) и копейка (рис. 21) — имеют соотношение сторон $| I$, а стороны всех остальных проб соотносятся в обычном для русских монет порядке (ft)-

Свидетельством того, что расчет на невнимательность фальшивомонетчиков оказался правильным, является также тот факт, что среди немногих сохранившихся поддельных пятаков примитивного изготовления большинство составляют фальшивки с неправильным, чаще всего произвольным, соотношением аверса и реверса (рис. 22). Действенными оказались и меры, облегчавшие выявление литых подделок (наличие на аверсе и реверсе пятаков больших участков свободной поверхности, а также сетчатая насечка на гурте). Так, в заключении Сената, приложенном к именному указу от 23 мая 1744 г., отмечается, что пятаки, "...которые литы в опоки, те легко и узнать можно, понеже чистотою против настоящих чеканенных не будут". И еще одна особенность была характерна для большинства фальшивых пятаков грубой работы — это значительное отступление от установленной весовой нормы, главным образом в сторону занижения веса.

Но не эти легко выявляемые подделки кустарного изготовления представляли основную опасность для государственной казны. Чрезвычайно высокая прибыль, получаемая от изготовления пятаков образца 1723 г., породила машинное производство фальшивок. В "Приговоре Правительствующего Сената о вымене пятикопеечников" (приложение к именному указу от 11 мая 1744 г.) говорится, что встречаются поддельные пятаки, "...которые равномерно таким же штемпелем, и уповательно, такую же большую машиною (ибо молотком и другими малыми инструментами оных, за великостью тех пятикопеечников, чеканить не можно) печатаны, как и здешние в России на монетных дворах, и никаким образом с российскими узнать их не возможно...". И этот вывод полностью подтверждается следующим обстоятельством.

Сенатским указом от 25 августа 1738 г. было обнародовано, что пятаки образца 1723 г., имеющие обозначение номинала "ПЯТЬ КО-ПЕІКЪ", являются

поддельными. По свидетельству резчиков, работавших на московских монетных дворах и изготовлявших штемпеля для чеканки пятаков, подлинные монеты должны были иметь надпись "ПЯТЬ КОПЕЕКЪ" или "ПЯТЬ КОПЕЯКЪ", а "...таковых пятикопеечников, на которых напечатано: пять копеек на монетном дворе никогда не явлено и с начала пятикопеечного передела с 1723 по 1731 год пятикопеечных чеканов с такою надписью ни кем не резаны". В собрании Государственного Исторического музея имеется несколько монет с надписью "ПЯТЬ КОПЕПСЪ" (рис. 23). Обследование этих монет не оставляет сомнения в том, что их чеканка и гурчение выполнены машинным способом. Кстати сказать, немало таких пятаков прошло "доработку" после выхода указа от 25 августа 1738 г.: из литеры "Г" на них вырезана литера "Е" (рис. 24). Несомненным свидетельством этой "доработки" является то обстоятельство, что надпись "ПЯТЬ КОПЕЕКЪ" была присуща только пятакам Кадашевского ("МД") и Набережного ("НД") монетных дворов, а все "доработанные" пятаки имеют обозначение Красного двора ("КД"), который должен был писать "ПЯТЬ КОПЕЯКЪ".

Вероятность того, что на территории России в это время был организован подпольный монетный двор, оснащенный необходимым машинным оборудованием, чрезвычайно мала, а это позволяет утверждать, что чеканка фальшивых русских пятаков производилась на зарубежных монетных дворах. И действительно, документы того времени свидетельствуют о массовом притоке фальшивых пятаков образца 1723 г. из-за границы, с чем постоянно сталкивалась русская таможенная служба. За период с 1730 по 1752 г. было издано 13 правительственных указов, специально посвященных мерам по пресечению ввоза фальшивых пятаков из-за рубежа.

Изъятие пятаков иностранной чеканки, уже попавших в обращение внутри России и не имевших явных признаков (например, надписи "ПЯТЬ КОПЕИКЪ"), было чрезвычайно затруднено не только вследствие безупречного оформления их аверса, реверса и гурта, а также точного соответствия их веса узаконенной монетной стопе. Эти фальшивки имели к тому же и правильное соотношение сторон (f 1), поскольку такое взаиморасположение аверса и реверса монет было обычно для многих европейских монетных дворов. Поэтому экстраординарные меры, принимавшиеся русским правительством, были направлены прежде всего на обеспечение перехвата ввозимых из-за границы пятаков (как фальшивых, так и подлинных) силами русской таможенной службы, либо — в крайнем случае — администрацией приграничных районов.

Фальшивые пятаки не только отягощали русскую казну обесцененной легковесной монетой. Было также установлено, что иностранцы, привозившие с собой пятаки, скупают на них в России и вывозят за границу золото и серебро, нанося этим дополнительный ущерб экономике страны и усугубляя и без того острый дефицит на эти металлы. Поэтому русским правительством были также разработаны меры, направленные на пресечение вывоза из страны золота и серебра в монетах, слитках и ювелирных изделиях. В конечном счете административные меры, направленные против принявшей угрожающие размеры иностранной финансово-экономической диверсии, сводились в основном к следующему:

строжайший досмотр всех лиц, приезжающих из-за границы и выезжающих за пределы страны;

арест лиц, уличенных в провозе пятаков или в вывозе золота и серебра, допрос их с пристрастием и в случае установления их вины — смертная казнь на месте с конфискацией всего имущества;

награждение таможенников, выявивших случаи ввоза фальшивых пятаков или вывоза золота и серебра;

смертная казнь таможенников, допустивших недосмотр;

арест иностранцев, уличенных в обмене пятаков на золотую или серебряную монету при торговых операциях, конфискация их имущества и высылка их самих за границу;

прекращение выдачи пятаков в приграничные города на казенные расходы и в пограничные полки для выдачи жалованья.

Что касается отечественных фальшивомонетчиков, то административные меры борьбы с ними предусматривали, как обычно, безусловную смертную казнь для виновных в подделке монеты и весьма солидное вознаграждение для доносителей.

В то же время русское правительство хорошо понимало, что наличие в денежном обращении страны медных монет 40-рублевой стопы — явление вынужденное, наносящее несомненный ущерб национальной экономике, и скорейшее изъятие этих монет из обращения — важнейшая задача, которая не может быть подменена никакими охранительными мероприятиями. Поэтому уже в именном указе от 26 января 1727 г. предусматривалась развернутая система мер по обеспечению выкупа пятаков образца 1723 г. у населения: "...серебряных денег капитал запасать, на что серебро на медные деньги мочно покупать с прибавкою цены; а для поставки заморского серебра казенных товаров умножать... також медные заводы распространять, медь умножать, из которой делать платы (медные квадратные монеты 10-рублевой стопы. — В. У.), и когда государственный капитал серебряных денег, також и платы умножится, государство во всем исправится и подданные облегчены и в доброе состояние придут, тогда все медные деньги из народа выкупить в казну, за которые платить серебряными деньгами и платами". Эта программа так и осталась благим намерением, а интенсивная чеканка пятаков продолжалась до 1730 г.

В 1730 г. именовым указом от 22 декабря была установлена монетная стопа для медных денег в 10 руб. из пуда меди. С самого начала чеканки монет нового образца (рис. 25, 26) часть из них изготавливалась перечеканкой: в полукопеечные монеты (денги) перечеканивались копейки 1704 — 1718 и 1724 гг. (20-рублевой стопы), а в полушки — копейки 1728 — 1729 гг. Перечеканкой копеек 1728 — 1729 гг. было положено начало изъятию из обращения монет 40-рублевой стопы, но ликвидация этих копеек вопроса еще не решала — слишком мало их было выпущено: согласно именовому указу от 16 мая 1729 г. их должны были начеканить на сумму не более 500 тыс. руб. Фактический объем чеканки составил 496 544 руб. Что же касается пятаков образца 1723 г., от которых, как писал В. Н. Татищев, был "государству великий вред", то вопрос об их изъятии будет решаться на протяжении долгих 25 лет, ибо для русского правительства это оказалось чрезвычайно сложным делом.

Еще до введения монет 10-рублевой стопы сенатским указом от 19 июня 1730 г. была создана специальная комиссия, которая должна была разработать новые меры по обеспечению скорейшей ликвидации пятаков 40-рублевой стопы. Предложения этой комиссии, разработанные с большим опозданием, были оформлены в виде сенатского указа от 25 января 1731 г. и сводились в основном к следующему:

имеющиеся в наличии в государственных учреждениях пятаки должны быть немедленно переданы на монетный двор;

все государственные подати и сборы население должно выплачивать только медными пятаками;

до 1 мая 1731 г. все пятаки должны быть выкуплены у населения по их нарицательной цене с оплатой серебром и новыми медными монетами 10-рублевой стопы;

все пятаки перечеканить в копейки 8-рублевой стопы;

убытки от перечеканки в размере 2 524 585 руб. покрыть за счет государства.

На основании этого указа был изготовлен комплект штемпелей для перечеканки пятаков в копейки и отчеканена в небольшом количестве экземпляров пробная копейка 8-рублевой стопы, датированная 1730 г. (рис. 27). Оформление этой монеты было полностью идентично оформлению монет 10-рублевой стопы (см. рис. 25, 26), и только на ее аверсе, подобно всем ранее выпускавшимся копейкам, вместо государственного герба был помещен московский герб (т. е. всадник с копьем). Несмотря на то что указ от 25 января 1731 г. подробно перечислял источники финансирования намеченной операции, казна была не в состоянии покрыть убытки в размере более 2,5 млн. руб. В результате этого указ постигла та же участь, что и указ от 26 января 1727 г.

В дальнейшем появился целый ряд проектов, большинство из которых было главным образом посвящено изысканию средств для покрытия расходов, связанных с изъятием пятаков из обращения.

Проект советника Ивана Шлаттера от 14 марта 1737 г. Для выкупа 5-копеечников следует напечатать бумажных билетов ценою в 1000, 100, 50, 10, 5 и 1 руб., 50, 10, и 5 коп. на общую сумму 3,2 млн. руб. и начеканить 4 млн. серебряных 5-копеечников по стопе 17 руб. 32 коп. из фунта легированного серебра 77-й пробы. Выкуп производить таким образом, чтобы 80% суммы принесенных на сдачу медных пятаков оплачивалось билетами, а 20% — серебряной монетой или медными копейками, полученными перечеканкой сданных пятаков. Бумажные билеты должны иметь хождение наравне с монетой в течение 5 лет, после чего они должны быть обменены на обычные деньги по обозначенной на них цене.

Проект асессора Ивана Мокеева от 23 мая 1737 г. Для выкупа 5-копеечников, выпущенных на сумму 3 984 885 руб., начеканить из сибирской меди новых 5-копеечников по стопе в 20 руб. из пуда меди на сумму 3 млн. руб., заплатив этими же новыми 5-копеечниками по 6 руб. 25 коп. за пуд приобретаемой казной меди. Вымененные старые 5-копеечники переработать в новые 20-рублевой стопы. Убыток от этой переработки в размере 1 992 442 руб. погасить за счет прибыли, которая будет получена от чеканки новых 5-копеечников. А чтобы прибыль была как можно большей, все операции по чеканке выполнить на машинах с водяным приводом, для чего в Москве прорыть специальный канал и на нем поставить монетный двор.

Проект комиссара Монетной канцелярии Мартына Шпеермана от 24 апреля 1738 г. С целью приобретения средств для выкупа у населения 5-копеечников организовать денежную лотерею. В результате ни государство, ни население не пострадают от операции по ликвидации 5-копеечников.

Проект комиссара Монетной канцелярии Петра Крекшина от мая 1739 г. Получение средств для выкупа пятаков организовать следующим образом. На имеющиеся в казне пятаки закупить медь, заплатив по 6 руб. за пуд. Из этой меди

чеканить платы по стопе 10 руб. из пуда, заплатив по 1 руб. за переработку одного пуда меди в монету. В результате на каждые 40 руб. взятых из казны пятаков будет получено 57 руб. 13,5 коп. в платах, а прибыль казны от этой операции будет составлять около 43 коп. на каждый затраченный рубль.

Проект советника Ивана Шлаттера от 26 июня 1739 г. Средства для выкупа пятаков наиболее целесообразно получить за счет прибыли от чеканки золотой монеты, изготавливая из 1 фунта легированного золота 77-й пробы 117 шт. 2-рублевиков.

Проект главного директора Монетного правления обер-гофмейстера Христиана Вильгельма Миниха от 1740 г. Все 5-копеечники должны быть подвергнуты клеймению специальными малыми клеймами в строго установленный срок, по прошествии которого хождение неклеяемых пятаков запретить. За клеймение отчислять в казну от каждых 25 пятаков один, что в результате должно составить около 200 тыс. руб. Выявленные фальшивые пятаки не клеймить, а отбирать в казну без оплаты. Таким образом, из обращения будут изъяты пятаки, поступающие в казну в качестве платы за клеймение, все фальшивые монеты, а также пятаки, не предъявленные для клеймения в установленный срок. В дальнейшем все клейменные пятаки следует перечеканить в 2-копеечники таким образом, чтобы на полученных перечеканкой монетах просматривалось ранее наложенное на пятак клеймо — этим будет дополнительно затруднена подделка новых 2-копеечников.

Сохранились вещественные свидетельства проекта Х. В. Миниха. Это пятаки, надчеканенные клеймами двух видов — с гербовым орлом и датой (рис. 30) и с гербовым орлом и обозначением Петербургского монетного двора "СПБ" (рис. 31), 2-копеечники с портретом Анны Иоанновны 1740 г., изготовленные перечеканкой пятаков с использованием двух различных комплектов штемпелей (рис. 32, 33), и, наконец, 2-копеечник, изготовленный перечеканкой клейменого пятака (рис. 34).

Поскольку при жизни Анны Иоанновны этот проект не получил одобрения, Х. В. Миних представил его вторично, но уже на имя регентши Анны Леопольдовны, матери малолетнего императора Ивана Антоновича (Иоанна III). Теперь проект сопровождался пятаком, надчеканенным двумя клеймами, на которых были помещены гербовый орел, вензель императора и обозначение Петербургского монетного двора "СП" (рис. 35), а также изготовленным перечеканкой пятака 2-копеечником с портретом Иоанна III (рис. 36); эта перечеканка была выполнена с использованием уже готовых штемпелей: штемпеля аверса серебряной полтины массового выпуска 1741 г. и штемпеля реверса 2-копеечника, представленного на рис. 33.

Обращает на себя внимание тот факт, что в проекте Х. В. Миниха в качестве одного из основных средств борьбы с подделкой монет предлагается усложнение их внешнего оформления: для перечеканки пятаков намечено использовать дорогостоящие портретные штемпеля, а перечеканку выполнять таким образом, чтобы сохранялся оттиск клейма. Эта направленность на усложнение внешнего оформления монеты с целью затруднить ее подделку наблюдалась и раньше. Примерами могут служить пробная портретная полushка 1721 г. (см. рис. 2) и копейки 1724 г., перечеканенные из копеек 1704 — 1718 гг., но с использованием штемпелей более тонкой работы (рис. 38). Точно такая же перечеканка предусматривалась еще одним проектом 1740 г. (автор его пока неизвестен): пятаки образца 1723 г. предлагалось перечеканивать в пятаки же, но с использованием портретного штемпеля аверса и с применением небывалого

оформления реверса. Суть этого нововведения заключается в том, что изображение ордена Андрея Первозванного, находящееся на реверсе пятака 1740 г., изготовлено отдельно из какого-то желтого металла и каким-то, пока неизвестным, способом укреплено на монете (рис. 37).

Ориентация на усложнение внешнего оформления монеты как на единственное средство борьбы с фальсификацией в случаях с полушкой 1721 г., копейкой 1724 г. и пятаком 1740 г. вполне объяснима: во всех этих случаях весовая норма монет оставалась неизменной. Совсем иначе обстояло дело с проектом Х. В. Миниха. Этим проектом предусматривалась перечеканка пятаков в 2-копеечники, благодаря чему монетная стопа снижалась с 40 до 16 руб. из пуда меди, а снижение монетной стопы всегда являлось единственным по-настоящему действенным средством предотвращения подделки монет, ибо, пока доходы от фальсификации оставались достаточно высокими, никакие меры контроля, устрашения или усложнения технологии чеканки не могли дать нужного эффекта. В случае же с пятаками образца 1723 г. усложнение рисунка штемпелей и применение малоразмерных клейм тем более не могло помочь избавиться от фальшивок, т. к. основной их поток поступал с иностранных монетных дворов, укомплектованных профессиональными резчиками штемпелей и оснащенных всем необходимым оборудованием. Поэтому основным уязвимым местом проекта Х. В. Миниха является то, что в нем не учтено, с одной стороны, благотворное влияние происходящего при перечеканке снижения монетной стопы, а с другой — неоправданное увеличение расходов казны в связи с высокой стоимостью изготовления совершенно ненужных портретных штемпелей. Но, как будет видно в дальнейшем, подобные и даже более существенные просчеты были присущи не одному проекту Х. В. Миниха.

Прежде чем перейти к изложению заключительного этапа ликвидации пятаков образца 1723 г., напомним о существовании еще одного проекта перечеканки их в копейки 8-рублевой монетной стопы. К сожалению, никаких письменных сведений по этому проекту на сегодня обнаружить не удалось, однако известно несколько экземпляров пробной копейки оригинального внешнего оформления, датированной 1735 г. и отчеканенной в весе пятака (рис. 28).

Основные события, предшествовавшие окончательному изъятию пятаков образца 1723 г. из обращения, развернулись в конце 1743 или в начале 1744 г., когда Сенатом были подробно рассмотрены все имевшиеся предложения и проекты, посвященные этому важнейшему для государства мероприятию. Итоговый документ, появившийся в результате такого рассмотрения — "Приговор Правительствующего Сената о вымене пятикопеечников", — был опубликован в качестве приложения к именному указу от 11 мая 1744 г. Всего Сенатом было рассмотрено одиннадцать проектов, в том числе — сенатский указ от 25 января 1731 г., шесть проектов 1737 — 1740 гг., изложенных выше, а также четыре проекта, обнаруженные в бумагах А. И. Остер-мана, Б. Х. Миниха, Г. И. Головкина и в делах бывшего Кабинета министров: проекты судьи Монетной канцелярии кн. Голицына (о чеканке медных копеек 10-рублевой стопы на сумму в 2 млн. руб. и использовании их для выкупа пятаков), фельдмаршала Бурхарда Христофора Миниха (об организации купеческой компании для монопольной торговли с Китаем, Хивой, Бухарой и на Камчатке с использованием части прибылей этой компании для выкупа пятаков), неизвестного автора (о переделе серебряных копеек дореформенного образца в гривенники и использовании прибыли от этого передела для выкупа пятаков) и, наконец, проект бывшего генерал-прокурора П. И.

Ягужинского. Рассмотрев все эти проекты, Сенат пришел к выводу, что те из них, которые были направлены только на изыскание источников финансирования операции по выкупу пятаков у населения (а таких проектов было большинство — девять из одиннадцати), совершенно не реальны и не обеспечивают получения средств, необходимых государству для проведения выкупа. Был отвергнут Сенатом и проект Х. В. Миниха, как весьма дорогостоящий и технически трудновыполнимый. В итоге Сенат признал единственно приемлемым для реализации проект П. И. Ягужинского. Согласно этому проекту следовало постепенно снижать нарицательную цену пятаков: на первом этапе пятакам должно быть установлено достоинство в 4 коп., через год их следовало перечекивать в 3-копеечники, а еще через какое-то время перекеймить в копейки. Автор проекта считал, что в результате такой последовательности убытки распределятся между правительством и народом поровну. Поддерживая проект П. И. Ягужинского в принципе, Сенат считал, что на промежуточных стадиях снижения нарицательной цены пятаков перекеивать их не следует — эта операция должна быть проведена только на последнем этапе, когда пятаки получают достоинство в 1 коп. В своем "Приговоре" Сенат рекомендовал начать снижение нарицательной цены пятаков с 1 января 1745 г. и закончить ее в течение последующих четырех лет. Вполне очевидно, что наибольший убыток от этого мероприятия должен был понести тот держатель пятаков, который к моменту объявления указа о снижении цены будет иметь наибольшее их количество. Поэтому, чтобы обезопасить казну от резкого увеличения притока пятаков, а следовательно, и от дополнительных убытков, Сенат считал необходимым "...о той убавке содержать в наивысшем секрете, дабы прежде времени в народе о том было не известно".

Против рекомендаций Сената выступил статский советник Демидов — его "Мнение... о мерах, назначенных в докладе Правительствующего Сената к приведению медной монеты в существенную цену" было приложено к именному указу от 23 мая 1744 г. Демидов считал, что за время, необходимое для постепенного снижения нарицательной цены медных пятаков согласно проекту П. И. Ягужинского, за границу будет вывезено огромное количество русской серебряной и золотой монеты, купленной иностранцами за пятаки, несмотря на все административные меры, принимаемые против этого правительством. Поэтому Демидов предлагал сразу снизить нарицательную цену пятаков до минимальной и перекеивать их в копейки. О возражениях Демидова можно было бы и не упоминать, если бы не одно обстоятельство: есть основание считать, что редчайшая пробная копейка, датированная 1743 г. (рис. 29), местонахождение которой автору очерка в настоящее время неизвестно, была приложена к "Мнению" Демидова в качестве иллюстрации.

В конечном счете рекомендации Сената были узаконены именным указом от 11 мая 1744 г. "О приеме медных пятикопеечников прежнего чекана во всех платежах частных и казенных за четыре копейки" с той лишь разницей, что снижение нарицательной цены пятаков начиналось не с 1 января 1745 г., как рекомендовал Сенат, а с 1 августа 1744 г. Два с половиной месяца с момента подписания указа потребовалось для его размножения и рассылки в опечатанном виде по всей стране в места, где его должны были 1 августа вскрыть и зачитать народу или вывесить для всеобщего обозрения. Одновременно с указом от 11 мая 1744 г. о снижении достоинства пятаков был подписан именной указ "О запрещении ввозить в Россию медную монету и о невывозе за границу золотых и серебряных денег, слитков и

посуды. Этот указ, продублированный сенатским указом от 17 мая 1744 г., вводил особо жесткие оградительные меры, предусматривающие смертную казнь на месте как для нарушителей запрета, так и для нерадивых или недобросовестных таможенников.

Через год, 5 июня 1745 г., был подписан именной указ о приеме с 1 октября 1745 г. медных пятаков во все платежи за три копейки, а с 28 августа 1746 г. цена пятака была установлена в две копейки (именной указ от 20 июня 1746 г.). Что же касается снижения нарицательной цены пятака до копейки, то оно по разным причинам задерживалось. В докладе на имя императрицы от 25 января 1755 г. сенатор П. И. Шувалов писал: "...а с 1747 года четвертая ("убавка" нарицательной цены пятаков. — В. У.), в разсуждении как умаления в государстве мелких денег, о чем из многих губерний доношениями представлено, так и других важных резонов остановлена..." Какovy были эти резоны, можно только предполагать, но наиболее вероятным представляется нарушение основного принципа проводившихся мероприятий — равного распределения убытков между государственной казной и населением страны.

Действительно, население, будучи свидетелем трех ежегодных снижений покупательной способности пятаков, скорее всего, предвидело и четвертое, а потому сделало все возможное, чтобы избавиться от столь убыточных монет и переправить их в казну. Правительство же, откладывая реализацию конечного этапа операции, старалось этим успокоить народ и возратить как можно больше пятаков из казны в широкое обращение. Однако в конце 1754 г. была все же начата подготовка к проведению последнего снижения нарицательной цены пятаков и перечеканки их в копейки.

Сенатским указом от 22 декабря 1754 г. был определен следующий порядок действий:

Монетная канцелярия должна начеканить новых медных копеек по стопе в 8 руб. из пуда меди, но не более чем на 1 млн. руб.;

на эти копейки должен быть произведен обмен пятаков после того, как их нарицательная цена будет снижена до 1 коп.;

для обмена пятаков на копейки должен быть установлен определенный срок;

все вымененные пятаки должны быть перечеканены в копейки теми же штемпелями, которыми будут чеканиться новые копейки;

Монетная канцелярия должна немедленно изготовить для чеканки и перечеканки штемпеля и представить их на утверждение в Сенат.

И здесь мы опять встречаемся с удивительной недооценкой фактора снижения монетной стопы: ведь новые копейки имели стопу в 8 руб. из пуда меди при существовавшей в то время цены на медь около 6 руб. за пуд, вследствие чего подделка этих копеек уже не могла принести дохода, который хоть в какой-то мере оправдывал бы смертельный риск, связанный с такой деятельностью. И тем не менее, согласно указу от 22 декабря 1754 г., Монетной канцелярии надлежало "...немедленно сделать вновь с портретом Ея Императорского Величества и другим разным манером наилучшие штемпели, под которые б воровским людям подделываться было невозможно...". Спрашивается, зачем потребовалось применение дорогостоящих портретных штемпелей для чеканки монет достоинством всего в 1 коп., если подделка их практически полностью исключалась их низкой монетной стопой? Видимо, на новые копейки,

порожденные пятаками образца 1723 г., было невольно перенесено опасение массовой их фальсификации, неизменно сопровождавшей пятаки.

Во исполнение сенатского указа от 22 декабря 1754 г. было изготовлено не менее восьми различных штемпелей, причем один из них в процессе чеканки пробных монет был доработан (см. рис. 45 и 47) — на нем была выбита дата. Этими штемпелями, путем различного их сочетания, было отчеканено семь известных в настоящее время пробных монет (рис. 39<->40, 39<-> 41,41 <-> 42, 42 <->40, 43 <-> 44, 44 <->45 и 46 <-> 47). Однако снижение нарицательной цены пятаков до копейки так и не состоялось — 7 марта 1755 г. императрице был представлен поддержанный Сенатом проект сенатора П.И. Шувалова, содержащий предложение не снижать цену пятаков до копейки, а выкупать их у населения по цене 2 коп. за штуку, заплатив за них новыми копейками, и выкупленные пятаки перечековать в копейки. В отличие от сенатского указа от 22 декабря 1754 г., проект предусматривал чеканку новых копеек для выкупа пятаков на сумму не в 1 млн., а в 3 млн. руб.

Проект Шувалова был утвержден Елизаветой Петровной. На основании этого проекта в качестве рабочего документа был издан сенатский указ от 9 марта 1755 г., определивший основные направления подготовки к выкупу пятаков, а также были изданы еще два сенатских указа (от 17 апреля и 2 мая 1755 г.), установившие правила выкупа пятаков и ответственность лиц, допустивших приемку фальшивок. Наконец 18 августа 1755 г. был подписан именной указ, которым было объявлено "во всенародное известие" о чеканке копеек по 8-рублевой монетной стопе, о выкупе пятаков по цене 2 коп. за штуку и о последующей перечековке пятаков в копейки. И только 19 июня 1756 г. сенатским указом был установлен срок нахождения пятаков в обращении и предъявления их на выкуп — 1 сентября 1756 г.

Несмотря на первоначальное намерение придать новым копейкам 8-рублевой стопы сложное внешнее оформление, возобладал реалистический подход к решению этого вопроса: был утвержден образец с довольно простым оформлением, схожий с пробной копейкой, представленной на рис. 42 <-> 40, но с менее рельефными изображениями на аверсе и реверсе (рис. 48). Понижение рельефа изображений обеспечивало лучшее качество перечековки (более полное уничтожение следов изображений и надписей, бывших на пятаке) при меньшей нагрузке на штемпель. С этой же целью на новых копейках опять было применено соотношение сторон $\sqrt{3}$, хотя пробная копейка (рис. 42 <-> 40) имела на большинстве экземпляров соотношение сторон $f \approx 1$. Дело в том, что оформление обеих сторон копейки образца 1755 г. практически одинаково, причем основные элементы изображений на аверсе и реверсе образуют некоторое подобие треугольника. При таком оформлении и при соотношении сторон $f \approx 1$ изображение, имеющееся на аверсе монеты, точно проецируется на изображение, имеющееся на реверсе (рис. 49,А). Если же стороны монет относятся как $f \approx \sqrt{3}$ то изображения, находящиеся на аверсе и реверсе, распределяются более равномерно по всему кружку монеты (рис. 49,Б), а это позволяет получать доброкачественные отиски при меньшей нагрузке на штемпель. Вообще же Сенат проявил определенную заботу об улучшении внешнего вида копеек, изготавливаемых перечековкой. Так, в указе от 9 марта 1755 г. содержится такое требование: "...а грошевики (пятаки, ценившиеся по 2 коп. — В. У.), вступающие в казну, перепечатывать с подпущенным темным колером, дабы не столь грошевые знаки видны были".

Остается только отметить, что на части копеек образца 1755 г. массового выпуска, чеканившихся на гладких кружках, все же была применена мера охраны их от фальсификации — на их гурт наносилась надпись: "С.ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА", или "МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА", или "ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА".

Копейки образца 1755 г., самые "тяжеловесные" из всех русских монет, просуществовали недолго: уже 8 апреля 1757 г. именной указ "О новом переделе медных денег" утвердил для медных монет новую, 16-рублевую стопу. В этом указе среди прочего было записано: "Доныне сделанные из пяти-копеечников перепечатанные копейки, в народ уже выпущенные, перепечатать паки все в грошевики новым штемпелем, дабы также 16 рублей из пуда было..."

Обращает на себя внимание то, что в указе от 8 апреля 1757 г. подведены итоги проведенного в 1755 — 1756 гг. выкупа пятаков образца 1723 г.: "...возвратилось оной (5-копеечной монеты. — В. У.) в казну Нашу гораздо меньше, нежели выпущено было, так что вместо того, что опасно было великое число подвозных (из-за границы. — В. У.) и поддельных медных пятикопеечников, не достало оных при вымене противу выпущеннаго в народ числа 205 723 рубли". Итог, прямо надо сказать, удивительный: на протяжении многих лет русское правительство вело непрерывную и ожесточенную борьбу с отечественными, а главное, зарубежными фальшивомонетчиками, наводнявшими внутренний рынок поддельными (часто не отличимыми от подлинных) пятаками, а в результате население смогло сдать на выкуп пятаков на 206 тыс. руб. меньше той суммы, на которую их начеканили российские монетные дворы. И в то же время итог этот вполне закономерен.

Прежде всего, в именованном указе от 18 августа 1755 г., которым был назначен выкуп пятаков, не был определен срок, в который этот выкуп должен быть завершен, — случай для документов такого рода беспрецедентный. Когда же этот срок (1 сентября 1756 г.) был наконец установлен сенатским указом от 19 июня 1756 г., то оказалось, что до конца этой колоссальной операции осталось всего-навсего меньше двух с половиной месяцев. Всего же выкуп продолжался около года. Если же учесть, что выкуп пятаков у населения с оплатой каждого пятака двумя копейками 8-рублевой стопы был для казны явно невыгодным, то причина манипуляций со сроком выкупа становится легкообъяснимой.

Таким образом, и явно недостаточное общее время, отведенное на проведение выкупа, и продолжительное сокрытие от населения конечного срока выкупа способствовали тому, что весьма значительное количество пятаков так и осталось у населения. Именно этим объясняется непонятный на первый взгляд итог выкупной операции, массовое использование пятаков 1723 — 1730 гг. для изготовления перчеканкой 2-копеечников 1757 — 1762 гг., 4-копеечников 1762 г., 2-копеечников 1763 — 1796 гг. и даже 4-копеечников 1796 г., а также чрезвычайно большое количество этих пятаков в государственных и частных коллекциях и в запасниках музеев.

Такова история проектирования, чеканки, обращения, подделки и ликвидации монет, присутствие которых в денежном хозяйстве страны лихорадило русскую экономику на протяжении всей второй четверти XVIII в.

Примечания

Полный свод законов Российской империи (далее — ПСЗ), № 5411.

- ²ПСЗ, №4258.
- ³ ПСЗ, № 4276.
- ⁴ШОДУАР С. Н. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Таблицы. Спб., 1837 — 1841.
- ⁵ См.: SCHUBERT F. Monnaies Russes des derniers trois Siecles. Atlas. Leipzig, 1857. Taf. XIX.
- ⁶ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Екатерины I. Спб., 1904. Табл. XXV.
- ⁷ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. Спб., 1901. Табл. III.
- ⁸ СПАССКИЙ И. Г. Русская монетная система. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. С. 136.
- ⁹ ПСЗ, №4258.
- ¹⁰ПСЗ, № 5003.
- ¹¹ ПСЗ, №5088.
- ¹²ПСЗ, № 5156.
- ¹³ПСЗ, №5411.
- ¹⁴ЮХТ А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985. С.193 — 218.
- ¹⁵ПСЗ, № 5684.
- ¹⁶ПСЗ, № 8948.
- ¹⁷ПСЗ, № 8940.
- ¹⁸ПСЗ, № 7640.
- ¹⁹ ПСЗ, № 6818, 7101, 7212, 7640, 8940 8942, 9099, 9102, 9143, 9247, 9289 9833, 9923.
- ²⁰ПСЗ, № 5003.
- ²¹ ПСЗ, №5657.
- ²²ПСЗ, №5411.
- ²³ ПСЗ, № 5578.
- ²⁴ПСЗ, № 5684.
- ²⁵⁻³⁰ См.: Центральный государственный архив древних актов, XIX разряд, дело № 129, ч. 1.
- ³¹ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн Монеты царствования императора Иоанна III. Спб., 1901. С.39.
- ³² ПСЗ, № 8940.
- ³³ ПСЗ, №5684.
- ³⁴ ПСЗ, № 8948.
- ³⁵ ПСЗ, № 8939.
- ³⁶ ПСЗ, № 8940.
- ³⁷ ПСЗ, № 8942.
- ³⁸ ПСЗ, № 9185.
- ³⁹ ПСЗ, № 9297.
- ⁴⁰ПСЗ, № 10370.
- ⁴¹ ПСЗ, № 10339.
- ⁴²ПСЗ, № 10370.
- ⁴³ ПСЗ, № 10374.
- ⁴⁴ ПСЗ, № 10396, 10401.
- ⁴⁵ПСЗ, № 10447.
- ⁴⁶ПСЗ, № 10574.
- ⁴⁷ ПСЗ, № 10374.
- ⁴⁸ПСЗ, № 10717.
- ⁴⁹ПСЗ, № 10447.
- ⁵⁰ПСЗ, № 10574.



1



2



3



4



5

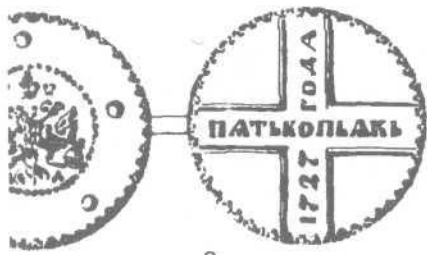


6

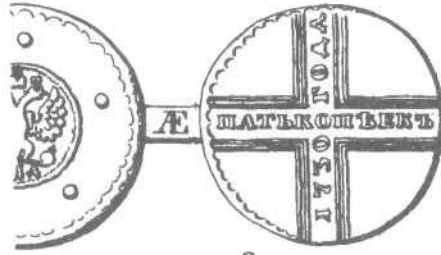


7

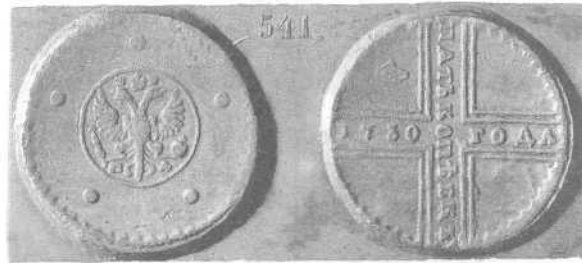




8



9



10



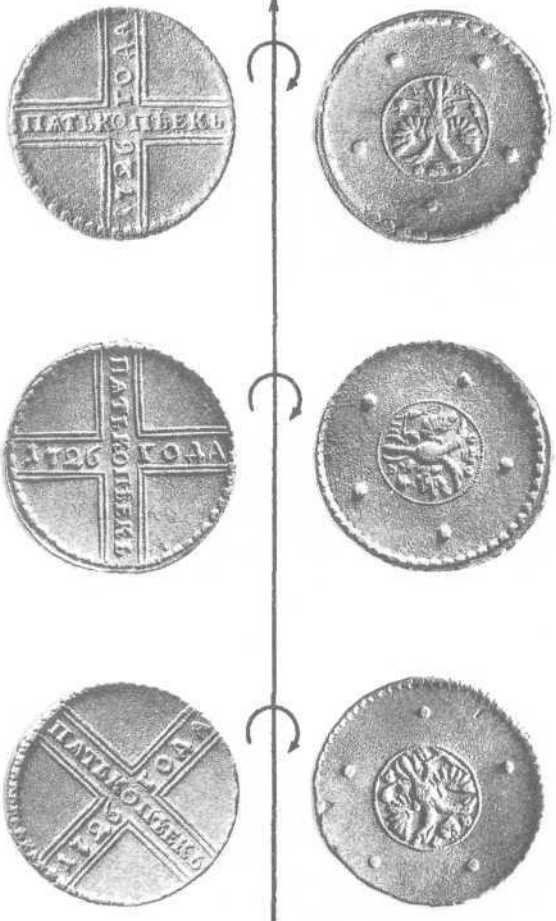
11



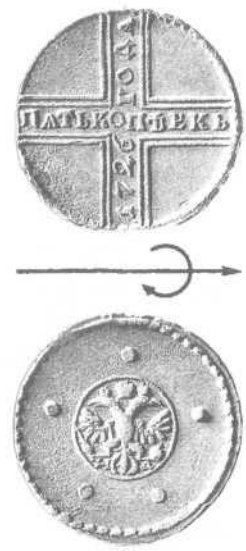
12



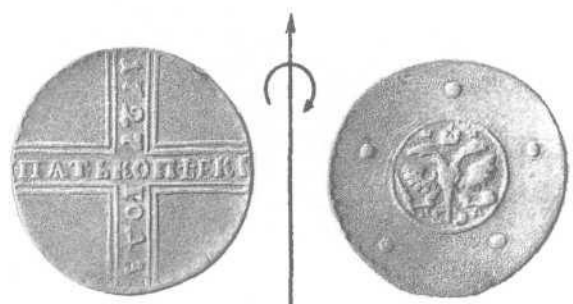
13



14



15



16



17



18



19



20



21



22



23



24



25



26



27



28



29



30



31



32



33



34



35



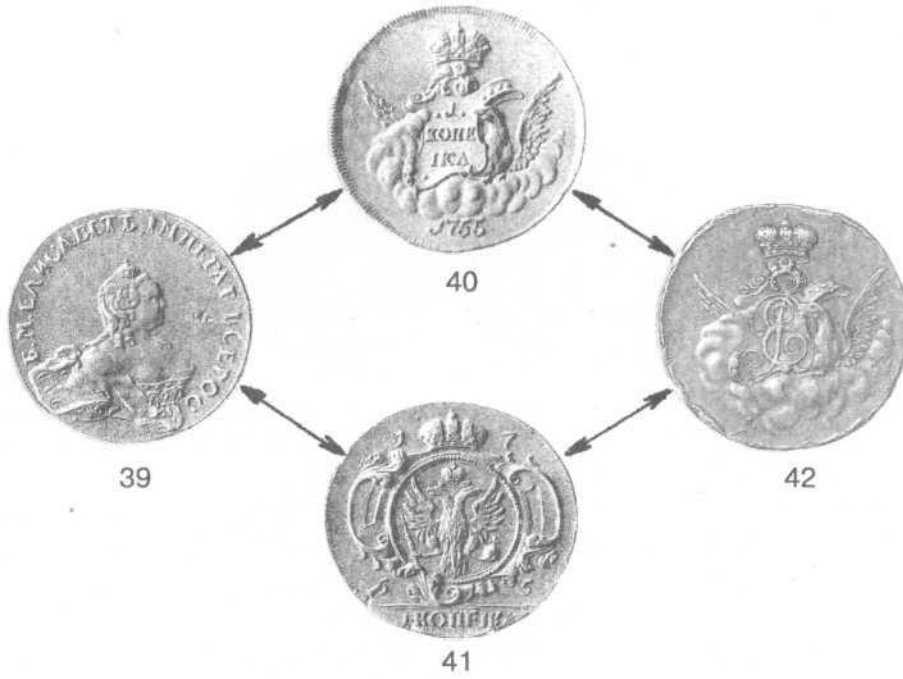
36



37

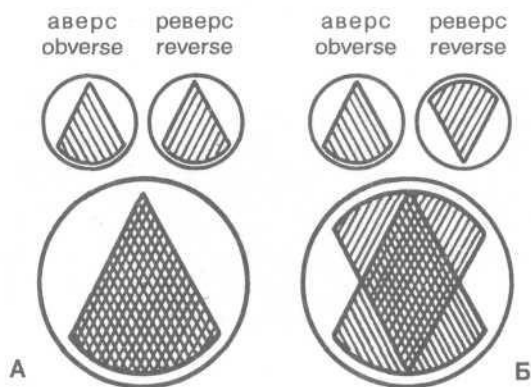


38





48



49

Пробные монеты 1726 — 1727 гг.

За все историю существования монетного дела в России русская монетная система под воздействием различных изменений в экономике страны, политических преобразований и других факторов общественной жизни претерпевала неоднократные видоизменения, сопровождавшиеся разработкой соответствующих проектов. Большинству этих проектов сопутствовало изготовление на монетных дворах опытных образцов — пробных монет, наглядно демонстрировавших все те мероприятия, которые предусматривались тем или иным проектом.

После рассмотрения проектов в соответствующих правительственных инстанциях пробные монеты в конечном итоге подразделялись на две основные категории: на пробы, получившие одобрение и утверждение в качестве образцов для новых монет массового выпуска, и на пробы, не получившие по каким-то причинам одобрения и оставшиеся в единичных экземплярах или размноженные малотиражными выпусками. Роль и значение проб первой категории полностью

исчерпывается утверждением их в качестве образцов. Такие "образцовые" монеты обычно в нумизматические собрания не попадали, т. к. после утверждения их пробивали, прошнуровывали, опечатывали сургучной печатью, и они оседали в правительственных архивах [Все же иногда бывали и исключения: например, в собрании Государственного Эрмитажа находится пробитый и прошнурованный экземпляр полуполтины 1726 г.]. Что же касается проб второй категории, которые встречаются во многих государственных и даже частных собраниях, то в ряде случаев они представляют значительный научный интерес, поскольку многие из них являются свидетельством (иногда единственным) поисков путей решения различных финансово-экономических проблем, возникавших в стране в тот или иной период времени и не нашедших отражения в монетах массового выпуска. Поэтому изучение таких пробных монет и причин их появления может во многом способствовать получению целого ряда дополнительных сведений в области экономики, денежного обращения и монетного производства. Постараемся показать это на примере группы пробных монет 1726 — 1727 гг., появившихся в достаточно сложный период русской истории, когда перед правительством стоял целый ряд неотложных задач, требовавших скорейшего решения.

Среди многочисленных дошедших до нас пробных монет XVIII — начала XX в. пробы 1726 — 1727 гг. занимают по количеству одно из первых мест. На сегодня их известно семнадцать (не считая медных квадратных "плат"):

1726 г.

1. Полуполтина — рис. 1.
2. Серебряный 2-рублевник — рис. 5.
3. Медный гривенник — рис. 8.
4. Копейка — рис. 9.

1727 г., монеты с вензелем Екатерины I

5. 2-копеечник — рис. 23.
6. Копейка (1-й вариант) — рис. 24.
7. Копейка (2-й вариант) — рис. 25.
8. Медный грош — рис. 26.
9. Полушка — рис. 28. 1727 г., безымянные монеты
10. 3-копеечник — рис. 15.
11. Серебряный грош (1-й вариант) — рис. 16.
12. Серебряный грош (2-й вариант) — рис. 17.
13. Медный грош — рис. 29.
14. Копейка — рис. 30.

1727 г., монеты с именем или вензелем Петра II

15. Рубль — рис. 22.
16. Полушка — рис. 40. Недатированная монета с вензелем Петра II
17. Копейка — рис. 39.

Кроме того, изображения, имеющиеся в рисованных таблицах, датируемых серединой XVIII в. и хранящихся в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа, свидетельствуют о том, что существовало еще как минимум восемь не дошедших до нас пробных монет:

1727 г., монета с вензелем Екатерины I

1. Копейка — рис. 27. 1727 г., безымянная монета
2. Копейка — рис. 32.

1727 г., монеты с вензелем Петра II

3. Копейка (1-й вариант) — рис. 33.
4. Копейка (2-й вариант) — рис. 34.
5. Копейка (3-й вариант) — рис. 35.
6. Копейка (4-й вариант) — рис. 36.
7. Копейка (5-й вариант) — рис. 37.
8. Полушка — рис. 38.

В этих таблицах имеются также рисунки некоторых пробных монет, находящихся в настоящее время в собраниях Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея (рис. 44 — 46).

Каковы же причины появления всех этих проб?

Из пробных монет 1726 г., точная дата рассмотрения которых в правительственных инстанциях может быть установлена по письменным источникам, наиболее ранней является серебряная полу полтина (см. рис. 1). Наличие этой пробной монеты, а также небольшого количества монет массовой чеканки (рис. 2), свидетельствует о существовании в 1726 г. проекта возобновления выпуска монет 25-копеечного номинала, чеканка которых была прекращена еще в 1713 г. Однако полу полтина 1726 г. коренным образом отличается от полуполтинников Петра I, которые по внешнему оформлению, по монетной стопе и по пробе серебра полностью соответствовали рублю и полтине, т. е. относились к серебряным монетам высшего разряда, получившим позднее название банковых.

Во-первых, полуполтина 1726 г. по монетному типу аверса и реверса совершенно идентична гривне этого же года (рис. 4). Во-вторых, полуполтина 1726 г., так же как и гривна, чеканена по стопе 15 руб. 84 коп. из фунта легированного серебра, тогда как рубль и полтина чеканились в то время по стопе 14 руб. 40 коп. из фунта. Наконец, в-третьих, полуполтину и гривну первоначально предполагалось чеканить из сплава одного и того же состава. Так, в именном указе от 25 мая 1726 г. записано: "В Верховном Тайном Совете Генерал-Фельдмаршал Светлейший Князь Меншиков объявил о пробе полуполтинных монет свидетельство за руками пробовальных мастеров Шлаттера, Левкина, Рыбакова, и притом три полуполтинные монеты в трех бумагах с надписанием, а именно: первой пробы 1/2, второй пробы 1/3, третьей пробы 1/4... Присутствующие Верховнаго Тайнаго Совета особы о том разсуждали и положили, чтобы по тем пробам делать новыя монеты, следующие: из первой алтынники, из третьей рублевики и полтинники, из второй пробы полуполтинники и гривенники, при том же разсуждено, чтоб для лучшей впредь верности тем пробам быть в Верховном Тайном Совете, а дру#ия таковыя ж отдать Генерал-Фельдмаршалу Светлейшему Князю, приложа печать Ея Импера-торскаго Величества на шнурах, пробив оныя монеты, а третьи такия ж отдать в кабинет". Забегая вперед, отметим, что указом Верховного тайного совета от 15 июня 1726 г. чеканка алтына была отменена, а гривну предписывалось чеканить из сплава в 1/2 пробы.

Из всего этого следует, что проект 1726 г. предусматривал не только возобновление чеканки 25-копеечника, но и перевод его из банковых монет в монеты разменные.

Из какого же сплава отчеканены дошедшие до нас экземпляры полуполтины 1726 г.? Как видим, перечисленные в указе от 25 мая 1726 г. сплавы имеют совершенно необычное обозначение пробы: $1/2$, $1/3$, и $1/4$. Попытаемся выяснить, что скрывается за этими цифрами. Для этого воспользуемся "экстрактами" из документов Берг-коллегии, касающимися выделки серебряных денег в 1726 — 1727 гг.

Согласно указу от 25 мая 1726 г. Берг-коллегия, в ведении которой находились в это время вопросы монетного производства, не значится в числе адресатов, которые должны были получить образцовые полуполтины. Однако во втором полугодии 1726 г. комплект таких монет в Берг-коллегию, видимо, все же поступил, и она начинает выяснять, из какого же сплава отчеканены эти образцы, поскольку обозначения пробы, примененные в указе от 25 мая, ей, судя по всему, своими силами расшифровать не удалось. 26 октября 1726 г. Берг-коллегия запрашивает по этому вопросу минцмейстеров Левкина, Шагина и Рыбакова, а 31 октября — обер-коменданта Санкт-Петербургской (Петропавловской. — В. У.) крепости Фаминцына, которому в это время был подчинен и монетный двор, располагавшийся тогда в Трубецком бастионе крепости. В ответ на запрос Берг-коллегии минцмейстеры донесли, что им о пробе сплава образцовых полуполтин ничего не известно, а Фаминцын 11 ноября доложил, что проба в $1/2$ соответствует $41 \frac{2}{3}$ пробе в золотниковом выражении, проба в $1/3$ — $43 \frac{2}{4}$ пробе и проба в $1/4$ — $57 \frac{2}{3}$ пробе. Никаких других сообщений Берг-коллегия, видимо, не получила и в дальнейшем довольствовалась сведениями, поступившими от обер-коменданта Фаминцына.

Каково же было мнение по этому вопросу русских ученых-нумизматов? В Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича значения проб, сообщенные Фаминцыным, приведены в качестве фактического материала, хотя и несколько неточно (вместо $43 \frac{2}{4}$ указана $43 \frac{1}{3}$ проба, а вместо $57 \frac{2}{3}$ — $57 \frac{1}{3}$ проба). В более поздней работе А. Ильина и И. Толстого "Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г." приведены уже совершенно другие величины: авторы этой работы считали, что согласно указу от 25 мая 1726 г. полуполтина и гривна должны были чеканиться из сплава 64-й пробы, что указом от 15 июня для гривны был определен сплав 48-й пробы, и только на 13 июля 1726 г. они относят принятие решения об использовании для чеканки гривен сплава 42-й пробы (по справке Фаминцына — $41 \frac{2}{3}$ пробы). Наконец, в работе И. Г. Спасского "Русская монетная система" указывается, что в течение трех месяцев 1726 г. (с мая по июль) проба сплава для разменной серебряной монеты изменялась сначала с 64-й на 48-ю, а затем с 48-й на 42-ю.

Есть все основания считать, что в своей трактовке указов от 25 мая и 15 июня 1726 г. А. А. Ильин, И. И. Толстой и И. Г. Спасский безусловно правы. Простейшие расчеты показывают, что в этих указах речь идет именно о сплавах 64-й и 48-й проб, только проба выражена в них через содержание лигатуры в единице веса сплава. Действительно, сплав в $1/2$ пробы содержит $1/2$ часть меди и $1/2$ часть чистого серебра, т. е. имеет 48-ю пробу, а сплав в $1/3$ пробы — $1/3$ часть меди и $2/3$ части чистого серебра, т. е. имеет 64-ю пробу. Что же касается сплава в $1/4$ пробы, предназначавшегося для изготовления рублей и полтин, то его состав ($1/4$ часть

меди и $\frac{3}{4}$ части чистого серебра, т. е. 72-я проба) очень близок к составу сплава 70-й пробы, действительно использовавшегося для чеканки в 1725 — 1727 гг. монет этих номиналов и узаконенного указом от 8 февраля 1727 г. Следовательно, три образцовые полуполтины 1726 г. были отчеканены одна из сплава 72-й пробы, другая из сплава 64-й пробы и третья из сплава 48-й пробы, причем согласно указу от 15 июня 1726 г. сплав 48 пробы был определен для чеканки гривен.

Почему же обер-комендант Фаминцын доложил в Берг-коллегию заведомо неверные сведения о пробе сплава образцовых полуполтин? В "экстрактах" содержатся следующие документы, имеющие непосредственное отношение к этому вопросу. Прежде всего, доношение минцмейстера Левкина (Дитерика Лефкена. — В. У.) от 8 июля 1726 г. и некоторые другие документы свидетельствуют о наличии, видимо, устного, не подтвержденного официальной бумагой, распоряжения А. Д. Меншикова о чеканке гривен из сплава не 48-й, а 42-й пробы "новой инвенции". Что представляет собой такой сплав, становится ясным из справки, помещенной в "Горном журнале" за 1832 г. : "Новой же инвенцией назывались для того, что лигатура была составлена с арсеником (с мышьяком. — В. У.), дабы посредством оной довести то низкопробное серебро до такого вида, каковые есть настоящие 70 пробы серебряные монеты". Минцмейстер Левкин, которому был выдан подряд на чеканку гривен, неоднократно доносил, что этот сплав не обеспечивает выдерживание заданного допуска по пробе, поскольку его состав получается неоднородным даже в отдельно взятом слитке. Более того, Левкин сообщил в Берг-коллегию, что серебряные слитки, полученные им от Фаминцына для изготовления гривен, при исследовании показали самые различные значения пробы: 37-ю, 27-ю, 24-ю, 20-ю и даже 18-ю, причем иногда из-за спешки определение пробы сплава перед чеканкой гривен вообще не производилось. Со своей стороны Фаминцын в докладе Берг-коллегии от 11 ноября 1726 г. признает, что среди отчеканенных гривен действительно были обнаружены экземпляры с пониженной пробой сплава (до 38-й), но что произошло это исключительно по вине минцмейстера. Одновременно он сообщает, что согласно ведомости, составленной Левкиным и другими "пробовальными мастерами", рублевика и полуполтины, которых "наделано было довольно", имели пробу сплава, превышающую значения, якобы определенные для этих монет указом от 25 мая и 15 июня 1726 г.: первые — 62 (вместо $57 \frac{2}{3}$), а вторые — $55 \frac{1}{6}$ (вместо $43 \frac{2}{4}$), и что впоследствии все эти монеты были переделаны в гривны 42-й пробы.

Из документов Берг-коллегии также явствует, что во втором полугодии 1726 г. производились опыты по составлению для гривен сплава той же 42-й пробы, но с использованием лигатуры, разработанной комиссаром Московской монетной конторы Крекшиным и содержащей селитру, мышьяк и сулему, и что сплав такого состава не только оказался недопустимо хрупким, но и разлагался еще будучи в слитках.

Сопоставление всех этих сведений позволяет сделать выводы:

1. Массовая чеканка разменной серебряной монеты производилась в 1726 — 1727 гг. из сплавов пониженной пробы по сравнению со сплавами, утвержденными указами от 25 мая и 15 июня 1726 г.: полуполтины чеканились из сплава примерно 55-й пробы, а гривны — из сплава 42-й пробы и ниже (вплоть до 18-й) с добавкой мышьяка.

2. Добавка в лигатуру мышьяка, видимо, не обеспечивала надежной маскировки незаконного снижения пробы сплава гривен, в связи с чем был разработан новый состав лигатуры, оказавшийся, впрочем, совершенно непригодным.,

3. Вероятность существования гривен из сплава 64-й пробы (согласно указу от 25 мая) и 48-й пробы (согласно указу от 15 июня) ничтожно мала ввиду незначительности промежутка времени между этими указами, а также между указом от 15 июня и распоряжением Меншикова о снижении пробы до 42-й, последовавшим не позднее 8 июля (а не 15 июля, как считали Ильин и Толстой).

4. Минцмейстеры Левкин и Рыбаков не могли не знать состава сплавов, из которых были отчеканены образцовые полуполтины, рассматривавшиеся Верховным тайным советом, поскольку в указе от 25 мая 1726 г. прямо говорится, что именно они подписали свидетельство о пробе сплава этих монет. Однако сообщить эти сведения в Берг-коллегию они не могли, поскольку это было бы равносильно выступлению против всемогущего А. Д. Меншикова.

5. Обер-комендант Фаминцын, один из фаворитов Меншикова, пользуясь неосведомленностью Берг-коллегии и умолчанием минц-мейстеров, в справке, представленной в Берг-коллегию, дал заведомо ложную расшифровку необычного обозначения проб сплава, примененного в указах от 25 мая и 15 июня 1726 г., и тем самым предотвратил разоблачение шедшей полным ходом по указанию Меншикова незаконной чеканки низкопробных гривен.

В настоящее время, кроме небольшого количества полуполтин 1726 г. массовой чеканки (см. рис. 2), уцелевших от передела их в гривны, известны еще две монеты, находящиеся в собрании Государственного Эрмитажа: пробный экземпляр полуполтины (см. рис. 1) и образцовый экземпляр, пробитый, прошнурованный и опечатанный сургучной печатью (его изображение опубликовано в книге И. Г. Спасского "Русская монетная система"). Остается выяснить, из какого сплава отчеканены эти два экземпляра.

Экземпляр полуполтины, определяемый нами как пробный (см. рис. 1), в Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича предположительно отнесен к новоделам, и в описании этой монеты содержится следующее замечание: "Несмотря на то, что рисунок орла и характер букв похожи на монеты того времени, я предполагаю, что эта монета отчеканена в позднейшее время, т. к. по внешнему своему виду она из высокопробного серебра, чего, судя по документальным данным, быть не должно". И действительно, по цвету сплава, свидетельствующему о весьма высокой пробе, этот экземпляр полуполтины явно отличается как от полуполтин массовой чеканки, так и от образцового экземпляра, однако никаких других признаков, присущих новоделам, он не имеет. К тому же хорошо известно большое количество действительно новодельных полуполтин 1726 г. (рис. 3), которые чеканились заново изготовленными штемпелями, довольно точно копирующими штемпеля полуполтин массовой чеканки (см. рис. 2). Поэтому появление полуполтины, отличающейся от полуполтин массовой чеканки не только пробой сплава, но и несколько измененным рисунком гербового орла, может иметь лишь одно приемлемое объяснение: это единственный дошедший до нас пробный экземпляр из числа отчеканенных в сплаве 72-й пробы для представления на рассмотрение Верховного тайного совета. Поскольку же он не пробит, то это либо тот самый экземпляр, который согласно указу от 25 мая 1726 г. поступил на хранение в Верховный тайный совет, либо подобных монет из сплава 72-й пробы было отчеканено более трех экземпляров.

Из того же сплава 72-й пробы должен бы быть отчеканен и образцовый экземпляр полуполтины, т. к. на этикетке, прикрепленной к продетому через отверстие в этой монете шнуру, значится: "3 пробы 1/4". Однако, скорее всего, это не так.

Во-первых, по цвету сплава образцовый экземпляр очень близок к полуполтинам массовой чеканки, а эти последние, как уже говорилось, чеканились из сплава 55-й пробы. Во-вторых, образцовый и пробный экземпляры полуполтины отчеканены различными комплектами штемпелей, а изготовление для чеканки двух экземпляров одной и той же пробной монеты двух комплектов штемпелей, имеющих хорошо заметные, но совершенно несущественные отличия (главным образом — в рисунке хвоста гербового орла), могло преследовать только одну цель: облегчить распознавание экземпляров, отчеканенных из сплавов различной пробы. Наконец, наиболее вероятно, что массовая чеканка полуполтин производилась таким же штемпелем, какими был отчеканен образец из сплава 64-й пробы, утвержденного для монет этого номинала указом от 25 мая; штемпеля же всех известных нам полуполтин массового чекана полностью идентичны штемпелям образцовой монеты. Следовательно, имеется достаточно оснований считать, что пробитый и опечатанный образцовый экземпляр полуполтины отчеканен из сплава 64-й пробы, а запись на его этикетке является ошибочной. При этом необходимо отметить, что в процессе подготовки указа, подписанного 25 мая 1726 г., была допущена явная путаница в отношении номенклатуры сплавов, нашедшая отражение даже в официальных документах. Так, в протоколе Верховного тайного совета от 16 мая 1726 г. зафиксированы рекомендации, утвержденные позднее указом от 25 мая. Однако в журнале Верховного тайного совета в записи от 18 мая содержатся уже совершенно иные рекомендации: сплав в 1/4 пробы определен для чеканки алтынников, сплав в 1/3 пробы — для чеканки рублей и полтин, а сплав в 1/2 пробы — для чеканки полуполтин и гривен. Наконец, запись в журнале Верховного тайного совета от 27 мая 1726 г. свидетельствует, что рекомендации, содержащиеся в записи от 18 мая, ошибочны, и подтверждает первоначальное решение. Вполне естественно предположить, что в таких условиях легко могла произойти ошибка и при этикетировании образцов.

Какие же цели преследовал проект 1726 г., планировавший возобновление чеканки 25-копеечников? Прежде всего, появление этого проекта было, видимо, обусловлено потребностью ликвидировать существовавший разрыв между полтинным и 5-копеечным номиналами, создававший определенные неудобства при расчетах (на решение этого вопроса было направлено и введение в обращение гривны). Но основная цель проекта 1726 г. усматривается все же в переводе полуполтины из разряда банковской в разряд разменной монеты. Выгода от такой операции достаточно очевидна: при массовой чеканке полуполтин из серебра пониженной пробы по монетной стопе, установленной для разменной монеты, достигалось ощутимое снижение расхода чистого серебра по сравнению с расходом его при чеканке полуполтин, приравненных к банковской монете. К тому же проба серебра, использовавшегося для чеканки полуполтин, была незаконно снижена с 64-й, утвержденной именным указом, до 55-й. В результате всех этих мероприятий экономия чистого серебра могла составить около 5,9 кг на каждую тысячу руб. в отчеканенных полуполтинных монетах, а при существовавшей тогда цене на чистое серебро (18 коп. за золотник) дополнительный доход казны составил бы в среднем 246 руб. с каждой тысячи руб. Однако с началом массовой

чеканки гривен из сплава 42-й пробы (и ниже) фактический расход чистого серебра на каждую тысячу руб. в гривенной монете оказался как минимум на 3,5 кг меньше по сравнению с расходом на такую же сумму в полуполтинной монете, что давало дополнительную прибыль в размере не менее 146 руб. с каждой тысячи руб. Видимо, именно это обстоятельство и послужило причиной того, что проект возобновления чеканки полуполтины фактически так и не был реализован, а уже отчеканенные полуполтинные монеты были переплавлены и использованы при чеканке гривен.

Серебряный 2-рублевик 1726 г. (см. рис. 5) известен в настоящее время только в виде новодела, в связи с чем закономерно возникает вопрос: а действительно ли была пробная чеканка 2-рублевиков? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся прежде всего к самой монете. Штемпеля, которыми отчеканены новодельные 2-рублевика 1726 г., не дают ни малейших оснований сомневаться в их подлинности. Более того, среди рублей массового выпуска 1726 — 1727 гг. легко обнаруживаются экземпляры, штемпеля реверса которых изготовлены, несомненно, тем же резчиком, который изготовил и штемпель реверса 2-рублевика — на рис. 6 и 7 представлены оборотные стороны двух таких монет.

Существование подлинных экземпляров 2-рублевика 1726 г. подтверждается и документально. В журнале Верховного тайного совета имеется следующая запись от 15 июня 1726 г.: "В Верховном Тайном Совете Рейхс-Маршал и Генерал-фельдмаршал, Светлейший Князь (А. Д. Меншиков. — В. У.) объявил ведомость за руками денежных дворов пробовальных мастеров Левкина, Шлаттера, Рыбакова и Шагина о пробе 2-рублевиков новой инвенции из нового серебра..." Таким образом, факт пробной чеканки в 1726 г. серебряного 2-рублевика не вызывает никаких сомнений, а упоминание в журнале о "новом серебре" и о "новой инвенции" раскрывает и цель разработки этой монеты: подлинные экземпляры 2-рублевика были отчеканены из низкопробного серебра с "облагораживающей" добавкой в лигатуру мышьяка. К тому же сравнительно малый диаметр 2-рублевика 1726 г. позволяет предположить, что Верховный тайный совет рассматривал вопрос о возможности снижения не только пробы сплава, но и весовой нормы серебряных банковых монет. Действительно, диаметр 2-рублевика, достаточно точно определяемый на новодельном экземпляре по диаметру штемпелей, был равен примерно 46 мм, а это явно недостаточно для 2-рублевика в случае чеканки его по существовавшей в то время монетной стопе банковской монеты, поскольку в большинстве случаев рубли 1725 — 1726 гг. изготавливались перечеканкой талеров и имели диаметр около 43 мм. Такое несоответствие было очевидно и для разработчиков 2-рублевика: чтобы он заметнее отличался от уже находившихся в обращении рублей, на его реверсе кроме обычного обозначения номинала было введено дублирующее обозначение в виде римской цифры "II" и литеры "P" (т. е. "два рубля"). К сожалению, из-за отсутствия подлинной монеты нет никакой возможности установить монетную стопу и состав сплава пробных экземпляров 2-рублевика, рассматривавшихся Верховным тайным советом, поскольку в письменных источниках эти сведения не получили отражения.

В истории русской монетной чеканки пробный гривенник 1726 г. (рис. 8) является первой медной монетой 10-копеечного номинала (если не считать медные квадратные гривны 1725 — 1726 гг., относящиеся к совершенно особой серии монет). 10-копеечный номинал у медной монеты явление вообще довольно редкое, и введение его в обычный набор номиналов медных монет всегда имело в каждом

конкретном случае свою особую причину [Кроме гривенника 1726 г. и квадратных гривен, чеканка медных 10-копеечников имела место еще в четырех случаях: 10-копеечник 1762 г. выпускался при перчеканке медных монет с удвоением их номинала и обеспечивал перчеканку (вместо переплавки) 5-копеечников старого образца; ту же природу имел и 10-копеечник 1796 г.; 10-копеечник образца 1830 г. чеканился в период резкого обесценивания медных денег — будучи старшим номиналом в серии медных монет, он по своей покупательной способности соответствовал всего 3 коп. в серебре; а сибирский 10-копеечник (1764 — 1781 гг.) компенсировал отсутствие в этой региональной серии серебряных монет, поскольку такие монеты достоинством в 20, 15 и 10 коп. не были утверждены.], поскольку традиционно 10-копеечник чеканился в серебре. А появление медного гривенника в 1726 г. было, видимо, опять связано с поисками путей увеличения доходов казны.

На базе серебряных монет такие поиски, как говорилось выше, особым успехом не увенчались: не состоялась массовая чеканка полуполтины, переведенной в разряд разменной монеты, не получило одобрения снижение пробы серебра (а возможно, и весовой нормы) банковых монет, продемонстрированное Верховному тайному совету на пробном серебряном 2-рублевике, а чеканка серебряной гривны с незаконно сниженной пробой сплава никак не могла считаться надежным источником доходов казны в течение хоть сколько-нибудь продолжительного времени. Тогда, видимо, и возник новый проект, предусматривавший принятие более радикальных мер — полную замену серебряной разменной монеты медной. А поскольку в 1726 г. в массовой чеканке находилась серебряная разменная монета только одного номинала — гривна, то и ее медный заменитель появляется в виде пробной монеты того же номинала, отчеканенной по стопе в 40 руб. из пуда меди, т. е. полностью согласованной по весовой норме с единственно чеканившейся тогда массовыми тиражами медной монетой — 5-копеечником образца 1723 г. (рис. 31). Каких-либо письменных источников, содержащих сведения об этом проекте, пока обнаружить не удалось.

Конечно, не исключено, что проект предусматривал замену медными гривенниками только части серебряных гривен, в связи с чем массовый выпуск последних подлежал бы не прекращению, а только ограничению. Однако в пользу предположения о полной замене свидетельствует тот факт, что практика одновременного выпуска монет одного и того же номинала, но чеканенных в разных металлах, утвердилась как постоянное явление фактически только с 1830 г. [Чеканка при Петре I до 1718 г. наряду с медными также и серебряных копеек дореформенного образца (при отдельных попытках заменить эти последние серебряными копейками регулярного чекана) была сугубо временной и лишь обеспечивала доверие к вновь введенной медной монете. Столь же эпизодический характер носила и параллельная чеканка серебряных и медных 5-копеечников в 1758 — 1761 гг.]. Кроме того, в случае принятия решения о выпуске медных гривенников вряд ли имело бы смысл затягивать авантюру с незаконной чеканкой низкопробных гривен: дополнительная прибыль казны от замены серебряных гривен медными гривенниками была бы значительно большей, чем от снижения пробы сплава гривен. Несмотря на весьма заманчивую перспективу, этот проект также не был реализован.

Пробная медная копейка 1726 г. (см. рис. 9) по оформлению аверса, реверса и гурта, а также по своей массе полностью идентична копейке 1724 г. (рис. 10). Как известно, копейки 1724 г. появились в результате перчеканки копеек 1704 — 1718 гг. — это была единственная в своем роде перчеканка медных монет без изменения их номинала, а следовательно, и монетной стопы, тогда как во всех остальных случаях медная монета перчеканивалась с целью изменения ее весовой нормы. Как свидетельствуют документы, столь необычная перчеканка была одной из мер борьбы с фальшивомонетчиками.

В связи с появлением к концу первой четверти XVIII в. угрожающего количества фальшивой медной монеты правительством Петра I было принято решение все ранее выпущенные полушки и деньги переплавить и использовать при изготовлении пятаков образца 1723 г., а копейки перечеканить в монеты того же номинала, но штемпелями нового образца. В изданном по этому поводу сенатском указе от 31 января 1724 г. предписано: "...а на тех дворах копейки перечекашивать в копейки ж новым образом, на которых на одной стороне вместо герба, изображенного на пятикопеечниках, изобразить ездока с копьем, как на прежних копейках было, а на другой написать: копейка, а по краям тех копеек сделать гуртики против образцовой копейки глубже..." Интересно отметить, что штемпеля копейки 1724 г. полностью отвечают требованиям, предъявлявшимся к штемпелям пятака образца 1723 г. согласно именному указу от 28 июня 1723 г.¹⁶:

"...А для пресечения воровства, дабы отливать было не можно, такш новыя деньги делать с резьбою мелкою, а не обронною (толстой, выпуклой. — В. У.), доброго мастерства, и по краям опечатывать ж подобие рубешков, а на одной стороне, на которой назначена будеп цена и год, оставлять половину гладкого места..." Действительно, чтобы затруднить подделку, изображение всадника на копейке 1724 г. очеш небольшого размера и тщательно выполнено; на обеих сторонах монеть оставлено много гладкой поверхности, не занятой изображениями и надписями, на которой будут хорошо видны мелкие раковины (если подделка будет изготовлена литьем); на гурт монеты нанесена сетчатая насечка, воспроизвести которую при литье невозможно.

Поскольку при жизни Петра I перечеканка копеек 1704 — 1718 гг. в копейки 1724 г. была только начата, правительство Екатерины I сочло необходимым ее продолжить, что подтверждается следующей записью в протоколе Верховного тайного совета от 8 марта 1727 г. (приложение II) : "А нынешния медныя пятикопеечники и вновь перепечатанные копейки делаются чистою работою, и подделываться под них... ворами не без трудности". И далее: "А сколько тех пятикопеечников вновь сделано и старых копеек перечеканено и на старыя деньги променено будет, о том рапортовать по все месяцы в кабинет". Сам характер этой записи свидетельствует о том, что и после 1724 г. перечеканка "старых" (1704 — 1718 гг.) копеек шла полным ходом, но вот копеек 1726 г. автору на сегодня известно всего-навсего шесть экземпляров. И что самое удивительное — отчеканены они с использованием четырех различных комплектов штемпелей: одним комплектом отчеканено три экземпляра монеты, а остальными тремя комплектами сделано по одному оттиску. Не вызывает сомнения, что при наличии четырех комплектов штемпелей объем чеканки мог быть столь ограниченным только в том случае, если все штемпеля, датированные 1726 г., предназначались для продолжения перечеканки копеек 1704 — 1718 гг., но по каким-то причинам в массовом производстве использованы не были, а все копейки 1726 г. представляют собой лишь пробные оттиски этих штемпелей. Следовательно, весь объем перечеканки копеек 1704 — 1718 гг. был выполнен в 1724 — 1727 гг. штемпелями, датированными только 1724 г.

Почему все же было принято решение произвести перечеканку копеек 1704 — 1718 гг., сохраняя для них устаревшую 20-рублевую стопу? Ведь в том же 1724 г. существовал проект перечеканки этих копеек в 2-копеечники, т. е. в монеты узаконенной для того времени 40-рублевой стопы, — свидетельством тому является пробный медный грош 1724 г. (рис. 11), на некоторых экземплярах

которого отчетливо видны следы изготовления их перечеканкой из петровских копеек.

Наиболее вероятно, что такое решение было обусловлено прежде всего неудачей, постигшей проекты 1718 и 1721 гг., предусматривавшие начало чеканки медных копеек 40-рублевой стопы (рис. 12 — 14). Отсутствие массовой чеканки копеек нового образца привело к тому, что заменить старые копейки 20-рублевой стопы, ликвидация которых была уже предрешена, оказалось нечем, а правительство Петра I считало, видимо, недопустимым исключать из обращения медную монету такого основополагающего номинала, как копейка. Выход из создавшегося положения и обеспечила перечеканка старых копеек новыми штемпелями, но без изменения их номинала, хотя одновременное присутствие в обращении медных монет, имеющих различную весовую норму, создавало определенные трудности. Но как только в 1727 г. появляются новые проектные разработки копеек 40-рублевой стопы (см. рис. 24, 25, 27, 30 и 32), одновременно появляются и пробные 2-копеечники (см. рис. 23, 26 и 29), штемпеля которых обеспечивали перечеканку копеек 1704 — 1718 и 1724 гг. с переводом их в 40-рублевую монетную стопу. Ни в 1727 г., ни позднее перечеканка петровских копеек с удвоением их номинала так и не была осуществлена.

Так обстоит дело с пробными монетами 1726 г. Что же касается проб 1727 г., то подавляющее большинство их появилось в связи с необходимостью ликвидировать назревавший к этому времени разменный кризис, т. к. в течение предшествовавших четырех лет вся разменная монета, чеканившаяся массовыми тиражами, имела номиналы не ниже 5 коп.

Пробные серебряные разменные монеты 1727 г. известны в двух номиналах: 3 коп. (см. рис. 15) и грош, представленный в двух вариантах (см. рис. 16, 17). 3-копеечник и первый вариант гроша (см. рис. 16) имеют оформление аверса и реверса, монетную стопу и пробу сплава, совпадающие с аналогичными характеристиками серебряной гривны массового выпуска 1726 — 1727 гг. (см. рис. 4). Что же касается второго варианта гроша (см. рис. 17), то он отличается от всех этих монет чрезвычайно низкой пробой серебра (имеющего темный цвет с медным оттенком), значительно большей лигатурной массой и измененным оформлением реверса (иначе скомпонованы основное и дублирующее обозначение номинала и дата, а дублирование обозначения номинала произведено дважды — счетными точками и палочками). Лигатурная масса этой монеты равна 1,27 г., что соответствует монетной стопе в 6 руб. 45 коп. из фунта легированного серебра, тогда как гривна чеканилась в 1726 — 1727 гг. по стопе в 15 руб. 84 коп. из фунта.

Причина появления двух вариантов серебряного гроша 1727 г. становится более или менее понятной, если провести аналогию с появлением в 1714 г., в дополнение к серебряной копейке массового выпуска 1713 — 1714 гг. (рис. 18), ее пробной разновидности (рис. 19).

Как известно, в 1711 — 1712 гг. производилась массовая чеканка алтынов из серебра примерно 72-й пробы по стопе банковской монеты, вследствие чего эти алтыны имели очень малые размеры и массу, равную 0,8 г, и потому были весьма неудобны в обращении (рис. 20). В 1713 г. проба сплава серебряных алтынов была снижена до 38, причем количество чистого серебра, содержавшегося в этих монетах, осталось примерно тем же. Это мероприятие привело к значительному увеличению размеров и массы серебряных алтынов нового образца (рис. 21), и появилась возможность выпуска серебряных копеек регулярного чекана (рис. 18),

которые должны были заменить все еще чеканившиеся серебряные копейки дореформенного образца. Однако копейки 1713 — 1714 гг. оказались столь же неудобными в обращении, как и старые алтыны (масса копейки равна 0,6 г), в связи с чем, видимо, и появилась пробная серебряная копейка 1714 г. увеличенного размера с массой, равной 2,18 г (см. рис. 19). Никаких документальных сведений по этой копейке обнаружить не удалось, а потому можно только предположить, что и в этом случае была опять-таки снижена проба сплава при неизменном содержании в монете чистого серебра. Если такое предположение справедливо, то сплав пробной копейки 1714 г. должен иметь пробу не выше 12-й, и это полностью подтверждается тем, что такая монета, находящаяся в собрании Государственного Эрмитажа, по цвету имеет вид медной монеты [Примерно так же выглядят и некоторые другие низкопробные серебряные монеты, значение пробы сплава которых известно: например, разменные русско-польские монеты с пробой сплава в 18 2/3, или монеты низших номиналов для Пруссии с пробой сплава от 18-й до 6-й.].

Очень схожая ситуация наблюдается и в случае с двумя вариантами пробного гроша 1727 г. Действительно, масса 1-го варианта гроша равна всего 0,55 г, и весьма вероятно, что 2-й вариант лишь обеспечивал большее удобство пользования этой монетой в обращении. Если считать, что количество чистого серебра в обоих вариантах гроша примерно одинаково, то при 42-й пробе сплава 1-го варианта 2-й вариант будет иметь 18-ю пробу сплава. Поскольку же диаметр 2-го варианта гроша оказался близким к диаметру гривны (см. рис. 4), потребовалось внести заметные различия в их внешний вид, чем и объясняются перечисленные выше особенности оформления реверса 2-го варианта гроша. Как и по пробной копейке 1714 г., по 2-му варианту пробного гроша 1727 г. никаких сведений не обнаружено. Лишь в Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича помещена краткая справка, свидетельствующая, что экземпляр этой монеты, находящийся в собрании Государственного Исторического музея, не является единственным.

Все медные пробные монеты 1727 г. преследовали, как и рассмотренные выше пробные разменные серебряные монеты, только одну цель — ликвидацию разменного кризиса путем включения в обращение монет номиналом не выше 5 коп., отчеканенных по стопе в 40 руб. из пуда меди, а их большое многообразие объясняется либо поисками наилучшего внешнего оформления, либо принадлежностью их к двум различным царствованиям. Что же касается пробного серебряного рубля 1727 г. с портретом Петра II на аверсе и с гербовым орлом на реверсе, известного в единственном экземпляре (рис. 22), то он представляет собой отклоненный вариант внешнего оформления рублевиков нового образца: для массовой чеканки был утвержден вариант с монограммой Петра II на реверсе.

Среди перечисленных в начале очерка пробных монет, кроме, полуполтины 1726 г. (см. рис. 1), о которой уже говорилось, имеются еще три монеты 1727 г., подлинность которых до последнего времени оставалась под сомнением. Это безымянная копейка с московским гербом на аверсе и крестом на реверсе (см. рис. 30), которая считалась поддельной, и две монеты с латинскими вензелями Петра II — недатированная копейка (см. рис. 39) и полушка (см. рис. 40), причисляемые к новоделам. Однако имеются веские основания не соглашаться с отрицанием их подлинности.

В 1897 г. московский нумизмат-любитель П. В. Зубов в своей работе "Материалы по русской нумизматике" опубликовал медную копейку образца 1728 — 1729 гг., но датированную 1727 г. Сам П. В. Зубов считал эту монету (которая находилась в то время в его коллекции, а позднее поступила в собрание

Государственного Исторического музея) подлинной и относил ее к монетам царствования Петра II. Несмотря на эту публикацию, безымянная копейка 1727 г. с крестом на реверсе (см. рис. 30) не была включена ни в Корпус русских монет вел. кн. Георгия Михайловича, ни в руководства для собирателей русских монет, составленные Х. Х. Гилем, А. А. Ильиным и И. И. Толстым. Причиной этого явилось прочно укоренившееся еще с первой половины XIX в. мнение, что все известные экземпляры подобной копейки 1727 г. являются подделками, изготовленными из копеек 1728 — 1729 гг. путем изменения последней цифры даты. Например, в Корпусе русских монет имеется следующее примечание к описанию копейки 1728 г.: "П. В. Зубов в своем труде "Материалы по русской нумизматике" (М., 1897) в таблице VI за № 88 издал подобные же копейки 1727 г., между тем как Рейхель в своем "Reichelsche Munzsammlung" (Спб., 1842) указывает под № 4635, что настоящих копеек 1727 г. в действительности не существует, и полагает, что на копейках 1727 г. последняя цифра переделана из 8". Постараемся разобраться, насколько справедливо это категорическое утверждение.

Оставляя пока в стороне вопрос о подлинности зубовской копейки, уточним, могла ли подобная копейка вообще появиться до 1728 г.? Чтобы выяснить это обстоятельство, прежде всего рассмотрим внешнее оформление копеек массового выпуска 1728 — 1729 гг. (рис. 41). Такое рассмотрение дает следующие результаты:

1. Оформление аверса этих копеек (московский герб, отделенный двойной чертой от надписи "МОСКВА") полностью заимствовано у двух пробных монет 1727 г. с вензелем Екатерины I на реверсе — у 2-копеечника (см. рис. 23) и у копейки (см. рис. 24).

2. Оформление реверса (крест из двойных линий и в нем пересекающиеся обозначения номинала и даты) заимствовано у 5-копеечника (рис. 31), массовый выпуск которого был начат еще в 1723 г.

3. Рисунок гуртового узора (цепочка из выпуклых колец с выпуклой точкой внутри каждого кольца — рис. 42) заимствован у двух пробных копеек 1727 г. с вензелем Екатерины I на реверсе (см. рис. 24, 25).

Таким образом, получается, что все элементы внешнего оформления копеек массового выпуска 1728 — 1729 гг. являются полностью заимствованными у монет, отчеканенных не только ранее 1728 г., но и вообще до воцарения Петра II. Поэтому есть все основания ожидать нахождения среди этих более ранних монет и копейки, полностью идентичной копейкам 1728 — 1729 гг., но датированной 1727 г.

Далее, сопоставляя между собой все медные монеты, отчеканенные в 1727 г. (при допущении существования в подлиннике рассматриваемой нами копейки), можно выявить среди них такие, которые образуют отдельные группы, базирующиеся на полном единообразии оформления их аверса и реверса:

1-я группа: 2-копеечник с вензелем Екатерины I (см. рис. 23) — копейка с вензелем Екатерины I (см. рис. 24).

2-я группа: грош с вензелем Екатерины I под короной (см. рис. 26) — копейка с вензелем Екатерины I под короной (см. рис. 27).

3-я группа: грош безымянный с московским гербом и крестом (см. рис. 29) — копейка безымянная с московским гербом и крестом (см. рис. 30).

4-я группа: пятак безымянный с государственным гербом и крестом (см. рис. 31) — копейка безымянная с государственным гербом и крестом (см. рис. 32).

Перечисленные восемь монет образуют безупречные по своему единству группы. Но и все остальные медные монеты 1727 г. могут быть также, с полным на то основанием, распределены по группам.

Прежде всего, полушка с вензелем Екатерины I под короной (см. рис. 28) безусловно относится ко 2-й группе. Дело в том, что при проектировании этой монеты, видимо, учтен опыт чеканки полушек 1718 — 1722 гг., которые, имея очень малый диаметр кружка, могли получить лишь весьма убогое оформление и были крайне неудобны в обращении. Чтобы избежать этих недостатков, полушка 1727 г. была отчеканена на большом тонком кружке и по размерам была близка к копейке, а потому должна была, подобно 2-му варианту серебряного гроша (см. рис. 17), получить (и получила) оформление одной из сторон, отличающееся от оформления других монет, имеющих вензель под короной и составляющих 2-ю группу. На этом же основании образуются еще две группы медных монет 1727 г.:

5-я группа: копейка с русским вензелем Петра II (см. рис. 37) — полушка с русским вензелем Петра II (см. рис. 38).

6-я группа: копейка с латинским вензелем Петра II (см. рис. 39) — полушка с латинским вензелем Петра II (см. рис. 40).

Что же касается второй копейки с вензелем Екатерины I без короны (см. рис. 25), то она по всем признакам является разновидностью копейки, представленной на рис. 24, и относится к 1-й группе, так же как остальные четыре копейки Петра II (см. рис. 33 — 36) являются разновидностями копейки, представленной на рис. 37, и относятся к 5-й группе.

Таким образом, распределение по группам охватывает все без исключения пробные медные монеты 1727 г., и это не может быть простой случайностью: проектирование этих монет велось, несомненно, с учетом составления из них серий, включающих по два-три номинала каждая. А раз это так, то существование интересующей нас безымянной копейки с крестом (см. рис. 30) предопределено наличием безымянного гроша с крестом (см. рис. 29), составляющего с ней единую серию. Кстати сказать, подлинность этого гроша никем и никогда не оспаривалась, а ведь парная ему копейка 1727 г. полностью с ним однотипна.

И наконец, есть основания полагать, что существовал, а может быть, и существует, еще один экземпляр безымянной копейки 1727 г. с крестом, кроме находящегося в собрании Государственного Исторического музея. И вот почему. В доношении Монетной конторы от 29 февраля 1728 г. значится: "Его Императорского Величества указ из Верховного Тайного Совета данной сего февраля 8, а в манетной канторе получен 21 числа, по которому повелено медные копейки делать новым штемпелем, и при том указе образцовая копейка за шнуром и печатью в манетную кантору получена, и против оной образцово-вой копейки такова ж копейка за шнуром и печатью манетной канторы прилагается при сем доношении". Вместе с этим документом, хранящимся в Центральном государственном архиве древних актов, в деле находится и сама образцовая копейка, датированная 1728 г., — пробитая, прошнурованная и опечатанная. Зачем же потребовалось изготавливать вторую образцовую копейку, если уже имелся первоначальный образец, присланный с указом в Монетную контору? Вполне очевидно, что этот первоначальный образец был именно той монетой, которая в числе других пробных копеек рассматривалась в Верховном тайном совете и получила одобрение, о чем свидетельствует запись от 31 января 1728 г. в журнале Верховного тайного совета: "Потом впущен и советник Татищев; и объявляли

медным копейкам новые штемпеля, из которых один апробован (утвержден. — В. У.): с крестом и российской надписью". Поскольку все пробные монеты Петра II, известные как в подлинниках, так и в рисунках, датированы только 1727 г., то и этот образец имел, несомненно, ту же дату и потому не подходил под описание, опубликованное позднее для всеобщего сведения в указе Монетной конторы от 10 апреля 1728 г. о выпуске копеечной монеты нового образца. Именно для того, чтобы вещественный образец полностью соответствовал его описанию в указе, и была изготовлена вторая образцовая копейка, датированная уже 1728 г. и представленная Монетной конторой в Верховный тайный совет. На основании этого можно утверждать, что в делах Монетной конторы находился еще один экземпляр копейки с крестом, полученный из Верховного тайного совета и датированный 1727 г.

Следовательно, есть основание считать существование подлинной безымянной копейки с крестом 1727 г. вполне реальным, а это делает правомерной попытку доказать, что экземпляр такой монеты, находящийся в собрании Государственного Исторического музея, является подлинником.

Противники признания подлинности копейки, опубликованной П. В. Зубовым, правы в одном — все поддельные копейки 1727 г. действительно изготовлены из копеек 1728 или 1729 г. путем изменения последней цифры даты, а поэтому очевидны две возможности опознания таких подделок: обнаружение следов "доработки" даты и выявление среди копеек 1728 и 1729 гг. экземпляра, отчеканенного с использованием тех же штемпелей, которыми была оттиснута исследуемая монета. Проведенное с целью обнаружения этих признаков обследование копейки 1727 г. из собрания Государственного Исторического музея дало следующие результаты:

а) осмотр реверса при 10-кратном увеличении не выявил ни малейших следов фальсификации даты, которые обычно бывают заметны на поддельных копейках 1727 г. даже при осмотре их невооруженным глазом; более того, не вызывает сомнения тот факт, что обе семерки в дате выбиты на штемпеле реверса этой монеты одним и тем же цифирным пунсоном;

б) сличение аверса и реверса монеты из собрания Государственного Исторического музея с аверсом и реверсом большого количества копеек 1728 и 1729 гг. из того же собрания, а также опубликованных в Корпусе русских монет и в ряде других каталогов, позволило заключить, что исследуемая монета отчеканена штемпелями, видимо никогда не использовавшимися для чеканки копеек 1728 и 1729 гг.

Таким образом, копейка 1727 г. с крестом, принадлежавшая П. В. Зубову, а теперь находящаяся в собрании Государственного Исторического музея, совершенно не имеет признаков, присущих соответствующим подделкам.

Попытаемся теперь уточнить время чеканки этой монеты: появилась ли она в царствование Екатерины I или уже при Петре II, как считал П. В. Зубов. Для этого выясним прежде всего, в какое время отчеканен безымянный грош 1727 г. с крестом (см. рис. 29), с которым рассматриваемая копейка составляет единую группу. Ответ на этот вопрос можно получить, сопоставив аверс безымянного гроша с аверсом гроша с вензелем Екатерины I (см. рис. 26). Оказывается, изображение московского герба на обеих монетах совпадает до мельчайших подробностей. А это значит, что штемпеля аверса этих монет были переведены с одного и того же маточника с последующим нанесением на них литерными

пунсонами надписей различного содержания, на один — "МОСКВА", а на другой — "ГРОШЪ". Но изготовление двух различных штемпелей с помощью одного и того же маточника однозначно свидетельствует о том, что оба пробных гроша 1727 г. были отчеканены с использованием этих штемпелей по единому проекту и в царствование Екатерины I, поскольку на одной из монет имеется вензель этой императрицы. Следовательно, при Екатерине I была отчеканена и пробная копейка 1727 г. с крестом (см. рис. 30). Однако ввиду того, что монета эта безымянная, один или несколько ее экземпляров могли быть отчеканены и при Петре II; в то же время вполне возможно, что 31 января 1728 г. на заседании Верховного тайного совета был рассмотрен и утвержден для массового выпуска образец, отчеканенный еще при Екатерине I. Ясность в этот вопрос могла бы быть внесена после обнаружения монеты из архива Монетной канцелярии, но и то лишь в том случае, если она отчеканена другим комплектом штемпелей, нежели монета Государственного Исторического музея. Пока же совершенно невозможно установить, появился ли единственно известный нам экземпляр копейки 1727 г. с крестом в царствование Екатерины I или же в царствование Петра II. Да это и не столь уж важно. Важно то, что данный экземпляр представляет собой не вульгарную подделку, а редчайший нумизматический памятник первой половины XVIII в.

Недатированная копейка с латинским вензелем Петра II (см. рис. 39) в Корпусе русских монет предположительно отнесена к новоделам со следующим примечанием: "Монета эта помещена между новоделами вследствие отсутствия на ней цифры года, хотя возможно, что она современная". Вывод о новодельном характере монеты, базирующийся только на отсутствии на ней даты, представляется недостаточно обоснованным, т. к. хорошо известны недатированные, подлинные монеты Петра I (червонец и два варианта полтины).

Недатированная копейка Петра II не имеет ни одного признака, присущего новодельным монетам, и в то же время обладает характерной особенностью, свидетельствующей о ее несомненной подлинности — такой особенностью является оформление ее гурта. Гурт этой монеты покрыт узором совершенно оригинального и довольно сложного рисунка, который не встречается ни на одной другой русской монете (рис. 43), и нанесен этот узор на монету, безусловно, не кустарным способом. Все это позволяет утверждать, что недатированная копейка Петра II несомненно является подлинной.

Сейчас трудно указать истинную причину отсутствия на этой монете даты ее чеканки. Возможно, что дату предполагалось выбить цифирными пунсонами на штемпеле аверса (под обозначением номинала) после утверждения монеты в качестве образца для массовой чеканки. Временем же изготовления пробного образца следует считать конец 1727 г., когда были отчеканены все другие пробные копейки Петра II. Действительно, ввиду кратковременности царствования Петра II, совершенно нереально предполагать, что в 1728 или в 1729 г. была предпринята вторичная попытка представить на утверждение вензельный вариант копейки, тогда как только что, в январе 1728 г., были забракованы пять других подобных вариантов, а утвержден был безымянный образец. Кроме того, недатированная копейка, как указывалось выше, составляет единую группу с полушкой, датированной 1727 г. (см. рис. 40), причем характер начертания латинских вензелей Петра II, помещенных на обеих этих монетах, явно говорит о том, что штемпеля для них изготовлены одним и тем же резчиком.

Дошедшие до нас две разновидности полушек 1727 г. оценены в Корпусе русских монет по-разному: если полушка с вензелем Екатерины I (см. рис. 28) безоговорочно признана подлинной, то полушка с латинским вензелем Петра II (см. рис. 40) предположительно отнесена к новоделам со следующим примечанием: "Хотя мы поместили эту полушку между новодельными монетами, однако весьма возможно, что она современная пробная монета, т. к. штемпеля, по-видимому, того времени, и вес ее вполне соответствует 1/4 части веса копеек Петра II". Как видим, в примечании указаны достаточно веские признаки подлинности этой монеты. По фактуре поверхности, по характеру исполнения надписей и по общей компоновке эта полушка ничем не отличается от полушки с вензелем Екатерины I и не имеет ни одного из признаков, свойственных новодельным монетам.

В заключение остается сказать несколько слов о действительно новодельных экземплярах пробных монет 1726 — 1727 гг. В начале очерка уже говорилось о новодельной полуполтине, неплохо копирующей подлинную монету 1726 г., и о новодельном серебряном 2-рублевике 1726 г., отчеканенном подлинными штемпелями. Новодельный 2-рублевик несомненно представляет научный интерес, поскольку подлинная монета до нас не дошла. Хорошо известны новоделы трех медных монет — гривенника 1726 г. (рис. 47), копейки 1726 г. (рис. 48) и вензельного гроша 1727 г. (рис. 49), весьма отдаленно напоминающие соответствующие подлинники. Наконец, существует несколько вариантов новоделов, долженствовавших изображать уникальный рубль 1727 г. Подобные изделия относятся к наиболее непривлекательной группе новоделов, для изготовления которых использовались штемпеля двух совершенно различных ординарных подлинных монет. Аверс этих новодельных рублей чеканился штемпелями аверса рядовых рублей Петра II, а реверс — штемпелями реверса рядовых рублей 1727 г. Екатерины I. Один из таких новоделов представлен на рис. 50.

Примечания

¹ ПСЗ, № 4800.

² ПСЗ, № 4909.

³ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. Спб., 1901. С.1 — 12.

⁴ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Екатерины I. Спб., 1904. С.1.

⁵ ИЛЬИН А. А., ТОЛСТОЙ И. И. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. Спб., 1910. С.4.

⁶ СПАССКИЙ И.Г. Русская монетная система. Л.: Аврора, 1970. С.172.

⁷ ПСЗ, № 5009.

⁸ См. Горный журнал. 1832. Ч.3. С.241 — 242.

⁹ СПАССКИЙ И. Г. Указ. соч. С. 173.

¹⁰ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Екатерины I. С.73.

¹¹ См.: Сборник Российского исторического общества. Спб., 1886. Т.55. С.292 — 293.

¹² См. там же. С.296 — 297.

¹³ См. там же. С.311 — 313. ¹⁴ См. там же. С.365. ¹⁵ ПСЗ, № 4448. ¹⁶ ПСЗ, № 4258.

¹ См. Сборник Российского исторического общества. Спб., 1888. Т. 63. С.220-228.

¹⁸ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Екатерины I. С. 1. Сн. 2.

¹⁹ ЗУБОВ П. В. Материалы по русской нумизматике. М., 1897.

²⁰ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Петра II. Спб., 1904. С.3. Сн.1.

²¹ Центральный государственный архив древних актов. Госархив, XVI разряд, д. 41.

²² Сборник Российского исторического общества. Спб., 1891. Т.79. С.58.

²³ ПСЗ, № 5259.

²⁴ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Петра II. С.50.

²⁵ Там же. С.49.



1



2



3



4



5



6



7



8



9



10



11



12



13



14



15



16



17



18



19



20



21



22



23



24



25



26



27



28



29



30



31



32



33



34



35



36



37



38



39



40



41



42



43



44



45



46



47



48



49



50

О расшифровке вензеля на пробном медном гривеннике 1726 г.

Среди русских монет XVIII в. хорошо известна пробная медная монета 10-копеечного достоинства, отчеканенная в 1726 г., т. е. в царствование Екатерины I, когда вся власть в стране была фактически сосредоточена в руках А. Д. Меншикова. Появление этой монеты было несомненно связано с одним из многих проектов, разрабатывавшихся в то время и имевших целью, во-первых, пополнение казны за счет усиления эксплуатации монетной регалии, а во-вторых, экономию в монетном производстве дефицитного серебра. Наиболее вероятно, что интересующий нас проект, оставшийся нереализованным, предусматривал замену всей серебряной разменной монеты медной.

Пробный медный гривенник 1726 г. (рис. 1) весьма примечателен благодаря двум его особенностям: примерно с середины XIX в. он имеет прочно закрепившееся среди коллекционеров-любителей название "меншиков гривенник", а вензель Екатерины I, расположенный на его оборотной стороне, существенно отличается от всех вензелей, когда-либо помещавшихся на русских монетах.

Дополнительные названия присущи целому ряду русских монет, например: "фамильный" полуторарублевик 1835 — 1836 гг., "рейхе-левские" рубль и полтина 1845 г., "коронационные" рубли 1883 и 1896 гг. и т. п. При этом каждое такое название вполне объяснимо. Что же касается "меншикова гривенника", то на первый взгляд это название мало чем обосновано. Действительно, "меншиковыми" вроде бы могли называться и все другие пробные монеты, появившиеся в годы правления А. Д. Меншикова. Более того, в специальном указе Анны Иоанновны имя Меншикова прямо связано с низкопробными серебряными гривнами 1726 г., которые изымались из обращения наравне с фальшивыми монетами. И тем не менее только пробный медный гривенник 1726 г. почему-то получил название "меншиков", хотя это название не фигурирует ни в одной серьезной работе по русской нумизматике, опубликованной в России до 1917 г.

Чем же необычен вензель, помещенный на оборотной стороне этого гривенника? Составлен он из литеры "Г" (Императрица) и литеры "Е" (Екатерина). Как и во многих других вензелях, обе литеры повторены как бы в зеркальном отражении — этим достигалась симметричность вензеля. В вензель также включен дополнительный элемент в виде греческой буквы "гамма", не имеющий никакой видимой связи с литерами "Г" и "Е". Именно этот дополнительный элемент и придает вензелю на гривеннике 1726 г. совершенно особый характер. Дело в том, что на русских монетах XVIII — начала XX в. встречаются 47 различных вензелей (в том числе три вензеля на фантастических новодельных монетах), и ни один из этих вензелей, кроме рассматриваемого нами, не содержит элемента, который не являлся бы составной частью литеры или цифры, входящей в вензель. Очевидно, что такая исключительность вензеля на гривеннике 1726 г. не могла быть случайной, в связи с чем естественно напрашивается вывод: дополнительный элемент, включенный в этот вензель, должен нести какую-то смысловую нагрузку.

Чтобы разобраться в этом вопросе, напомним, что в некоторых вензелях применялось сочленение литер, когда часть одной литеры одновременно является принадлежностью другой. Примером может служить симметричный вензель Елизаветы I, помещавшийся на медных монетах массового выпуска 1757 — 1762

гг. (рис. 2); в этом вензеле верхняя часть литеры "Е" (Елизавета) является в то же время частью латинской литеры "Р" (Петровна). Если предположить, что прием сочленения был использован и в вензеле на гривеннике 1726 г., то можно обнаружить, что нижняя часть двух симметричных литер "Г" и нижняя часть гамма-образного элемента образуют в сочленении литеру "М" довольно характерной конфигурации (рис. 3). Если же сравнить эту литеру в вензеле на монете с литерой "М" в вензеле, помещенном на решетках балюстрады дворца А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге (рис. 4), то окажется, что обе эти литеры практически одинаковы по начертанию.

Как же расшифровывается вензель на решетках Меншиковского дворца? Будучи составлен из двух симметричных латинских литер "Р" и литер "А" и "М", он может иметь несколько вариантов прочтения. Согласно одному из них, изложенному в книге Н. В. Калязиной, литеры "Р" и "А" следует расшифровывать как "Петр Алексеевич" (имея в виду Петра I), литеру "М" — как "Меншиков", а вторую литеру "Р" считать повторением первой для обеспечения симметричности вензеля. По второму варианту литера "Р" расшифровывается как "Петр" (имея в виду Петра I), литеры "А" и "М" — как "Александр Меншиков", и вторая литера "Р" — как симметричное повторение первой. Можно, наконец, предположить и третий вариант, когда литера "Р" будет расшифровываться как "Петр" (имея в виду Петра II), литеры "М" и "А" — как "Мария Александровна" (имея в виду старшую дочь Меншикова, ставшую невестой Петра II), а вторая литера "Р" — по-прежнему как симметричное повторение первой. Так как первый и второй варианты расшифровки не имеют принципиальных различий, остается выяснить, какой вариант наиболее правомерен — два первых или третий?

Этот вопрос был бы легко решен в том случае, если бы удалось установить дату изготовления решеток. К сожалению, таких сведений на сегодня нет, хотя известно, что постройка дворца была в основном завершена в 1720 г. Поэтому воспользуемся следующими сведениями. 7 мая 1727 г. было официально оглашено завещание Екатерины I, согласно которому сын казненного царевича Алексея становился наследником престола и должен был жениться на одной из дочерей А. Д. Меншикова. Известно также, что до оглашения этого документа, содержание которого было, несомненно, навязано Екатерине I Меншиковым, последний не только не афишировал, но всячески скрывал свое намерение женить будущего императора на собственной дочери. Поэтому объединенный вензель жениха и невесты если и мог появиться на решетке дворца, то только после 7 мая, а к этому времени внук Петра Первого уже стал Петром Вторым, что не могло не получить соответствующего отражения в его вензеле. И действительно, все известные вензеля Петра II обязательно содержат цифру "И" — примером тому служат вензеля на двух пробных монетах 1727 г. (рис. 5, 6). Вензель же, составленный из двух симметричных латинских литер "Р" и не содержащий цифрового элемента, несомненно должен принадлежать Петру I, что подтверждается наличием такого вензеля на ряде датированных предметов: например, на полушке 1721 г. (рис. 7), на полковом армейском знамени 1712 г., хранящемся в Государственном Эрмитаже и т. д.

Если же литеры "Р" в вензеле на решетке Меншиковского дворца могут иметь отношение только к Петру I, то литера "М" в этом вензеле и точно такая же литера в вензеле на гривеннике 1726 г. должна расшифровываться как "Меншиков".

В результате вырисовывается примерно такая картина. А. Д. Меншиков, ставший после смерти Петра I полновластным правителем государства и проявлявший в это время особую заботу о прославлении и увековечении своих заслуг и своего имени, решается в 1726 г. на весьма рискованный шаг: нарушая все каноны, он предпринимает попытку поместить на общегосударственной монете объединенный вензель — свой и императрицы. Как мы видели, подобный опыт у "светлейшего" к этому времени уже был: в вензеле на решетках дворца его имя объединено на равных с именем Петра I. Но общегосударственная монета — это не решетка балюстрады в собственном дворце, вольности на которой могли в крайнем случае вызвать лишь неудовольствие царя. Именно поэтому присутствие литеры "М" в вензеле на монете было тщательно замаскировано, что позволяло в случае необходимости отклонить любые обвинения. И тем не менее, видимо, какой-то безвестный любитель русской нумизматики уже в XIX в. все же обнаружил литеру "М" в вензеле Екатерины I на медном гривеннике 1726 г., правильно истолковал ее значение и вполне обоснованно окрестил эту монету хотя и неофициальным, но получившим широкую известность именем — "меншиков гривенник".

Примечания

¹ ПСЗ, № 5726.

² См. КАЛЯЗИНА Н. В. Меншиковский дворец-музей. Л.: Аврора, 1982. С.91 — 92.

³ См. ПАВЛЕНКО Н. И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С.135.



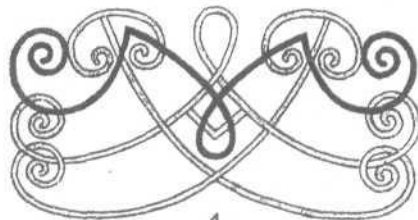
1



2



3



4



5



6



7

Монетные штемпеля работы И. К. Гедлингера и их копии работы Л. Дмитриева

Серебряный рубль 1736 г. с портретом императрицы Анны Иоанновны особого типа, впервые выполненным выдающимся шведским медальером Иоганном Карлом Гедлингером, является довольно примечательной и редкой монетой, в связи с чем в различных нумизматических изданиях о ней сообщается немало разнообразных сведений. К сожалению, эти сведения часто бывают противоречивыми, а иногда и ошибочными.

Монетная иконография Анны Иоанновны весьма обширна, а художественный уровень портретов императрицы на монетах отличается большой неоднородностью. Тем не менее прослеживаются три довольно четко зафиксированные группы портретных изображений.

Первая группа включает монеты, чеканившиеся с 1730 по 1737 г. Если не считать нескольких монет 1730 г., стоящих как бы особняком (рис. 1), то эта группа оказывается представленной монетами с бесчисленными вариациями портретов всего двух типов: первый преобладал в 1730 — 1734 гг., второй — в 1734 — 1737 гг. Авторство в формировании основных черт портрета первого типа (рис. 2) несомненно принадлежит датскому граверу Антону Шульгу, находившемуся на русской службе почти 12 лет — с 1724 по 1736 г. Родоначальником и, видимо, единственным исполнителем портрета второго типа (рис. 3) скорее всего был "резного штемпельного дела мастер" Иван Васильев, знак которого — литера "В" на первой справа ленте наплечника — проставлен на двух штемпелях лицевой стороны рублевиков 1734 г. (рис. 4). Оба типа портретов на монетах первой группы в их многочисленных вариантах отличаются весьма низким качеством художественного исполнения, причем в ряде случаев эти портреты не только не имеют сходства с оригиналом, но и граничат с карикатурой.

Вторая группа включает в основном монеты 1734 г. и представлена работами четырех талантливых и самобытных граверов, имена которых нам, к сожалению, пока неизвестны. Правда, М. М. Максимов в статье "Медальер Иван Васильев" утверждает, что именно Васильев является автором всех портретов на монетах второй группы, но с таким мнением никак нельзя согласиться: слишком значительны и принципиальны стилистические отличия этих работ от подписанных работ Васильева (см. рис. 4). Работы одного из авторов портретов на монетах второй группы (рис. 5) отличаются бескомпромиссным реализмом, работы других несут на себе отпечаток определенной идеализации образа (рис. 6 — 8), но все они свидетельствуют о высоком профессионализме их авторов. Особенно наглядно это проявляется при сравнении портретов на монетах второй группы с портретами, созданными Шульцем и Васильевым.

Третью группу составляют монеты 1736 — 1740 гг. с портретами работы медальера Иоганна Карла Гедлингера и "резного штемпельного дела подмастерья" (позднее — мастера) Лукьяна Дмитриева (рис. 10 — 17, 22, 23), а также монеты с портретами работы гравера, начавшего свою деятельность с 1738 г. на восстановленном Петербургском монетном дворе (рис. 18). Портреты на монетах третьей группы — типичные парадные портреты с умеренной идеализацией образа, выполненные в лучших традициях западно-европейского медальерного искусства XVIII в. Эти монеты характерны и существенными изменениями в оформлении

реверса: архаичное изображение гербового орла, помещавшееся на монетах первой и второй групп (рис. 9), в 1736 г. было заменено изображением с весьма реалистической трактовкой деталей (см. рис. 10 — 14), хотя с конца 1737 г. изображение гербового орла опять становится достаточно условным (рис. 19).

Таким образом, в монетной иконографии императрицы Анны Иоанновны наличествуют три художественных направления. Основоположителем третьего направления, основные черты которого сохранялись на русских портретных монетах до конца XVIII в., был медальер Иоганн Карл Гедлингер (1691 — 1771 гг.), уроженец Швейцарии, находившийся на русской службе в 1736 — 1737 гг. За столь непродолжительное пребывание в России Гедлингер "...делал на медали и монеты штемпели и сверх того вырезал вновь Ея Императорскаго Величества большую печать", за что получил жалованье в размере 4 тыс. руб. (доношение из Канцелярии Монетного правления в Сенат от 26 мая 1737 г.). Здесь все ясно, а вот в отношении чеканки монет штемпелями, изготовленными Гедлингером, имеется ряд вопросов, которые до последнего времени не имели окончательного решения.

Ход чеканки монет и медалей гедлингеровскими штемпелями получил следующее отражение в правительственных документах. Согласно именному указу от 16 сентября 1736 г., Кабинетом [Кабинет в 1731 — 1740 гг. — верховный государственный орган в составе трех кабинет-министров, официальный совет при императрице.] 21 сентября было передано в Монетную канцелярию: серебро с рудника на острове Медвежьем в количестве 1 пуда 19 фунтов 10 золотников (24,2 кг); серебро из Сибирского приказа (с Нерчинских рудников) в количестве 2 пудов 35 фунтов 19 золотников (47,2 кг); золото из Сибирского приказа в количестве 7 фунтов 73 золотников (3,2 кг). Из этого "кабинетского" металла, приведя его в "надлежащую указанную пробу" (для червонцев это была 93-я проба золота, для рублевиков — 77-я проба серебра), Монетная канцелярия должна была изготовить "... из золота десять новых медалей, да пятьдесят червонных, из серебра с Медвежьего острова новых-же медалей пятьдесят, да рублевиков сто новыми (гедлингеровскими. — В. У.) штемпелями, а из Сибирскаго Приказа серебро все переделать в рублевую монету..." (указ из Кабинета в Монетную канцелярию от 21 сентября 1736 г.).

7 ноября 1736 г. императрице были преподнесены золотые и серебряные медали, оттиснутые штемпелями Гедлингера, а 15 января 1737 г. Канцелярия Монетного правления представила в Кабинет 50 гедлингеровских червонцев и 100 гедлингеровских же рублевиков. По состоянию на 19 апреля 1737 г. из оставшегося "кабинетского" серебра штемпелями Гедлингера было начеканено еще 2571 шт. рублевиков (доношение из Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 19 апреля 1737 г.)⁴.

5 июня 1737 г. Канцелярия Монетного правления дала указание отправить из Петербурга в Москву "покупное и подрядное" серебро для чеканки из него рублевиков "... штемпелем мастера Лукьяна Дмитриева, который резан со штемпеля медальера Гедлингера точно". По состоянию на 25 августа 1737 г. таких монет было начеканено 257 тыс. шт. (доношение из Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 19 сентября 1737 г.).

При рассмотрении приведенных выше сведений и при изучении самих монет сразу же возникает вопрос: а все ли рублевиков первой партии, изготовленные в количестве 2671 шт., датированы 1736 г., и все ли они отчеканены штемпелями работы самого Гедлингера? Ведь чеканка этой партии была закончена лишь в апреле 1737 г., и есть ли гарантия, что какая-то часть рублевиков из "кабинетского"

серебра не могла быть датирована 1737 г.? А Дмитриев скопировал гедлингеровские штемпеля на столь высоком профессиональном уровне, что его копии практически не имеют признаков, позволяющих надежно отличить их от подлинных штемпелей Гедлингера. Конечно, штемпеля аверса рублевиков 1737 г., которые считаются копиями (см. рис. 13, 14), имеют хорошо заметные отличия от считающихся подлинными штемпелей аверса рублевиков 1736 г. (наиболее заметны различия в рисунке украшений на корсаже императрицы). Но ведь теми же самыми деталями различаются между собой и два известных штемпеля аверса рублевиков 1736 г. (см. рис. 10, 11).

Точно так же обстоит дело и со штемпелями реверса: рублевики и 1736, и 1737 гг. встречаются с двумя основными разновидностями гербового орла — с "растрепанным" хвостом (см. рис. 10 и 14) и с "компактным" хвостом (см. рис. 11 и 13). Таким образом, простое сопоставление рисунков штемпелей аверса и реверса не позволяет определить, какой из рублевиков 1736 г. или 1737 г. отчеканен подлинными штемпелями Гедлингера, а какой — штемпелями работы Дмитриева.

Именно это обстоятельство позволило М. М. Максимову в его работе "Очерк о серебре" утверждать, что часть рублевиков 1736 г. была отчеканена штемпелями, изготовленными Дмитриевым еще до отъезда Гедлингера из России и самим Гедлингером одобренными (согласно доношению Канцелярии Монетного правления в Сенат, Гедлингер покинул Россию не раньше 26 мая 1737 г.). К таким монетам М. М. Максимов относит рублевик, изображенный на рис. 11, и по вполне понятной причине: помещенный на реверсе этой монеты гербовый орел имеет "компактный" хвост, а именно эта разновидность гербового орла характерна для подавляющего большинства рублевиков 1737 г. (см. рис. 13), штемпеля которых, по общему мнению, безусловно изготовлены Дмитриевым.

Но автору "Очерка о серебре", видимо, не были известны две монеты, находящиеся в собрании Государственного Исторического музея: рубль 1737 г. с "растрепанным" хвостом гербового орла (см. рис. 14) и рубль 1736 г. (см. рис. 12), отчеканенный с использованием штемпеля аверса рубля, показанного на рис. 11, и штемпеля реверса рубля, показанного на рис. 10. Конечно, если известны две монеты, отчеканенные двумя различными комплектами штемпелей (см. рис. 10, 11), то можно предположить, что эти комплекты были изготовлены двумя граверами: один комплект Гедлингером, а другой Дмитриевым. Но если обнаруживается монета, свидетельствующая об использовании и Гедлингером, и Дмитриевым обеих разновидностей гербового орла (см. рис. 14), а также монета, отчеканенная смешанным комплектом штемпелей (рис. 12), то становится очевидным, что оба комплекта 1736 г. изготовлены Гедлингером. Действительно, присутствуя лично при чеканке всех монет первой партии (из "кабинетского" металла), Гедлингер, конечно же, не мог допустить, чтобы штемпель, изготовленный им, знаменитым на всю Европу медальером, использовался в паре со штемпелем, изготовленным безвестным копиистом. Также маловероятно, чтобы Гедлингер допустил к чеканке монет из первой партии и отдельный комплект штемпелей работы Дмитриева, тем более что ни штемпеля Гедлингера, ни штемпеля Дмитриева личным знаком гравера не помечены. Что же касается причин изготовления Гедлингером второго комплекта штемпелей, то скорее всего потребовались дубликаты для замены штемпелей из первого комплекта, вышедших из строя еще до того, как были отчеканены все монеты первой партии.

В настоящее время невозможно определить, какой именно комплект штемпелей был изготовлен Гедлингером первоначально, но если предположить, например, что первым комплектом была отчеканена монета, представленная на рис. 10, то выстраивается такая последовательность: сначала в первом комплекте вышел из строя и был заменен штемпель аверса, в результате чего появилась монета, показанная на рис. 12; поскольку эта вторая разновидность гедлингеровского рубля встречается значительно реже двух других, можно сказать, что очень скоро разрушился и штемпель реверса из первого комплекта, и после его замены при дальнейшей чеканке появилась третья разновидность рублевика 1736 г. (см. рис. 11). Аналогичную последовательность можно проследить и в том случае, если считать, что первым комплектом штемпелей отчеканена монета, представленная на рис. 11, но тогда первым вышедшим из строя в этом комплекте окажется штемпель реверса.

Рассуждая таким же образом, можно прийти к выводу, что в случае разрушения и второго штемпеля реверса Гедлингер вполне мог заменить его третьим, но датированным уже 1737 г., поскольку именно эта дата соответствует действительному времени чеканки если и не всех, то достаточно большей части рублевиков из "кабинетского" серебра. Однако эта версия фактическими материалами не подтверждается. Не обнаружено ни одного гедлингеровского рублевика 1737 г., отчеканенного с использованием одного из двух известных штемпелей аверса 1736 г., а возможность того, что Гедлингеру пришлось во второй раз заменять, и притом одновременно, и штемпель реверса, и штемпель аверса, представляется совершенно нереальной.

Имеется еще одно важное обстоятельство, связанное с местом чеканки первой партии гедлингеровских рублевиков. В Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича, в предисловии к тому, посвященному монетам Анны Иоанновны, говорится: "В 1737 г. возникает мысль о возобновлении этого двора (Петербургского, закрытого в 1728 г. — В. У.), и вскоре здесь открывается передел монеты; уже в 1737 г. на Петербургском монетном дворе отчеканено 2671 руб. из кабинетского серебра". Однако эти сведения оказываются неверными, если учесть, что именным указом от 15 сентября 1737 г. было предписано "... начать монетное дело производить..." на восстанавливаемом Петербургском монетном дворе лишь с 1 января 1738 г. Да и первая сплавка серебра для монетной чеканки, согласно доношению графа Головкина в Кабинет от 17 февраля 1738 г., была произведена на Петербургском дворе, располагавшемся в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, 24 января 1738 г., тогда как изготовление первой партии гедлингеровских рублевиков из "кабинетского" серебра в количестве 2671 шт. было закончено, как уже говорилось, до 19 апреля 1737 г.

Так где же были отчеканены рублевики из первой партии? Чтобы выяснить это, обратимся к другим документам того времени.

Доношение Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 7 декабря 1736 г. содержит следующие сведения. Согласно именным указам от 17 января и 20 марта 1734 г., для размещения Канцелярии Монетного правления был куплен за 300 руб. двор с каменными и деревянными палатами, принадлежавший кн. А. Н. Прозоровскому и находившийся в Петербурге на Московской стороне в приходе у церкви Воскресения Христова. "И по силе тех указов оный двор за показанную цену куплен и переустроивай, и сделаны среди того двора каменные палаты, в которых лежит казна денежная, золото и серебро, плавильня покупному и

подрядному золоту и серебру и пробовольня, а в купленных палатах поставлены прессы для печатания медалей, рублевых монет и червонных, и к тому делу всякие материалы и инструменты". Таким образом, в бывших палатах кн. Прозоровского было установлено именно то оборудование, которое требовалось для чеканки медалей и монет штемпелями Гедлингера. Что такая чеканка была действительно выполнена в Петербурге (а в то время, кроме как в палатах кн. Прозоровского, чеканить монеты и медали в Петербурге было негде), свидетельствует доношение Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 19 апреля 1737 г., содержащее отчет о выполнении именного указа от 16 сентября 1736 г. Так, в доношении, в частности, отмечается, что затраты на изготовление серебряных медалей и рублевиков оказались более чем вдвое большими аналогичных затрат в Москве (т. е. на Кадашевском монетном дворе) — 14 руб. 06 коп. на пуд серебра, переработанного в медали и монеты, при стоимости переработки пуда серебра в Москве всего 6 руб. 64 коп. Столь большой перерасход средств, видимо, явился следствием в первую очередь полукустарных условий производства, которые, кстати сказать, нашли отражение даже во внешнем облике рублевиков, отчеканенных в палатах кн. Прозоровского. Дело в том, что при перевозке из Москвы прессов и другого оборудования, по всей вероятности, забыли захватить стандартный гуртильный инструмент, а самодельный инструмент, изготовленный на месте, оказался несоответствующим стандартному по рисунку гуртового узора. Поэтому все гедлингеровские рублевики первой партии, чеканившиеся в палатах кн. Прозоровского, имеют оформление гурта (рис. 20), заметно отличающееся от оформления гурта рублевиков, отчеканенных на Кадашевском, а позднее на Красном и на Петербургском монетных дворах (рис. 21). Так как нестандартный гуртовой узор имеют гедлингеровские рублевики, датированные только 1736 г., можно с уверенностью утверждать, что в первой партии, отчеканенной из "кабинетского" серебра, не было монет, датированных 1737 г.

И еще одно подтверждение факта чеканки гедлингеровских медалей, червонцев и рублевиков в бывших палатах кн. Прозоровского: на плане Петербурга 1738 г. (составленном Н. Б. Зихгеймом) эти палаты под № 141 прямо обозначены как "Монетный двор".

Итак, рублевики с портретом императрицы типа Гедлингера и с гербовым орлом нового рисунка (см. рис. 10 — 14) четко разделяются на две группы: все датированные 1736 г. отчеканены штемпелями работы И. К. Гедлингера, а датированные 1737 г. чеканились только штемпелями, скопированными Л. Дмитриевым с подлинных штемпелей.

Дошедшие до нас сведения о замечательном русском гравере Лукьяне Дмитриеве, не только безусловно копировавшем медальные и монетные штемпеля знаменитого Гедлингера, но и создавшем на ряде своих штемпелей портреты императрицы с вполне самостоятельной трактовкой образа (см., например, рис. 15) весьма немногочисленны. Не удалось даже установить даты его рождения и смерти. Из ведомости, представленной в феврале 1735 г. из Монетной канцелярии в Сенат, известно только, что с 1724 г. он был определен в ученики к Антону Шульцу, а при проверке в мае 1733 г. учеников Шульца было отмечено, что "...мастерство их, ...а паче ученика Лукьяна Дмитриева, по-видимому, хорошо и нарочито... "; 19 октября 1734 г. ассессоры Левкин и Нартов объявляют: "...оной Шульц обучил тому своему искусству ученика Лукьяна Дмитриева..." Октябрь 1734 г., видимо, и следует считать временем окончания его ученичества. Согласно

доношению главного директора Монетного правления графа М. Д. Головкина в Кабинет от 3 сентября 1737 г., "резного штемпельного дела подмастерье Лука Дмитриев" жалованья получал 100 руб. в год, тогда как "резного штемпельного дела мастер Иван Васильев" — только 70 руб. 5 августа 1737 г. М. Д. Головкин, учитывая особые успехи Дмитриева в резьбе медальных и монетных штемпелей, ходатайствует перед Кабинетом о выдаче Лукьяну Дмитриеву "...от Ея Императорскаго Величества Всемилостивейшего награждения". Примерно с середины 1737 г. Дмитриев именуется в документах мастером.

Что же могло послужить причиной прекращения чеканки монет штемпелями работы Гедлингера и переноса чеканки в Москву с использованием штемпелей работы Дмитриева? В Корпусе русских монет, в упомянутом выше предисловии говорится: "Так как штемпель Гедлингера испортился, то московским резчиком Лукьяном Дмитриевым был вырезан в 1737 г. новый штемпель по Гедлингеровскому образцу". Вполне вероятно, что к концу чеканки рублевиков из "кабинетского" серебра гедлингеровские штемпеля были значительно изношены и требовали замены. Но ведь Гедлингер вполне мог и сам изготовить новый комплект штемпелей, необходимый для продолжения чеканки рублевиков из "покупного и подрядного" серебра, и отказались от его услуг, несомненно, только потому, что слишком дорого обходились они русскому правительству: ведь за два месяца работы Гедлингер получил 4 тыс. руб., тогда как Дмитриев, резавший штемпеля, ничуть не уступавшие по качеству гедлингеровским, получал всего-навсего 100 руб. в год. Формальной же причиной прекращения чеканки рублевиков штемпелями работы Гедлингера могла быть именно та, на которую в свое время указывал М. М. Максимов — полное израсходование "кабинетского" серебра.

За время чеканки рублевиков гедлингеровского образца в Москве, т. е. в течение примерно двух месяцев, Дмитриев изготовил, по ориентировочным подсчетам, не менее восьми комплектов копий со штемпелей Гедлингера. Однако 18 августа 1737 г. в Москву был направлен указ о прекращении чеканки рублевиков этими штемпелями. Дело в том, что Контора Монетного правления вдруг обнаружила на их аверсе написание титула императрицы в сокращенном виде — "Б. М. АННА ІМПЕРАТРИЦА І САМОДЕРЖ. ВСЕРОСС. ". Усмотрев в этом явное нарушение придворного этикета (хотя сокращение "самодерж." использовалось еще на рублях и полтинах 1734 г. — см. рис. 6 — 8), Контора обязала Кадашевский монетный двор чеканить рублевики только с полным титулом (доношение из Конторы Монетного правления в Кабинет от 15 сентября 1737 г.). В соответствии с этим распоряжением Дмитриев вырезал новые штемпеля аверса не только для рублевиков, но и для полтин, по-прежнему с портретом императрицы типа Гедлингера, но уже с полным титулом в круговой надписи (см. рис. 15, 16). Также был существенно изменен рисунок гербового орла на реверсе (рис. 19). Интересно отметить, что круговая надпись на аверсе рублевиков гедлингеровского образца, несмотря на сокращения, оставалась вполне грамотной, тогда как надпись без сокращений, помещавшаяся на подавляющем большинстве монет Анны Иоанновны, всегда писалась с ошибками в последнем слове — "ВСЕРОСИСКАЯ".

Рубли и полтины нового образца чеканились в Москве с 1737 по 1740 г., а в 1739 г. к ним присоединился полуполтинник также с портретом императрицы типа Гедлингера (рис. 17).

Еще одним совершенно неясным является вопрос о чеканке в 1736 г. золотых червонцев. Согласно именному указу от 16 сентября 1736 г. Монетная канцелярия

должна была изготовить из "кабинетского" золота пятьдесят червонцев. В своей работе "Очерк о золоте" М. М. Максимов утверждает, что это задание было выполнено только в 1738 г., однако в доношении из Канцелярии Монетного правления в Кабинет от 19 апреля 1737 г. однозначно указывается, что 15 января 1737 г. в Кабинет было представлено 50 гедлингеровских червонцев. Утверждение М. М. Максимова, конечно же, основывается на том, что до настоящего времени не обнаружено ни одного червонца, датированного 1736 г. Но это могло произойти по той причине, что, поступив в ведение Кабинета, гедлингеровские червонцы до 1741 г., видимо, не расходовались, а в этом году они были все до одного перечеканены в червонцы Елизаветы Петровны.

В известных нам письменных источниках нет сведений об изготовлении Лукьяном Дмитриевым штемпелей червонцев, и все же штемпеля аверса червонцев 1738 и 1739 гг. (рис. 22), судя по характерным особенностям помещенного на них портрета императрицы типа Гед-лингера, никто, кроме Дмитриева, вырезать не мог, тем более что эти червонцы чеканились либо в Москве, либо на Петербургском монетном дворе, но штемпелями, доставленными из Москвы.

Последняя монета, изготовление штемпелей которой приписывается Иоганну Карлу Гедлингеру, — это медный портретный 5-копеечник 1740 г. (рис. 23). В Корпусе русских монет его описание сопровождается таким примечанием: "Судя по резьбе, оба штемпеля этой монеты собственноручной резьбы знаменитого медальера Гедлингера в Стокгольме". Нет ничего удивительного в том, что штемпеля 5-копеечника 1740 г. были изготовлены Гедлингером спустя три года после его отъезда из России. Будучи в Швеции, он продолжал выполнять заказы русского правительства. Например, им были изготовлены штемпеля медали с портретом императрицы Елизаветы Петровны, заказ на которые он мог получить не ранее 1741 г.

Штемпеля 5-копеечника 1740 г., оставшиеся неутвержденными, предназначались для перечеканки пятаков образца 1723 — 1730 гг. Пробные монеты, оттиснутые этими штемпелями, уникальны: помещенное на их реверсе изображение ордена Андрея Первозванного изготовлено из желтого металла (видимо, из бронзы) и каким-то, пока невыясненным, способом укреплено на груди гербового орла.

В заключение остается упомянуть о пяти новодельных монетах, две из которых соответствуют монетам, отчеканенным штемпелями Гедлингера, — рубль 1736 г. (рис. 24) и 5-копеечник 1740 г. (рис. 25), а три — монетам, отчеканенным штемпелями Дмитриева — червонец 1738 г. (рис. 26), полтина и полуполтинник 1739 г. (рис. 27, 28). Кроме того, портрет Анны Иоанновны типа Гедлингера воспроизведен еще на одной новодельной монете — на фантастическом гривенике 1739 г., отчеканенном в меди (рис. 29). Из всех этих новоделов особенно не повезло 5-копеечнику (см. рис. 25), штемпеля которого были изготовлены на Екатеринбургском монетном дворе резчиком, никогда не имевшим дела с портретными штемпелями.

Примечания

¹ МАКСИМОВ М. М. Медальер Иван Васильев // Советский коллекционер, 1975. № 13. С. 145 — 149.

² См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. Спб., 1901. С. 76.

³ См. там же. С. 138.

⁴ См. там же. С. 148.

⁵ См. там же. С. 156.

- ⁶ МАКСИМОВ М. М. Очерк о серебре. М. : Недра, 1981. С. 158 — 161.
- ⁷ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Указ. соч. С. 76.
- ⁸ См. там же. С. V.
- ⁹ См.: ПСЗ, № 7357.
- ¹⁰ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Указ. соч. С. 178.
- ¹¹ См. там же. С. 140. ¹² См. там же. С. 148.
- См. там же. С. 93 — 95. ¹⁴ См. там же. С. 137 — 138. ¹⁵ Там же. С. 153. ¹⁶ Там же. С. 111.
- ¹⁷ См.: МАКСИМОВ М. М. Очерк о серебре. М. : Недра, 1981. С. 154.
- ¹⁸ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Указ. соч. С. 156 — 157.
- "См.: МАКСИМОВ М. М. Очерк о золоте. М.: Недра, 1988. С. 69.
- ²⁰ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Указ. соч. С. 148.
- ²¹ См.: СПАССКИЙ И. Г. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1949. С. 20 — 22.
- ²² См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Указ. соч., С. 244.



1



2



3



4



5



6



7



8



9



10



11



12



13



14



17

15

16



18

19



20

21



22



23



24



25



26



27



28



29

Перечеканка монет в XVIII в.

В XVIII в. в русском монетном производстве получила широкое распространение перечеканка — способ изготовления монет, при котором оттиск монетных штемпелей наносился не на гладкий кружок-заготовку, а на какую-либо ранее изготовленную устаревшую или иностранную монету. Именно поэтому на лицевой или оборотной стороне монет, изготовленных перечеканкой, часто просматриваются различные изображения, цифры, буквы, а иногда и целые надписи, являющиеся инородными по отношению к этой монете.

Применение перечеканки преследовало лишь одну цель — сокращение производственных расходов, поскольку при такой переработке устаревших и иностранных монет из производственного цикла исключался ряд высокочрезвычайно затратных операций: переплавка старых монет, прокатка полос, вырубка из полос кружков-заготовок и повторная переплавка отходов, оставшихся после вырубки кружков. К тому же перечеканка предотвращала потери металла, возникавшие при переплавке старых монет и отходов (так называемый "угар").

Еще одну операцию можно было не выполнять в случае применения перечеканки — не наносить новое оформление на гурт монет. Такое упрощение было вполне закономерно в тех, наиболее частых, случаях, когда гуртовое оформление монет, поступавших на перечеканку, совпадало с узаконенным оформлением гурта монет нового образца. Но даже если у новых монет гуртовое оформление, оставшееся от монет старого образца, оказывалось нестандартным, оно продолжало успешно выполнять свои функции — затруднять подделку монет и исключать возможность безнаказанного опиливания или обрезания монет из драгоценных металлов. Поэтому обычно гурчение исключалось из производственного цикла либо полностью, либо для какой-то части монет.

Перечеканка могла производиться:

целенаправленно, если по каким-то причинам возникла необходимость ликвидировать определенную категорию монет, заменив их монетами нового образца;

в том случае, если на монетном дворе оказывались поступившие на переработку в качестве вторичного сырья устаревшие отечественные или иностранные монеты, пригодные (по массе, пробе сплава и диаметру) для перечеканки их в монеты текущего выпуска; такую перечеканку можно называть *вспомогательной*, дополняющей обычную чеканку на гладких заготовках;

при опробовании штемпелей, предназначенных для проведения целенаправленной перечеканки, но по каким-то причинам неутвержденных; изготовление монет в процессе такого опробования можно считать *пробной* перечеканкой.

Целенаправленная перечеканка

Первая целенаправленная перечеканка монет в России, начавшаяся в 1724 г. и продолжавшаяся, видимо, до 1727 г., носила совершенно особый характер: перечеканивались медные копейки 1704 — 1718 гг. новыми штемпелями в копейки же, датированные 1724 г. (рис. I). Цель этой перечеканки — затруднить подделку копеек фальшивомонетчиками (сенатский указ от 32 января 1724 г.). Для этого штемпеля, которыми выполнялась перечеканка, были изготовлены на более профессиональном уровне по сравнению с ранее применявшимися, а на гладкий

гурт всех без исключения старых копеек, поступивших на перечеканку, была нанесена сетчатая насечка (см. рис. 1), значительно затруднявшая подделку.

Во всех последующих случаях целенаправленная перечеканка медных монет выполнялась только при изменении их весовой нормы. Чтобы такая перечеканка была возможна, среди монет старого и вновь вводимого образца должны были находиться монеты, равные между собой по массе, а номиналы таких равновесомых монет должны были соотноситься как целые числа. В 1762 и в 1796 гг., при двукратном уменьшении весовой нормы медных монет, в обычный набор номиналов специально вводились 10- и 4-копеечники только для того, чтобы обеспечить перечеканку 5- и 2-копеечников старого образца.

В 1730 г. именным указом от 22 декабря была утверждена новая, 10-рублевая, стопа медных монет. В связи с этим в 1730 — 1735 гг. производилась целенаправленная перечеканка копеек 20-рублевой стопы (1704 — 1718 гг., не уничтоженных предыдущей перечеканкой, и 1724 г.) в денги (полукопеечники), а также перечеканка копеек 40-рублевой стопы (1728 — 1729 гг.) в полушки (рис. II). На гладкий гурт всех поступивших на перечеканку копеек 1704 — 1718 гг. (за редким исключением) была нанесена сетчатая насечка (см. рис. 1); копейки 1724 г. такую насечку на гурте уже имели. Что же касается копеек 1728 — 1729 гг., то примерно 20% из них при перечеканке не пере-гурчивались. Поэтому многие полушки образца 1730 г. вместо стандартной шнуровидной насечки (рис. 2) имеют на гурте узор (рис. 5), бывший принадлежностью копеек 1728 — 1729 гг. Такое сокращение производственного цикла перечеканки было осуществлено, видимо, по инициативе персонала монетного двора: либо двор не укладывался в сроки, отведенные на перечеканку, либо на этом решили сэкономить средства и время для проведения каких-то других работ, либо выходил из строя гуртильный станок, на котором выполнялось перегурчивание копеек 1728 — 1729 гг. Последнее представляется наиболее вероятным, потому что в ряде случаев перегурчивание копеек 1728 — 1729 гг. было выполнено недоброкачественно: под шнуровидной насечкой на гурте полушек, изготовленных перечеканкой, часто просматривается гуртовой узор копеек, а иногда гурт полушек как бы состоит из двух частей, на одной из которых помещена насечка, а на другой узор. Не все денги и полушки в 1730 — 1735 гг. перечеканивались из копеек, часть из них чеканились на гладких заготовках, а с 1736 по 1754 г. они изготавливались только обычной чеканкой.

В 1755 г., после долгих поисков, была найдена возможность ликвидировать пятаки 1723 — 1730 гг. без нанесения тяжелого ущерба казне. Для этого предстояло выкупить у населения пятаки, покупательная способность которых была постепенно снижена до 2 коп., и перечеканить их в копейки (именной указ от 18 августа 1755 г.). Перед началом перечеканки Петербургский, московский Красный и Екатеринбургский монетные дворы изготовили довольно значительное количество копеек нового образца обычной чеканкой на гладких заготовках — эти копейки предназначались для выкупа у населения пятаков, подлежащих перечеканке. Чеканка копеек на гладких заготовках производилась и позднее, главным образом на Екатеринбургском монетном дворе.

Перечеканка пятаков в копейки (рис. III) началась во второй половине 1755 г. и продолжалась до апреля 1757 г. Гуртовое оформление копеек 1755 — 1757 гг. весьма разнообразно. Это либо сетчатая насечка (см. рис. 1), либо гуртовая надпись одного из трех видов: "С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА", "МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА" и "ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА".

Чтобы выяснить, как обстояло дело с оформлением гурта пятаков 1723 — 1730 гг. при перчеканке их в копейки, в Государственном Историческом музее было обследовано значительное количество копеек 1755 — 1757 гг. При этом оказалось, что копейки с любой гуртовой надписью имеют, как правило, кружок стандартных размеров и никогда не несут на себе следов пятака. В отличие от них, все копейки с кружком уменьшенной толщины и увеличенного диаметра, часто имеющие к тому же остаточные следы изображений и надписей, присущих пятакам 1723 — 1730 гг., имеют на гурте только сетчатую насечку. Такая четкая градация позволяет считать, что весь объем перчеканки пятаков 1723 — 1730 гг. в копейки 1755 — 1757 гг. был выполнен без перегурчивания, поскольку сетчатая насечка была стандартным оформлением гурта пятаков. А все копейки, чеканившиеся на гладких заготовках, снабжались гуртовой надписью, содержание которой соответствовало месту, где была отчеканена монета.

В 1757 г. именным указом от 8 апреля 1757 г. для медной монеты опять была изменена монетная стопа с 8 руб. из пуда меди на 16 руб. из пуда. Стандартным гуртовым оформлением для новых монет 5-, 2- и 1-копеечного номинала была выбрана сетчатая насечка (см. рис. 1), а для денег и полушек — рубчатая насечка (рис. 3). Изготовление 2-копеечников нового образца в значительной мере производилось перчеканкой копеек 1755 — 1757 гг. (рис. IV), причем Петербургский и московский Красный монетные дворы производили при перчеканке перегурчивание, снабжая все 2-копеечники стандартной сетчатой гуртовой насечкой, а Екатеринбургский двор выполнял перчеканку без перегурчивания, да к тому же и при обычной чеканке 2-копеечников на гладких заготовках, возможно, продолжал использовать гуртильный инструмент, ранее применявшийся для гурчения копеек образца 1755 — 1757 гг. (с надписью "ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА"). Это привело к тому, что 2-копеечники 1757 — 1762 гг. получили три вида оформления гурта: стандартную сетчатую насечку (рис. 1), надпись "ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА" и надпись "МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА" (надпись "С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА" на 2-копеечниках практически не встречается ввиду значительной редкости копеек с такой надписью). Перчеканка привела также к появлению курьезной "двойной" датировки 2-копеечников 1757 — 1760 гг.: кроме их собственной даты, на них зачастую (и очень отчетливо) просматривается дата, принадлежавшая копейкам 1755, 1756 или 1757 гг. и не уничтоженная оттиском нового штампа.

17 января 1762 г. был подписан именной указ Петра III о введении для медной монеты стопы в 32 руб. из пуда меди, т. е. об удвоении номинала всех монет образца 1757 г. Изготавливались новые монеты в 1762 г. главным образом перчеканкой монет Елизаветы Петровны, хотя сначала было изготовлено некоторое их количество обычной чеканкой на гладких заготовках. В качестве стандартного гуртового оформления новых монет была выбрана все та же сетчатая насечка (см. рис. 1), а перчеканка пятаков, 2-копеечников, копеек и денег Елизаветы Петровны соответственно в 10-, 4-, 2-копеечники и копейки Петра III (рис. V) производилась без перегурчивания. В результате гурт новых 10- и 2-копеечников оказался оформленным в полном соответствии со стандартным, а монеты остальных номиналов получили по несколько вариантов гуртового оформления: 4-копеечники — стандартную сетчатую насечку, надпись "ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ДВОРА" и надпись "МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО

ДВОРА", а копейка — стандартную сетчатую насечку (см. рис. 1) и рубчатую насечку денги Елизаветы Петровны (см. рис. 3).

Сенатским указом от 27 января 1763 г. была прекращена перечеканка медных монет Елизаветы Петровны в монеты 32-рублевой стопы, а изготовленные этой перечеканкой 10-, 4- и 2-копеечники подлежали перечеканке соответственно в 5-, 2-копеечники и копейки (рис. VI), поскольку для медных монет Екатерины II вновь вводилась 16-рублевая монетная стопа. Монеты Елизаветы Петровны 16-рублевой стопы, уцелевшие от перечеканки 1762 г., остались в обращении и продолжали ходить наравне с новыми монетами Екатерины II, постепенно и все в больших количествах (по мере износа) поступая на переплавку. Перечеканка монет Петра III производилась без их перегурчивания, в результате чего некоторое количество 2-копеечников нового образца опять оказалось с гуртовой надписью копеек 1755 — 1757 гг. Установить содержание гуртовой надписи на этих 2-копеечниках в большинстве случаев уже невозможно — слишком долго их кружки были в обращении. А стандартной для 5-, 2-копеечников и копеек Екатерины II осталась сетчатая насечка (см. рис. 1), для денег и полушек — рубчатая (см. рис. 3). Однако с 1781 г. Сузунский монетный двор начинает чеканить пятаки, денги и полушки, помеченные знаком "KM", со шнуровидной гуртовой насечкой (см. рис. 2). Небольшое количество пятаков с такой же насечкой на гурте отчеканил в 1787 г. Таврический двор.

16-рублевая стопа медных монет Екатерины II сохранялась до 1796 г., когда на основании утвержденного доклада кн. Зубова от 8 мая 1796 г. была установлена, как и в 1762 г., 32-рублевая стопа и начата перечеканка 5-, 2-копеечников, копеек, денег и полушек образца 1763 г. соответственно в 10-, 4-, 2-копеечники, копейки и деньги нового образца (рис. VII); пятаки и полушки этой серии чеканились на гладких заготовках. Вместе с монетами Екатерины II перечеканивались еще оставшиеся монеты Елизаветы Петровны 16-рублевой стопы, причем их перечеканку (рис. VII) следует, видимо, считать не вспомогательной, а целенаправленной, так органично они вошли в денежное обращение того времени. Перед началом перечеканки было отчеканено на гладких заготовках некоторое количество монет нового образца всех номиналов — они предназначались для выкупа у населения старых монет, подлежавших перечеканке. Стандартным оформлением гурта всех монет серии 1796 г. являлась шнуровидная насечка (см. рис. 2), однако перечеканка старых монет проводилась без перегурчивания. В результате появляется большое разнообразие в гуртовом оформлении новых монет. Так, шнуро-видную насечку (см. рис. 2) имеют все монеты серии, изготовленные обычной чеканкой на гладких заготовках, а также 10-копеечники, копейки и деньги, изготовленные перечеканкой пятаков, денег и полушек

Сузунского и Таврического монетных дворов. Сетчатую насечку (см. рис. 1) имеют 10-, 4- и 2-копеечники, изготовленные перечеканкой пятаков, 2-копеечников и копеек старого образца всех монетных дворов, кроме Сузунского. Наконец, рубчатую насечку (см. рис. 3) имеют деньги, изготовленные перечеканкой полушек Екатеринбургского двора [Здесь не учитывается существование таких чрезвычайно редких медных монет образца 1763 г. со шнуровидной насечкой, как 2-копеечник, копейка, денга и полушка Таврического двора, денги Петербургского, Екатеринбургского и Аннинского дворов, а также полушка Аннинского двора], и изредка встречаются 4-копеечники со следами гуртовой надписи копеек 1755 — 1757 гг. В то же время совершенно непонятной остается причина появления на гурте копеек нового образца сетчатой насечки (см. рис. 1) и полное отсутствие таких копеек с рубчатой насечкой (см. рис. 3), которая должна была оставаться после перечеканки

их из денег образца 1763 г. без перегурчивания. Остается предположить, что перегурчивание в этом случае все же производилось, но насечка наносилась не стандартная (шнуровидная), а устаревшая сетчатая.

В том же 1796 г., после смерти Екатерины II, все монеты 32-рублевой стопы, не успев попасть в обращение, согласно указу Павла I от 10 декабря 1796 г., были "арестованы" на монетных дворах, а затем уничтожены: 10- и 4-копеечники перечеканкой, монеты остальных номиналов — переплавкой [Известные в настоящее время монеты 1796 г. нового образца сохранились только благодаря тому, что случайно избежали уничтожения]. Перечеканка 10- и 4-копеечников 1796 г. соответственно в пятаки и 2-копеечники (рис. VIII), получившая специальное название "павловский перечекан", имела уникальную особенность: монеты вместе с возвращением в прежнее достоинство приобретали прежнее оформление с вензелем Екатерины II и даже фиктивно датировались годами правления этой императрицы. Столь необычный подход к перечеканке был тем не менее вполне обоснованным. Во-первых, правительство Павла I совершенно справедливо оценило проект кн. Зубова как финансовую аферу и приняло необходимые меры для ликвидации медных монет нового образца. Во-вторых, применив для уничтожения 10- и 4-копеечников 1796 г. перечеканку с ее несомненными экономическими выгодами, правительству удалось сэкономить немалые средства при минимальных потерях, поскольку по суммарной массе металла 10- и 4-копеечники, направлявшиеся на перечеканку, многократно превосходили монеты остальных номиналов, поступавшие на переплавку. В-третьих, при Павле I прекратилась чеканка медных 5-копеечников (поскольку с 1797 г. был начат выпуск серебряных монет этого номинала), тогда как в обращении, в числе других монет старого образца, продолжало находиться огромное количество медных пятаков Екатерины II, не успевших попасть в перечеканку по проекту кн. Зубова; значит, если 10-копеечники 1796 г. и можно было перечеканить, то только в пятаки Екатерины II. Наконец, 4-копеечники 1796 г. в принципе можно было перечеканить в 2-копеечники Павла I, но как раз начиная с монет нового царствования, в русском монетном производстве было полностью прекращено применение перечеканки. Дело в том, что перечеканка неизбежно приводила к резкому ухудшению внешнего вида монет, и при Павле I соображения государственного престижа впервые оказались важнее экономической выгоды. Именно поэтому, чтобы сохранить одинаково престижный внешний вид всех медных монет нового царствования, и было решено перечеканить 4-копеечники 1796 г. в 2-копеечники царствования минувшего, при котором перечеканка применялась в широких масштабах и без учета ее негативных последствий; соображения престижности были, несомненно, учтены и при решении вопроса о перечеканке 10-копеечников 1796 г. Остается только напомнить, что монеты Екатерины II, чеканившиеся до 1796 г., монеты "павловского перечекана" и монеты Павла I имели одну и ту же весовую норму (16 руб. из пуда меди), а потому вполне могли находиться в обращении одновременно, хотя бы в первые годы нового царствования. Таким образом, уникальный "павловский перечекан", обычно считавшийся одной из причуд Павла I, в действительности явился результатом вполне рационального подхода к решению ряда финансовых, экономических, политических и технических задач.

Выполнялся "павловский перечекан" как подлинными штемпелями монет Екатерины II, так и специально изготовленными штемпелями (последними оттиснуты монеты, представленные на рис. VIII: орел на аверсе пятака имеет

особый рисунок, а буквы обозначения Екатеринбургского монетного двора на аверсе 2-копеечника расположены по сторонам коня).

В настоящее время довольно трудно определить, как в процессе "павловского перечекана" выполнялось гурчение, поскольку монеты, изготовленные этой перечеканкой, имеют не только стандартную для них сетчатую насечку (см. рис. 1). Так, на гурте пятаков, помеченных знаками Екатеринбургского ("ЕМ") и Аннинского ("АМ") монетных дворов, встречается шнуровидная насечка (см. рис. 2), которая на этих монетных дворах не применялась, а на гурте некоторых 2-копеечников видны следы гуртовой надписи копеек 1755 — 1757 гг. Это свидетельствует о том, что в данных случаях перегурчивание при "павловском перечекане" не выполнялось, однако монеты с нестандартным гуртовым оформлением не являются производственным браком — их слишком много. В то же время хорошо известны пятаки "павловского перечекана" с явными следами перегурчивания, хотя и выполненного недоброкачественно: на их гурте под вновь нанесенной сетчатой насечкой отчетливо просматривается старая шнуровидная. Более того, иногда гурт пятаков как бы состоит из двух частей — на одной помещена сетчатая насечка, а на другой шнуровидная. О выполнении перегурчивания при "павловском перечекане" 4-копеечников 1796 г., имевших шнуровидную гуртовую насечку, свидетельствует полное отсутствие 2-копеечников "павловского перечекана" с этой насечкой. Такие взаимоисключающие особенности гуртового оформления монет "павловского перечекана" могут быть предположительно объяснены так:

перегурчиванию с нанесением стандартной сетчатой насечки были подвергнуты при перечеканке все 10- и 4-копеечники 1796 г., изготовленные обычной чеканкой на гладких заготовках и имевшие шнуровидную насечку, стандартную для монет 1796 г. нового образца; при этом имелись случаи недоброкачественного перегурчивания 10-копеечников;

все 10- и 4-копеечники 1796 г., изготовленные перечеканкой пятаков и 2-копеечников образца 1763 г., при "павловском перечекане" не перегурчивались; в результате среди пятаков "павловского перечекана" оказались монеты как со шнуровидной насечкой, оставшейся от пятаков образца 1763 г. Сузунского и Таврического монетных дворов, так и монеты с сетчатой насечкой пятаков образца 1763 г. всех остальных монетных дворов; а среди аналогичных 2-копеечников "павловского перечекана" оказались монеты с оформлением гурта, характерным для всех 2-копеечников образца 1763 г. — с сетчатой насечкой и остатками гуртовой надписи копеек 1755 — 1757 гг.

Целенаправленная перечеканка золотых монет совсем не производилась, а серебряные рубли и полтины перечеканивались целенаправленно только однажды и при весьма специфических обстоятельствах.

После дворцового переворота в ноябре 1741 г. на престол была возведена Елизавета Петровна. Кратковременное царствование малолетнего императора Иоанна III (Ивана Антоновича) было объявлено незаконным, сам он был заключен в крепость, а монеты с его изображением подлежали изъятию из обращения и уничтожению. На протяжении четырех лет, с 1741 по 1744 г., было издано четыре правительственных указа, которые обязывали население сдавать такие монеты в казну, а сенатским указом от 27 февраля 1743 г. была предусмотрена перечеканка рублей и полтин с портретом "принца Иоанна" в рубли и полтины Елизаветы Петровны. Фактически же такая перечеканка (рис. IX) была начата сразу после

переворота, что обеспечивало одновременно и ускорение выпуска монет с портретом новой правительницы. Выполняли перечеканку Петербургский и московский Красный монетные дворы.

Рубли и полтины Ивана Антоновича и Елизаветы Петровны имели одно и то же стандартное гуртовое оформление: на монетах Петербургского двора (знак на аверсе "СПБ") — гуртовая надпись "С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА", на монетах Красного двора (знак на аверсе "ММД") — гуртовая надпись "МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА". Но на некоторых рублях Елизаветы Петровны, изготовленных перечеканкой из рублей Ивана Антоновича, гуртовое оформление противоречит знаку монетного двора на аверсе: на рублях со знаком "СПБ" оказалась гуртовая надпись "МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА", а на рублях со знаком "ММД" — гуртовая надпись "С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА". Рубли с такой аномалией в гуртовом оформлении настолько редки, что все их можно было бы считать производственным браком, появившимся в ходе перегурчивания рублей Ивана Антоновича, когда отдельные экземпляры этих рублей случайно не попадали на гур-тильный станок. Но такой вывод не совсем согласуется со следующим обстоятельством.

Среди монет Ивана Антоновича "СПБ" чрезвычайно редко встречаются экземпляры с гуртовым оформлением монет Анны Иоанновны: рубли с узорным гуртом (рис. 6) и полтины с сетчатой насечкой (см. рис. 1) — это Петербургскому монетному двору было в свое время разрешено использовать для чеканки монет Ивана Антоновича небольшой запас кружков, находившихся на этом дворе и уже загур-ченных под монеты Анны Иоанновны (указ Канцелярии Монетного правления от 10 февраля 1741 г.). Вероятность того, что именно эти редчайшие монеты Ивана Антоновича случайно не попадут на перегурчивание, ничтожно мала, а между тем рубли Елизаветы Петровны, изготовленные на Петербургском дворе перечеканкой и имеющие узорный гурт рублей Анны Иоанновны, все же существуют, хотя и в единичных экземплярах. Вот этот факт и позволяет предположить, что на Петербургском дворе перечеканка рублей Ивана Антоновича вообще могла не сопровождаться перегурчиванием, и рубли Елизаветы Петровны с нестандартным и аномальным гуртовым оформлением не являются производственным браком. Правда, такому предположению противоречит очень большая редкость рублей Елизаветы Петровны "СПБ" с аномальной гуртовой надписью ("МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА"). Но эту редкость можно было бы объяснить тем, что за один-два года, прошедших с момента изготовления рублей Ивана Антоновича до их перечеканки, лишь немногие из этих монет, отчеканенных на Красном дворе, успели покинуть регион Москвы и пройти перечеканку без перегурчивания на Петербургском дворе. Однако в таких же условиях происходило перемещение и рублей, отчеканенных в Петербурге и перечеканенных на московском Красном дворе, а они встречаются весьма часто. Опознаются такие рубли очень легко, хотя почти все они прошли перегурчивание и имеют нормальную гуртовую надпись [Только в 1989 г. был обнаружен первый (и пока единственный) рубль "ММД" 1742 г. с гуртовой надписью "С.ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА"]: кроме основного знака монетного двора "ММД" на них хорошо просматриваются следы первоначального знака — "СПБ". На рублях Елизаветы Петровны "СПБ" первоначальный знак монетного двора обычно не просматривается (что свидетельствует о высоком качестве перечеканки на Петербургском дворе), и если такие рубли имеют нормальную гуртовую надпись

("С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА"), то невозможно определить, использовались ли для их изготовления рубли Ивана Антоновича "ММД". Но если сравнить степень редкости рублей Елизаветы Петровны "ММД", перечеканенных из рублей Ивана Антоновича "СПБ", (со следами первоначального знака "СПБ") и рублей "СПБ", явно перечеканенных из рублей "ММД" (с гуртовой надписью "МОСКОВСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА"), то становится совершенно очевидным, что среди рублей Елизаветы Петровны "СПБ" с нормальной гуртовой надписью "С. ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА" безусловно должно присутствовать достаточно большое количество монет, перечеканенных из рублей Ивана Антоновича "ММД", а это значит, что перегурчивание выполнялось при перечеканке 1742 — 1744 гг. и на Петербургском монетном дворе. Следовательно, все рубли Елизаветы Петровны, как с аномальной гуртовой надписью, так и с нестандартным (узорным) гуртом, представляют собой производственный брак, чаще наблюдавшийся на Петербургском дворе.

Что же касается перечеканки полтин Ивана Антоновича, то до настоящего времени не обнаружено ни одного дефектного экземпляра полтины Елизаветы Петровны с нестандартным (сетчатым) гуртом или с аномальной гуртовой надписью.

Незначительный объем целенаправленной перечеканки монет из драгоценных металлов объясняется прежде всего тем, что перечеканку нельзя было применять в случаях изменения весовой нормы этих монет. В XVIII в. такие изменения либо были невелики и не обеспечивали простого соотношения номиналов исходных и полученных перечеканкой монет, либо сопровождалась изменением пробы сплава, а это требовало обязательной переплавки старых монет, если они использовались для изготовления новых.

Вспомогательная перечеканка

Практиковавшееся в начале XVIII в. изготовление русских золотых и серебряных монет путем перечеканки монет западно-европейских было обусловлено в первую очередь особенностями денежной реформы Петра I: по лигатурному весу и пробе сплава русский червонец полностью соответствовал дукату, а рубль (в его первоначальном виде) — талеру. В результате большинство червонцев Петра I было изготовлено перечеканкой дукатов (рис. X), а талеры и полталеры очень часто перечеканивались в рубли и полтины 1704 — 1705 гг. (рис. XI). Гуртовое оформление иностранных монет (если таковое имелось) при перечеканке обычно уничтожалось, однако известны отдельные экземпляры рублей 1704 — 1705 гг. со следами гуртовой надписи, принадлежавшей талеру (рис. 4).

Перечеканка талеров и полталеров в рубли и полтины производилась и позднее, в 1724 — 1726 гг., на только что открытом Петербургском монетном дворе (рис. XII). Здесь талеры и полталеры предварительно обжимались на прессе с целью уничтожения имевшихся на них изображений и надписей. Именно поэтому рубли и полтины 1724 — 1726 гг. петербургского изготовления обычно имеют увеличенный диаметр и малую толщину. Другой характерной особенностью перечеканки 1724 — 1726 гг. является сплошное перегурчивание: поверх гуртового оформления всех поступавших на перечеканку талеров и полталеров в обязательном порядке наносилась шнуровидная насечка (см. рис. 2) или растительный узор (рис. 7). После того как примерно с середины 1726 г. Петербургским двором была начата обычная чеканка рублей и полтин на гладких заготовках, было изменено

положение портрета Екатерины I: раньше он был обращен влево, теперь был повернут направо.

К вспомогательной перечеканке относится и перечеканка червонцев Анны Иоанновны в червонцы Елизаветы Петровны (рис. XIII), а также перечеканка золотых и серебряных монет Петра III в соответствующие по номиналу монеты Екатерины II (рис. XIV). В отличие от перечеканки монет Ивана Антоновича, целью этих перечеканок было лишь утилитарное использование монет предыдущих царствований (при Иване Антоновиче червонцы не чеканились) для ускорения выпуска монет нового образца в первые месяцы правления Елизаветы Петровны и Екатерины II (и в том, и в другом случае — после дворцового переворота). Монеты Екатерины II, изготовленные перечеканкой, имеют на гурте только стандартную для них шнуровидную насечку (см. рис. 2), хотя часть рублей и полтин Петра III была снабжена гуртовой надписью. Следовательно, Петербургский монетный двор либо производил при перечеканке перегурчивание монет с гуртовой надписью, либо отбирал для перечеканки монеты с гуртовой насечкой, не нуждавшейся в перегурчивании; а московский Красный двор безусловно производил перегурчивание всех рублей и полтин Петра III, поступавших на перечеканку. Золотые 10- и 5-рублевики

Петра III в перегурчивании при перечеканке не нуждались, поскольку подобно монетам Екатерины II имели на гурте только шнуровидную насечку.

В 1795 г. на Красном монетном дворе была перечеканена в общегосударственную монету партия бронзовых молдово-валашских монет, оставшихся в России после присоединения Молдовы и Валахии к Турции (рис. XV). На первый взгляд такая перечеканка не отвечала основному требованию — равенству массы исходной монеты и нормативной массы монеты, получаемой в результате перечеканки. Действительно, согласно "Привилегии", выданной П. Гартенбергу на чеканку молдово-валашской монеты, масса монеты 2 пара — 3 копейки должна была равняться 22,8 г, тогда как нормативная масса общегосударственного 2-копеечника, который изготавливался перечеканкой указанной выше монеты, составляет 20,4 г; аналогичное расхождение в значении массы имели пара — 3 денги и общегосударственная копейка. Однако на практике такое несоответствие не возникало, поскольку на Садогурском частном монетном дворе систематически занижалась весовая норма, установленная для молдово-валашских монет. Перечеканка 1795 г. проводилась без перегурчивания, в результате чего изготовленные перечеканкой 2-копеечники и копейки этого года с обозначением Красного монетного двора ("ММ") оказались с гуртовым узором молдово-валашских монет (рис. 8).

В заключение остается отметить, что в процессе изготовления 2-копеечников 1757 — 1762 гг., 4-копеечников 1762 г. и 2-копеечников 1763 — 1795 гг. широко применялась вспомогательная перечеканка 5-копеечников 1723 — 1730 гг., уцелевших от предыдущих перечеканок всех видов. Точно так же при изготовлении 4-копеечников 1762 г. и 2-копеечников образца 1763 г. применялась вспомогательная перечеканка копеек 1755 — 1757 гг. В обоих этих случаях (рис. XVI) перегурчивание при перечеканке не выполнялось.

Пробная перечеканка

При пробной перечеканке оттиски штемпелей не всегда выполнялись на ранее отчеканенных монетах — иногда для этого использовались и гладкие заготовки, но сущность изготовленных пробной перечеканкой монет от этого не менялась.

Гуртовое оформление для монет пробной перечеканки большого значения не имело: оно могло наноситься заново, могло сохраняться от перечеканенной исходной монеты, а могло и вообще отсутствовать (при наличии гладкого гурта на исходной монете или на гладкой заготовке). Зачастую разные экземпляры одной и той же монеты при пробной перечеканке имеют различный гурт — оформленный и неоформленный или оформленный по-разному. Рассмотрим причины появления монет пробной перечеканки.

Перечеканка копеек 1704 — 1718 гг. (рис. XVII). Грош 1724 г. — первая попытка перечеканки копеек 20-рублевой стопы в монеты 40-рублевой стопы. Такую же попытку фактически представляют собой две разновидности гроша и 2-копеечник 1727 г., поскольку штемпеля этих монет, в случае их утверждения, конечно, использовались бы для продолжения перечеканки петровских копеек (что и было осуществлено в 1730 — 1735 гг., когда эти копейки перечеканивались в денги — см. рис. II). Копейка 1724 г. — неутвержденный вариант внешнего оформления монеты этого образца (утвержденный вариант см. на рис. I). Копейка 1726 г. — проба нескольких пар штемпелей, предназначавшихся для продолжения перечеканки петровских копеек, начатой в 1724 г., но почему-то не использованных в массовом производстве (весь объем перечеканки петровских копеек в 1724 — 1727 гг. был выполнен штемпелями, датированными только 1724 г.).

Перечеканка пятаков 1723 — 1730 гг. (1-й этап — рис. XVIII). Монеты 1-го этапа являются иллюстрациями к неосуществленным проектам ликвидации пятаков 1723 — 1730 гг. путем их перечеканки.

Перечеканка пятаков 1723 — 1730 гг. (2-й этап — рис. XIX). Монеты 2-го этапа являются неутвержденными вариантами внешнего оформления копейки, которая на основании именного указа от 18 августа 1755 г. должна была изготавливаться перечеканкой пятаков 1723 — 1730 гг. (утвержденный вариант внешнего оформления копейки см. на рис. III).

Перечеканка медных монет образца 1757 г. в монеты 32-рублевой стопы (рис. XX). 2-копеечник и копейка 1760 г. — иллюстрации к проекту П. Шувалова, предусматривавшему такую перечеканку и осуществленному в 1762 г. Денга 1762 г. — проба нескольких пар штемпелей, предназначавшихся для перечеканки полушек образца 1757 г.; в массовом производстве штемпеля не использовались, скорее всего, ввиду нерентабельности перечеканки монет низшего номинала.

Перечеканка медных монет образца 1763 г. в монеты 32-рублевой стопы и "павловский перечекан" (рис. XXI). Два 10-копеечника 1796 г. — неутвержденные образцы внешнего оформления монеты, которая должна была изготавливаться из пятаков образца 1763 г. перечеканкой по новой технологии (утвержденный вариант внешнего оформления 10-копеечника см. на рис. VII). Копейка 1793 г. — проба штемпелей, предназначавшихся для "павловского перечекана" 2-копеечников 1796 г. нового образца; в массовом производстве эти штемпеля не использовались, скорее всего, ввиду нерентабельности перечеканки монет такого номинала.

В заключение назовем основные признаки, по которым можно отличить монеты, изготовленные целенаправленной или вспомогательной перечеканкой, от монет, изготовленных обычной чеканкой:

1. Остатки изображений и надписей, принадлежавших исходной монете.
2. Увеличенный диаметр и уменьшенная толщина монеты.
3. Особые признаки (специфический рисунок орла на пятаках "павловского перчекана"; необычное расположение знака монетного двора на 2-копеечниках "павловского перчекана"; поворот влево головы портрета на рублях и полтинах Екатерины I, отчеканенных Петербургским двором; сетчатый гурт на копейках 1755 — 1757 гг.).
4. Нестандартное или аномальное гуртовое оформление монеты, а также остатки гуртового оформления, принадлежавшего исходной монете.

И еще одно необычное явление, связанное с перчеканкой: это существование копеек образца 1704 г. с сетчатой насечкой (см. рис. 1) вместо гладкого гурта и копеек образца 1728 г. со шнуровидной насечкой (см. рис. 2) вместо гуртового узора (см. рис. 5). Согласно предположению, высказанному в 1987 г. Р. Зандером и А. Берглун-дом и подтвержденному позднее В. Калининым, гуртовая насечка была нанесена на эти монеты перед их перчеканкой: первых — в копейки 1724 г. или в денги (полукопеечники) образца 1730 г., вторых — в полушки образца 1730 г. Однако на перчеканку они так и не поступили вследствие того, что из-за неисправности гуртильного станка были сильно деформированы.

Примечания

- ¹ См.: ПСЗ, № 4448.
- ² См.: ПСЗ, № 5657.
- ³ См.: ПСЗ, № 10447.
- ⁴ См.: ПСЗ, № 10717.
- ⁵ См.: ПСЗ, № 11407.
- ⁶ См.: ПСЗ, № 11741.
- ⁷ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Екатерины II. Спб., 1894. Т. 1. С. 298 — 309.
- ⁸ См. там же. С. 326 — 327.
- ⁹ См.: ПСЗ, № 8494, 8690, 8712, 9093. ¹⁰ См.: ПСЗ, № 8712.
- "См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Иоанна III. Спб., 1901. С. 10.
- ¹² См.: СПАССКИЙ И. Г. Первое трехлетие Петербургского монетного двора. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVI. Л.: Искусство, 1986. С. 43.
- ¹³ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Екатерины II. Т. 1. С. 160 — 161.
- ¹⁴ См.: ПСЗ, № 10447.
- ¹⁵ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Елизаветы I. Спб., 1896. Т. 1. С. 232 — 245.
- ¹⁶ См.: ZANDER R. 1712 or 1724? Journal of the Russian Numismatic Society. 1987. № 26. P. 42.



1



5



2



6



3



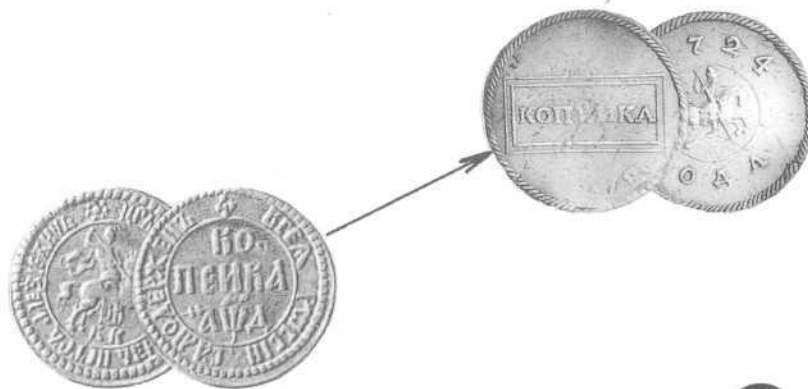
7



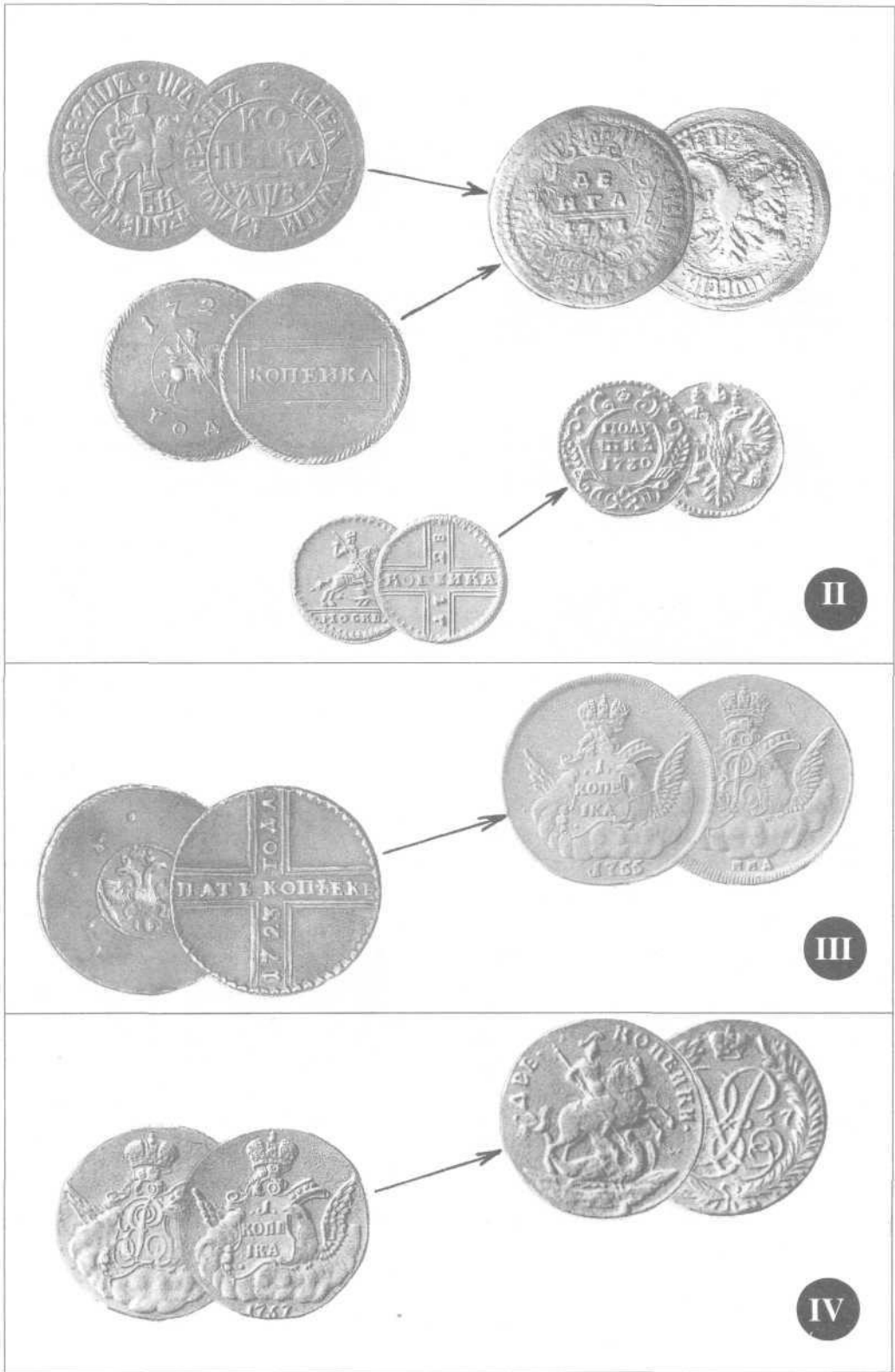
4

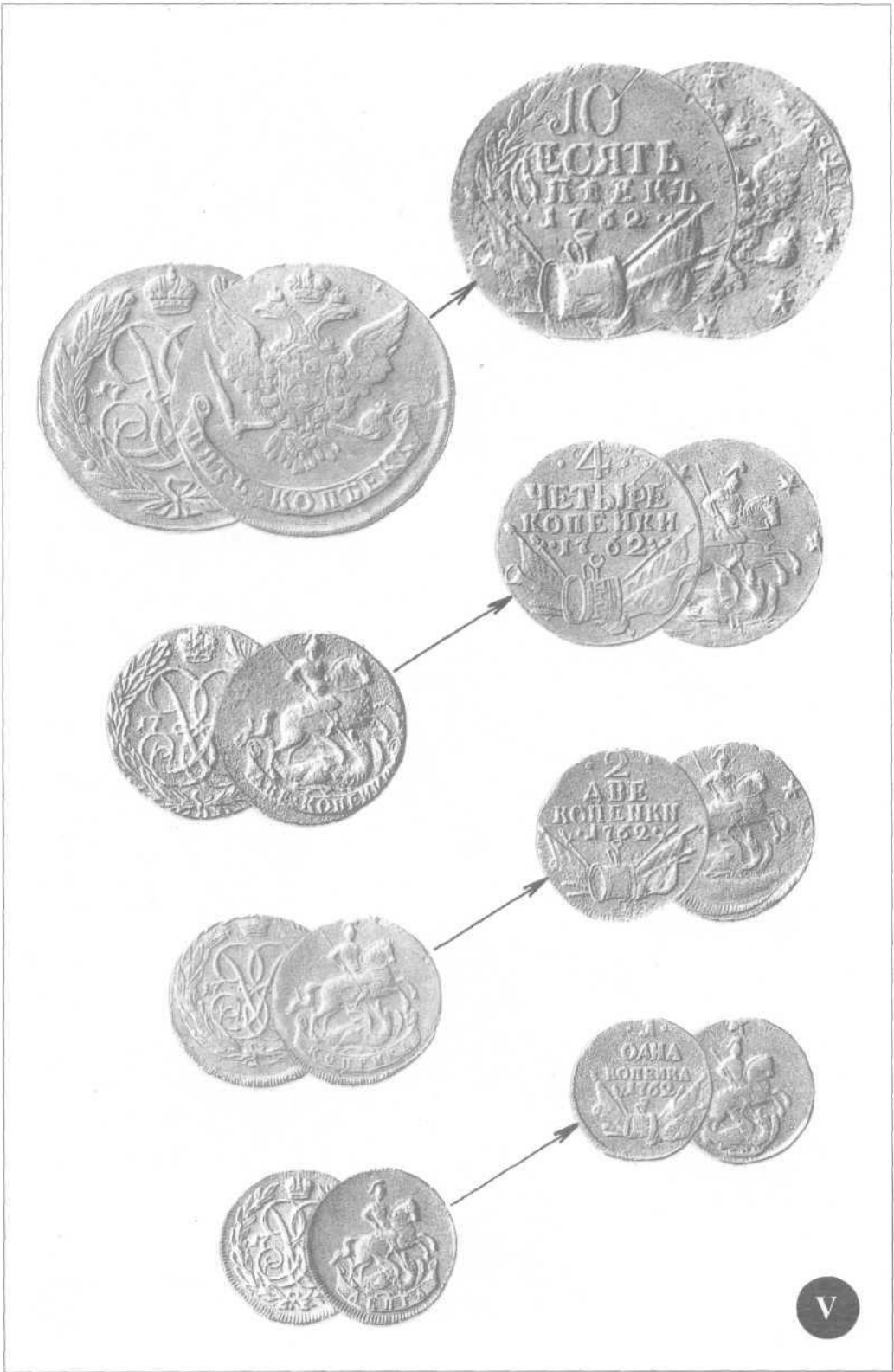


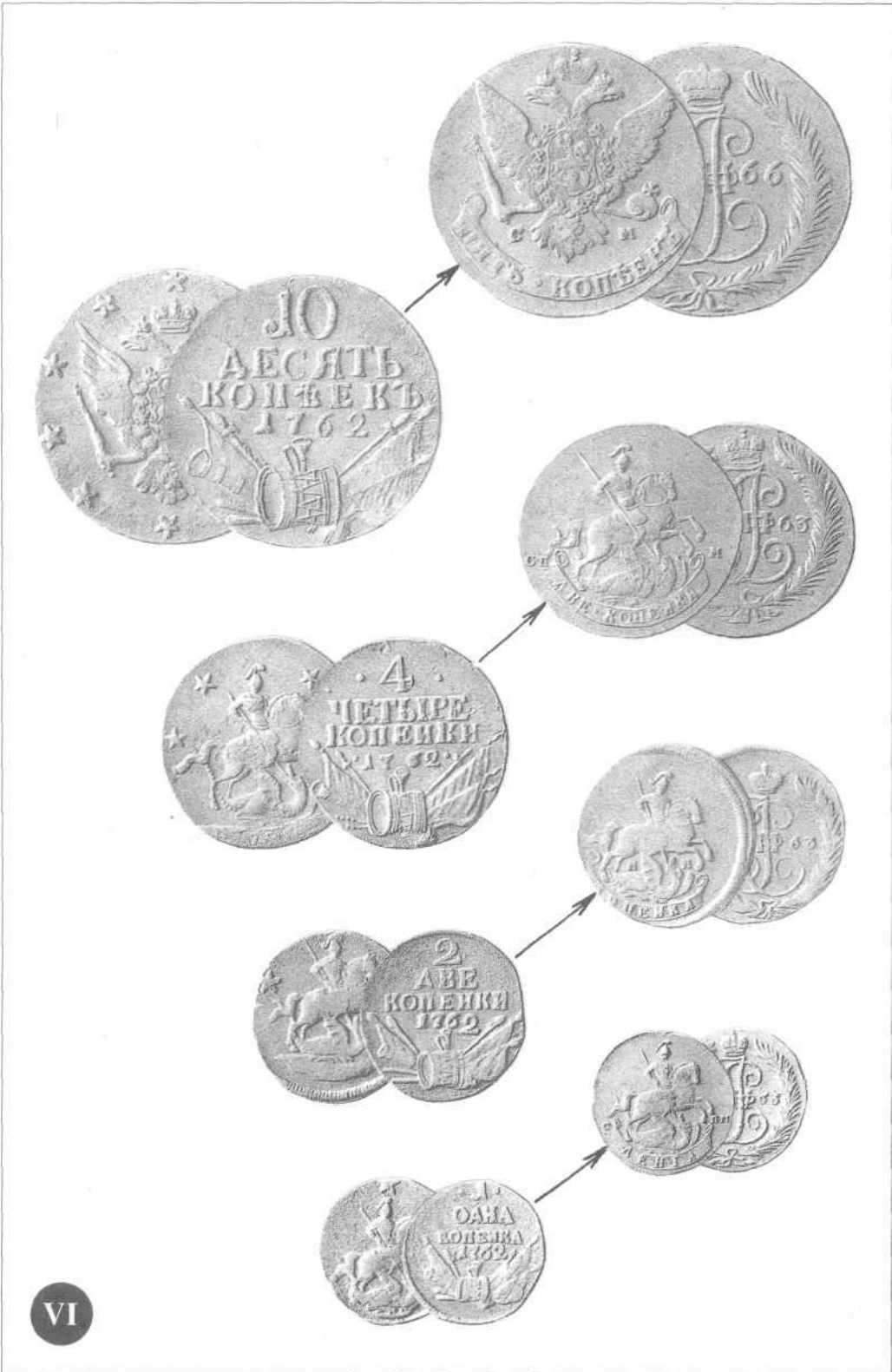
8

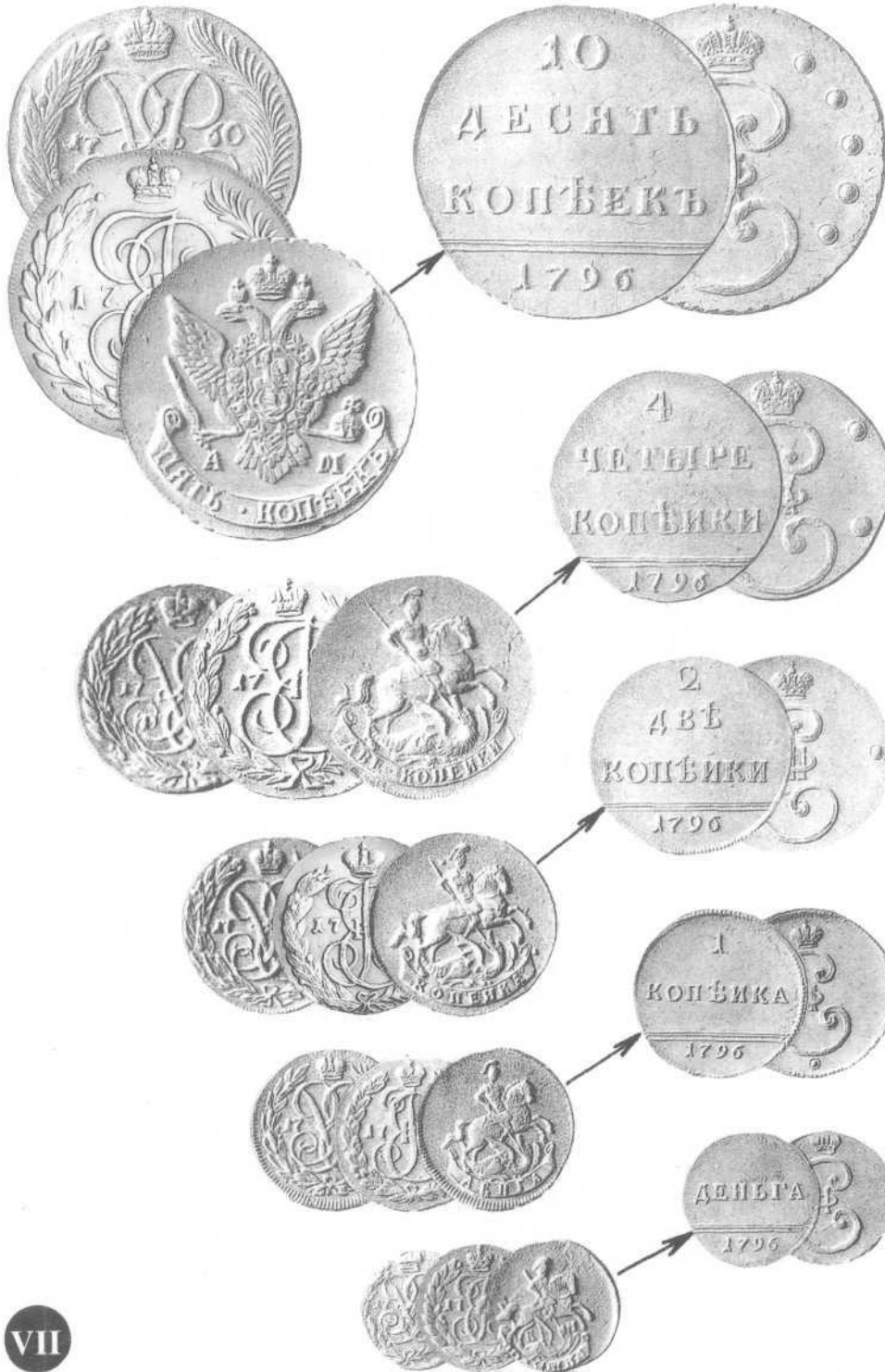


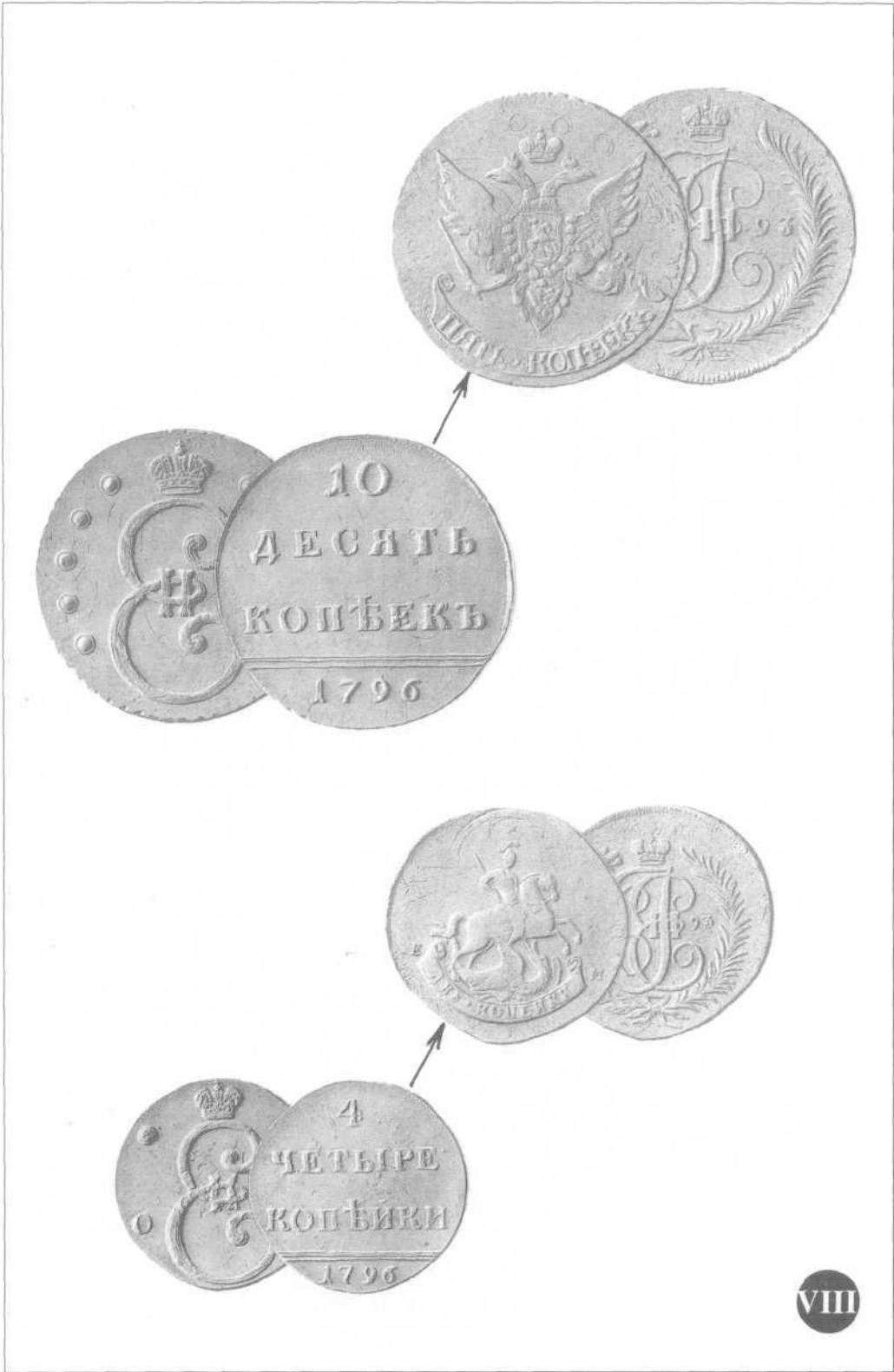
I

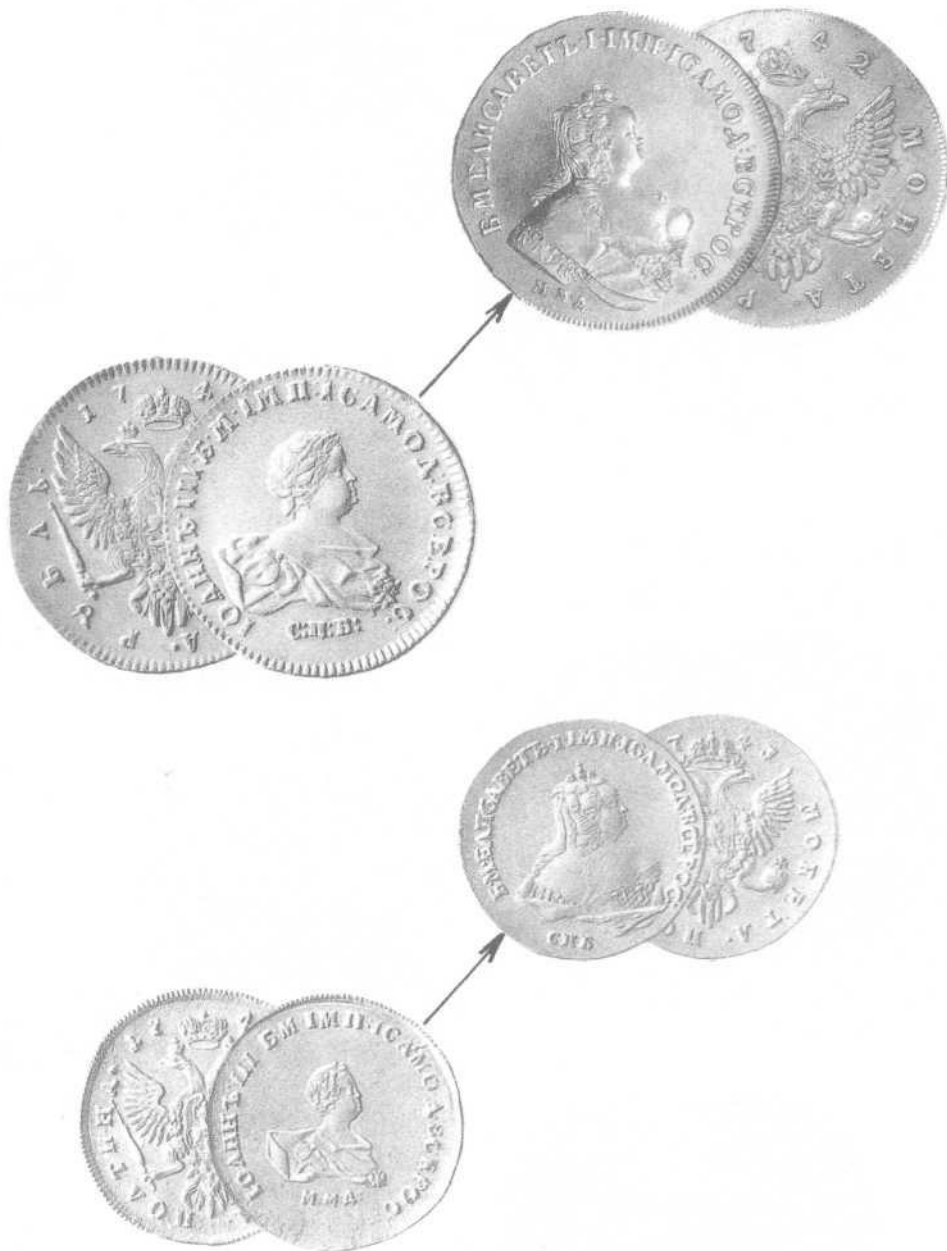


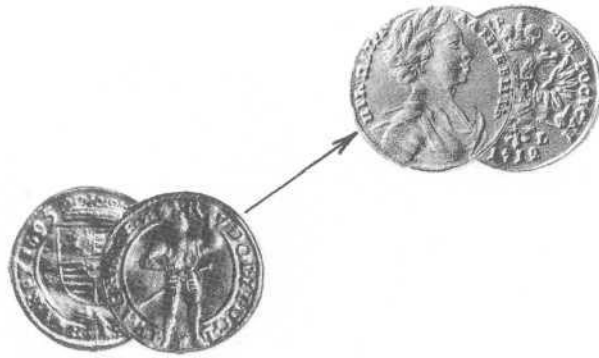








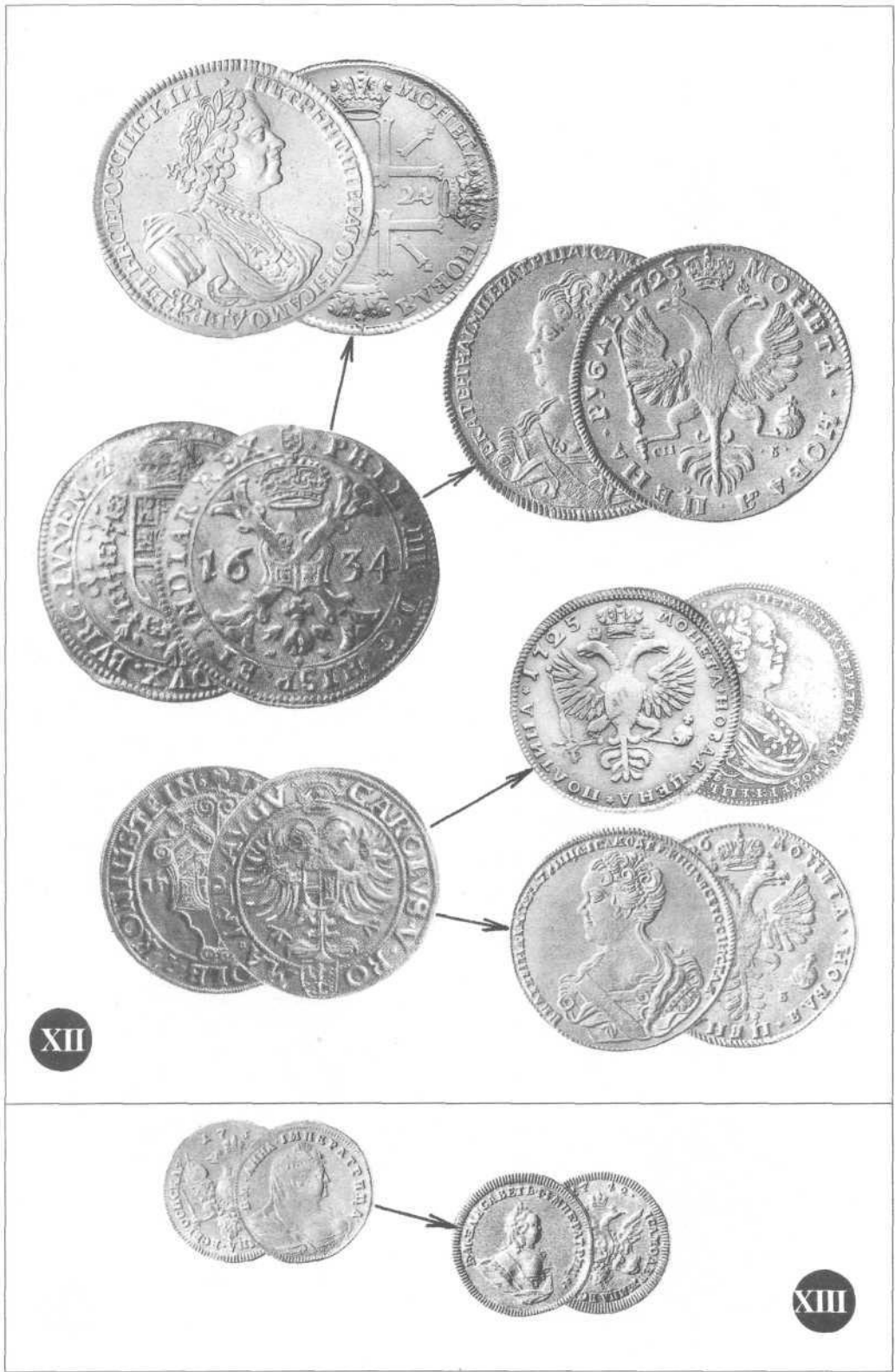




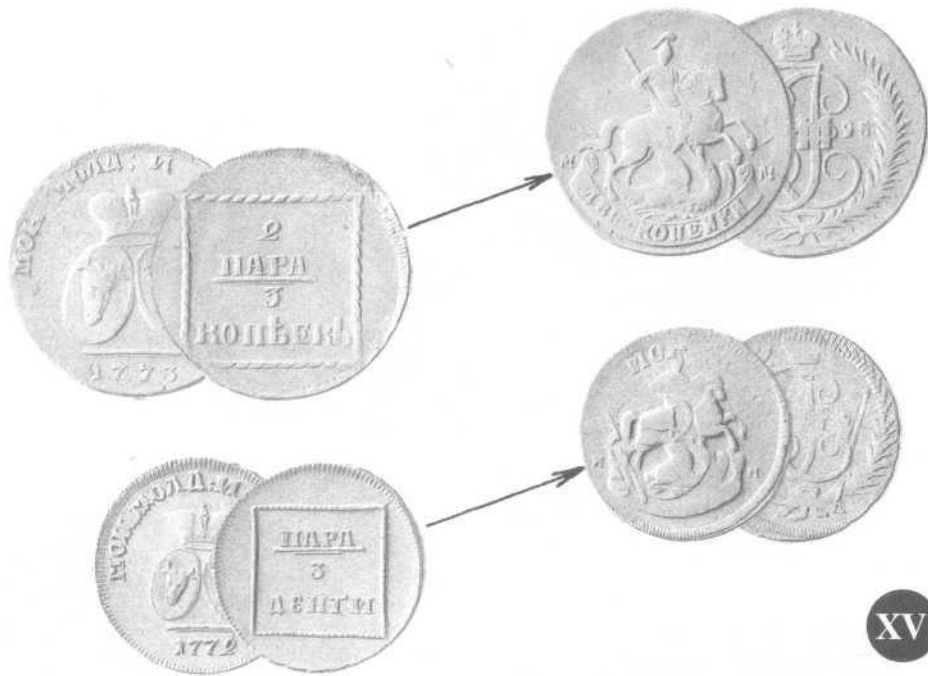
X



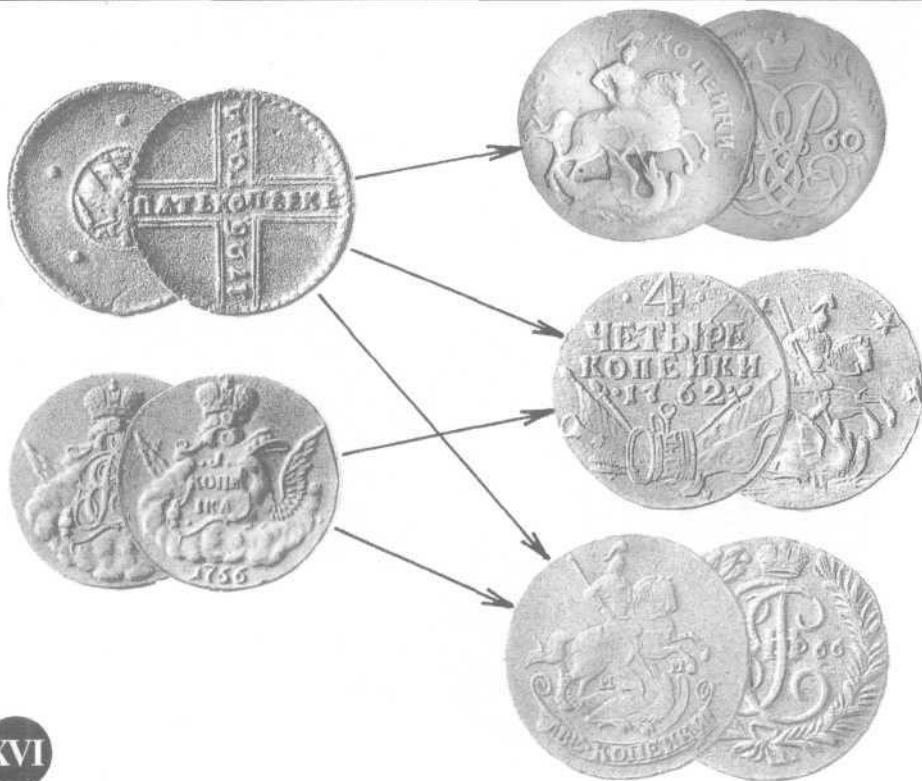
XI



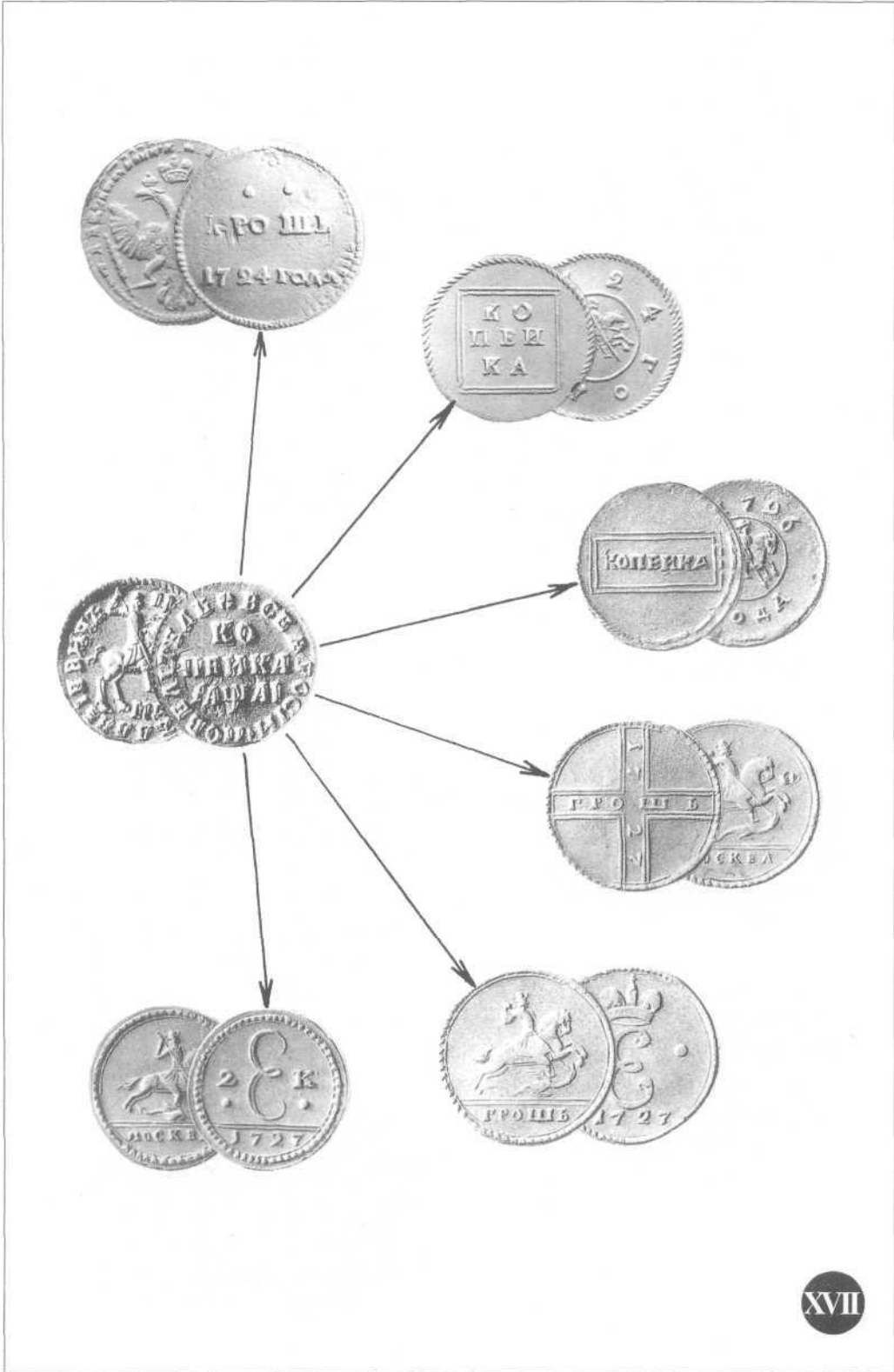


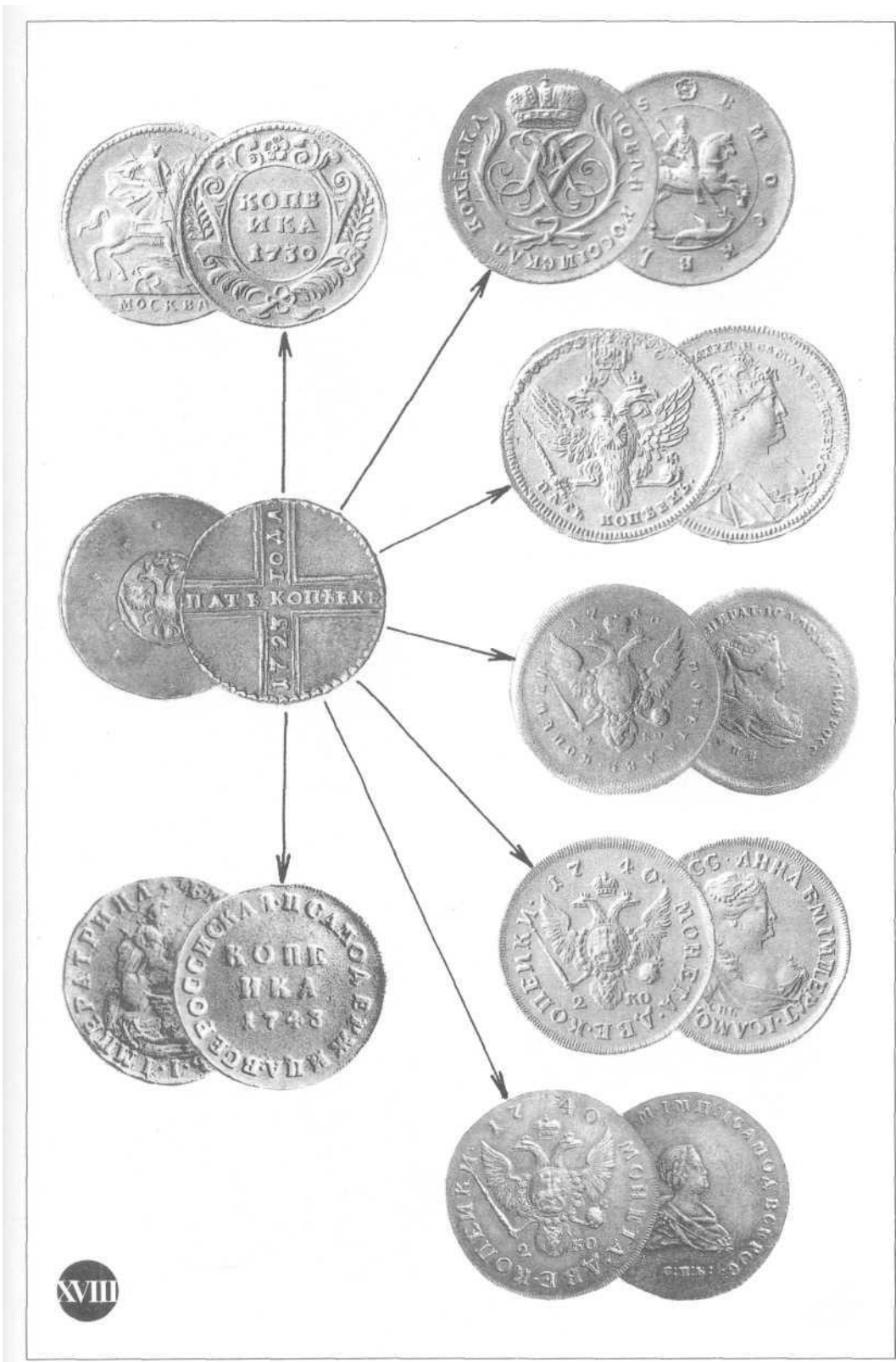


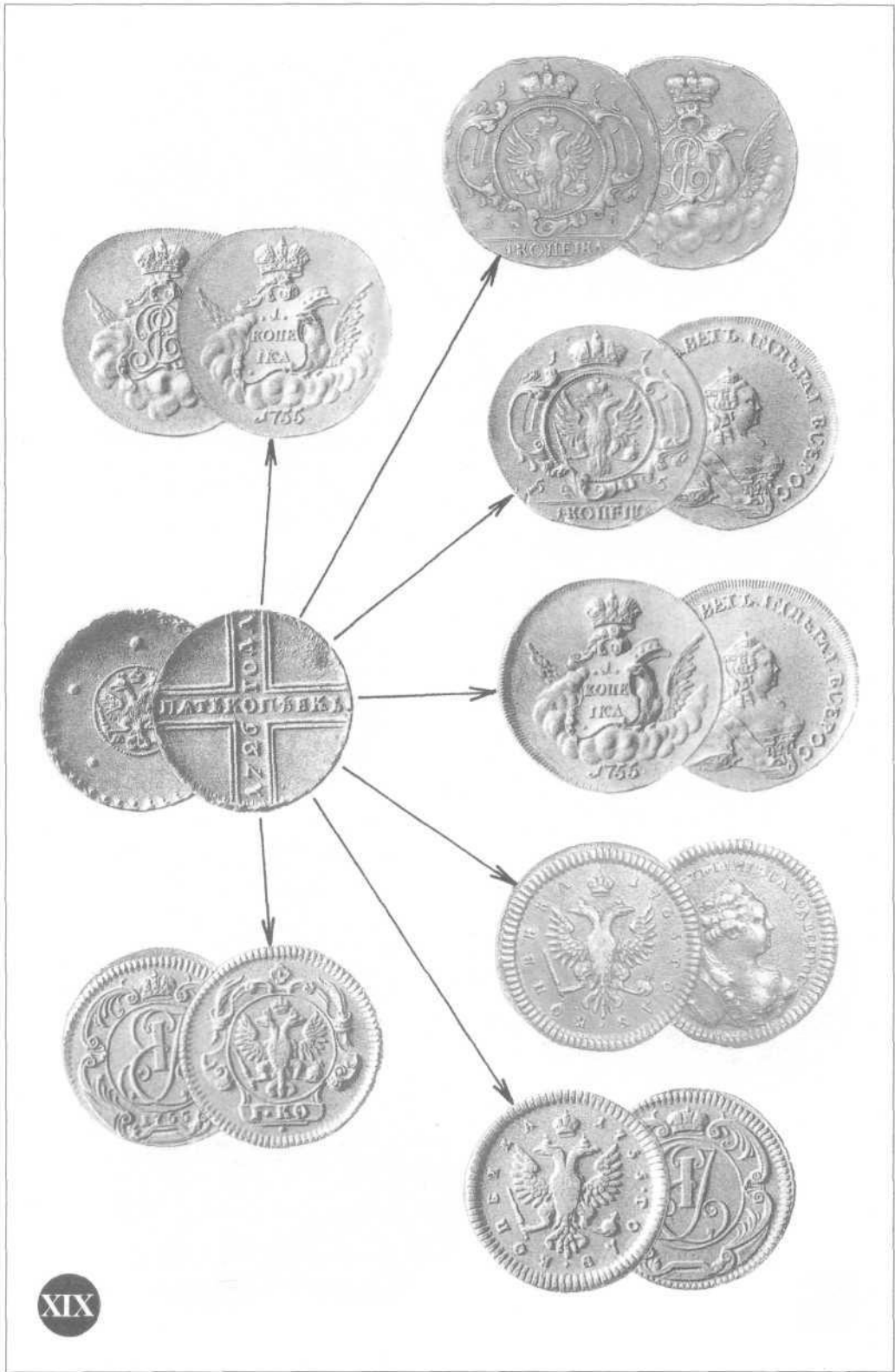
XV

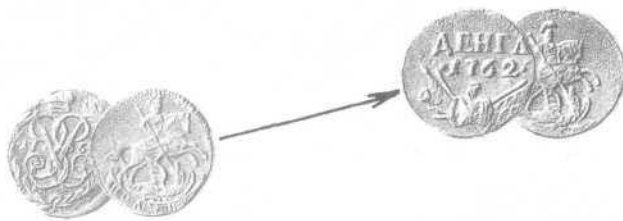
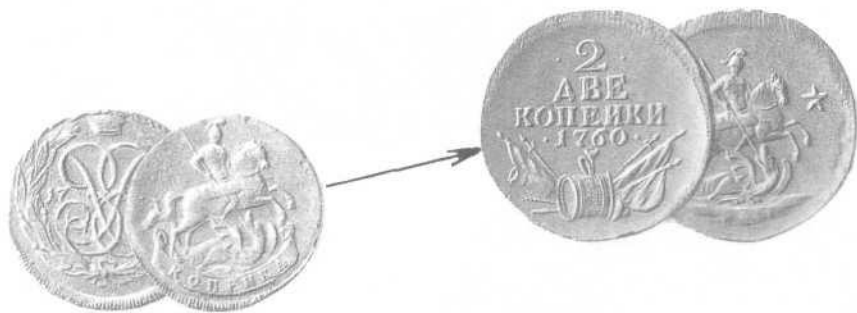


XVI











Что такое ефимок 1798 г.?

Из русских общегосударственных монет XVIII — XIX вв. четыре пробные монеты имеют необычные для русской монетной системы обозначения номинала: это золотые монеты 1895 г. достоинством в 15, 10 и 5 русов и серебряный ефимок 1798 г. Если полная тождественность руса с рублем не вызывает никакого сомнения, то вопрос о соотношении с рублем ефимка 1798 г. достаточного освещения в литературе по русской нумизматике не получил.

Как известно, "ефимками" в России называли западно-европейские талеры, имевшие хождение во многих регионах страны вплоть до XVIII в. одновременно с отечественными монетами, а позднее широко использовавшиеся в качестве сырья для чеканки русской монеты. В 1654 — 1655 гг. была предпринята попытка перечеканки талеров в русский "рублевый ефимок", а при проведении Петром I денежной реформы западно-европейский талер послужил образцом (в отношении монетной стопы и пробы сплава) для серебряного русского рубля, причем встречаются рубли 1704 — 1705 гг., носящие следы прямой перечеканки их из талеров. Все это дает основание предположить, что и ефимок 1798 г. также тождественен рублю. Именно к такому выводу приходит Ф. Ф. Гейтц в своей работе "Ефимки", посвященной роли талера в русском денежном обращении, прямо называя эту монету "ефимком-рублем" и утверждая, что "...попытка Павла I с ефимком была, в сущности, повторением петровского рубля, тоже равного талеру".

В настоящее время еще не найдены документы, позволяющие однозначно установить причины и цели разработки в 1798 г. проекта выпуска ефимков, однако анализ монетной чеканки последних лет XVIII в. позволяет сделать на этот счет некоторые предположения и выводы.

Пробный ефимок 1798 г. был отчеканен в трех вариантах, различающихся между собой оформлением как лицевой, так и оборотной стороны (рис. 1 — 3), и с тремя видами гуртового оформления. В настоящее время известны:

- монеты первого (рис. 1) и второго (см. рис. 2) видов с гладким гуртом;
- монеты второго (рис. 2) и третьего (см. рис. 3) видов с узорным гуртом (рис. 4);
- монеты первого (см. рис. 1) и второго (см. рис. 2) видов с гуртовой надписью.

Все три варианта ефимка в главных чертах сохраняют монетный тип лицевой и оборотной стороны рублей, полтин и полуполтинников массового выпуска 1797 — 1801 гг. (рис. 6, 7). Чем же было вызвано введение на этой монете такого необычного обозначения номинала, как "ефимок", если, согласно утверждению Ф. Ф. Гейтца, она имела по-прежнему рублевое достоинство? Видимо, с ефимками 1798 г. дело обстояло не так просто, как это представлено в работе Ф. Ф. Гейтца.

Став императором в 1796 г., Павел I начал свою деятельность с отмены ряда мероприятий, проводившихся правительством Екатерины II, в том числе и в монетном деле. Одним из решений нового правительства была прекращена чеканка рубля с лигатурной массой в 24 г из серебра 72-й пробы (18 г чистого серебра) и вместо него начата чеканка рубля с лигатурной массой в 29,25 г из серебра 83 1/3 пробы (28,39 г чистого серебра). В 1796 г. на лицевой стороне нового рубля помещался гербовый орел (рис. 5), который в 1797 г. был заменен на монограмму Павла I (см. рис. 6). Выпуск этого рубля был узаконен правительственным манифестом от 20 января 1797 г.

Монетная стопа и проба сплава рубля нового образца были выбраны не случайно: они полностью соответствовали стопе и пробе так называемого "альбертова" талера, наиболее полноценного из всех западно-европейских талеров, только что принятого за образец для монетной системы Пруссии. Причин такого заимствования могло быть две: либо Павел I просто задался целью, как считал И. Г. Спасский,... "переделать русские монеты на немецкий лад", либо русское правительство намеревалось этой мерой ввести русские монеты в разряд монет, обращавшихся в Западной Европе, с целью упрощения внешнеторговых операций, таможенных расчетов и т. д. Однако попытка перевода русского серебряного рубля на монетную стопу и пробу "альбертова" талера потерпела полный провал, и в 1797 г. чеканка рублей нового образца была прекращена. Причиной этого послужили следующие обстоятельства.

Ввиду острого недостатка отечественного серебра русская казна была вынуждена скупать в значительных количествах западно-европейские талеры с целью использования их в качестве сырья для чеканки русской монеты. Если проследить часто колебавшуюся цену талеров, покупавшихся русской казной, а также расценку талеров при взимании пошлины с иностранцев, то окажется, что к концу 1797 г. "альбертов" талер оценивался в среднем по 1 руб. 40 коп. серебром за штуку. Основываясь на действительном соотношении количества чистого серебра в рубле образца 1762 — 1796 гг. (рис. 8) и в "альбертовом" талере, такая расценка обеспечивала закупку талеров без какого-либо ущерба для русской казны. С появлением же рублей образца 1796 — 1797 гг. это положение резко нарушилось.

Действительно, для выпуска рублей нового образца в количествах, обеспечивающих доминирующее положение этих монет в денежном обращении страны, требовалось значительное время, в течение которого основной монетой продолжал оставаться рубль образца 1762 — 1796 гг., а это в свою очередь не позволяло правительству сразу же привести расценку талера в соответствие с действительным достоинством нового рубля (чего в итоге так и не было сделано). В результате сложилась обстановка, когда при сохранении прежней расценки "альбертова" талера в обращении появилась монета рублевого номинала, отличавшаяся от талера только внешним оформлением. Следовательно, имелась возможность приобрести рубли нового образца по их нарицательной цене, перечеканить их в талеры и продать русской казне по 1 руб. 40 коп. за штуку, а при таких условиях вполне естественно было ожидать массовый вывоз за границу и перечеканку рублей образца 1796 — 1797 гг., поскольку такая по существу несложная операция обещала почти 40%-ную прибыль. Правда, рубль 1796 г. с орлом (см. рис. 5), выпущенный в сравнительно небольших количествах, не имел обозначения номинала, чем обеспечивалась временно, до изъятия из обращения основной массы рублей образца 1762 — 1796 гг., законодательным порядком установить для него нарицательную цену в 1 руб. 40 коп. Однако этого сделано не было, а на рубле 1797 г. (см. рис. 6) нарицательная цена была уже обозначена.

Учитывая реальную угрозу нанесения казне значительных убытков, правительство Павла I было вынуждено отменить чеканку рублей образца 1796 — 1797 гг. и ввести новую монетную стопу для серебряной монеты: согласно правительственному манифесту от 3 октября 1797 г., вновь вводимый рубль должен был иметь лигатурную массу в 20,73 г при пробе сплава $83 \frac{1}{3}$, что соответствует содержанию в монете 18 г чистого серебра. Таким образом, по

содержанию чистого серебра рубль образца 1798 г. (рис. 7) стал равным рублю образца 1762 — 1797 гг. (см. рис. 8), чем подтверждалась существовавшая покупная цена на "альбертов" талер и аннулировалась возможность аферы с русскими серебряными рублями.

С проведением этого важного мероприятия как раз и совпадает разработка проекта выпуска новой крупной серебряной монеты с обозначением номинала — "ефимок".

Как следует из надписи на оборотной стороне двух вариантов ефимка 1798 г. (см. рис. 1,2), сплав, из которого они были отчеканены, имеет 83 1/3 пробу. Какова же лигатурная масса ефимка 1798 г.? Взвешивание известных автору экземпляров этой монеты дает следующие результаты:

экземпляры Государственного Эрмитажа: инв. № 11119 (см. рис. 1) — 30,59 г; инв. № 11121 (см. рис. 2) — 33,62 г; инв. № 11122 (см. рис. 2) — 30,90 г; инв. № 11120 (см. рис. 3) — 31,54 г;

экземпляры Государственного Исторического музея: КП № 1605607 (см. рис. 1) — 31, 32 г; КП № 1602785 (см. рис. 3) — 31,30 г;

экземпляр, находящийся в частной коллекции (см. рис. 2), — 30,48 г;

экземпляр, опубликованный в Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича за № 28 [Опубликованные в этой работе еще два экземпляра ефимка (№ 26 и 27) находятся в собрании Государственного Эрмитажа] (см. рис. 2), — 29,86 г.

Вычисленная по этим данным средняя лигатурная масса ефимка получается равной 31,20 г, а масса чистого серебра — 27,08 г. Но аналогичные сведения можно получить также и в результате расшифровки гуртовой надписи, которая помещена на некоторых экземплярах этой монеты и имеет следующее содержание: "V ДОСТОИНСТВО 54 И 3 ЧЕТВЕРТИ ШТИВЕРА".

В правительственном манифесте от 3 октября 1797 г., кроме пробы сплава и монетной стопы рубля образца 1798 г., указано его "внутреннее достоинство" — 36 1/2 штивера. Гуртовая надпись на ефимке тоже содержит сведения о "достоинстве" этой монеты — 54 3/4 штивера, однако в отличие от манифеста здесь нет слова "внутреннее", а вместо него в начале надписи стоит литера "V".

Что же представляет собой "внутреннее" достоинство монеты и почему оно выражалось в штиверах? Скорее всего, появление этого понятия в манифесте было связано с решительным намерением правительства Павла I вывести русский серебряный рубль на западно-европейский рынок. Дело в том, что определение достоинства монет по их нарицательной цене было приемлемо только для денежного обращения внутри страны. Неприемлемость расчетов по нарицательной цене монет при заграничных платежах была обусловлена не столько несовместимостью русской монетной системы с системами стран Западной Европы, сколько тем, что проводившиеся в России на протяжении XVIII в. неоднократные изменения монетной стопы и пробы серебряных монет привели к сосуществованию в обращении монет с различным содержанием серебра в пределах одного номинала. Поэтому требовался эквивалент для пересчета русского рубля в валюту любой западно-европейской страны. Таким эквивалентом и было "внутреннее" достоинство монеты, являвшееся не чем иным, как ценой заключенного в ней чистого серебра, а для выражения этой цены была выбрана одна из западно-европейских денежных единиц — штивер, составлявший 1/20 часть гульдена.

Остается установить идентичность записи в манифесте от 3 октября 1797 г. и гуртовой надписи на ефимке. Качественное их различие состоит в замене слова

"внутреннее" латинской литерой "V". Нам представляется, что эта литера обозначает латинское слово "verus" — "истинный", "действительный", причем формула "истинное достоинство монеты" не только полностью соответствует понятию "внутреннее достоинство", но и более точно выражает существо вопроса. А если это так, то цена чистого серебра, содержащегося в ефимке, ровно в полтора раза превышает цену чистого серебра, заключенного в рубле образца 1798 г. Следовательно, количество чистого серебра в ефимке составляет 27 г, а лигатурная масса этой монеты при $83 \frac{1}{3}$ пробе равна 31,10 г, что практически полностью совпадает с результатами взвешивания.

Теперь со всей очевидностью обнаруживается несостоятельность предположения Ф. Ф. Гейтца о том, что ефимок 1798 г. является рублем, отчеканенным по весовой норме талера. Таким рублем, как уже говорилось, является рубль образца 1796 — 1797 гг. с лигатурной массой в 29,25 г. Если же считать, что ефимок также имеет рублевое достоинство, то его монетная стопа окажется равной 13 руб. 15 коп. из фунта легированного серебра вместо 14-рублевой стопы "альбертова" талера. Трудно предположить, что правительство Павла I по какой-то причине решило в 1798 г. возобновить столь неудачную попытку 1796 — 1797 гг. с переводом рубля на талерную стопу, да еще с увеличением лигатурной массы новой монеты против массы "альбертова" талера в совершенно непонятной пропорции.

Если же сопоставить весовые характеристики ефимка 1798 г. с соответствующими характеристиками рубля образца 1798 г., то становится совершенно очевидным, что ефимок имеет полторарублевое достоинство. Кстати, об этом упоминает, хотя и вскользь, в одной из своих работ П. Винклер.

Какую же цель преследовало правительство Павла I при разработке проекта выпуска ефимков? По-видимому, ту же, что и при выпуске рублей образца 1796 — 1797 гг. — включение в денежное обращение России монеты, которая могла бы иметь выход на западно-европейский рынок. Об этой направленности проекта свидетельствует и специфическое обозначение номинала монеты, произошедшее в свое время от первоначального названия талера "иоахимс-талер", и близкое к "альбертову" талеру значение лигатурной массы ефимка, и наличие в гуртовой надписи сведений о его внешнеторговом эквиваленте, и, наконец, использование пробы сплава "альбертова" талера. В то же время проект был избавлен от тех просчетов, которые были допущены при выпуске рублей образца 1796 — 1797 гг.: имея полтора-рублевое достоинство, не нарушавшее к тому же десятичный принцип русской монетной системы, ефимок не давал никакой выгоды от перечеканки его в талер, а некоторое превышение над "альбертовым" талером по количеству чистого серебра обеспечивало ему необходимое доверие на внешнем рынке.

Как известно, проект выпуска ефимков не был реализован. Этому помешало, видимо, последовавшее вскоре значительное снижение покупной цены на западно-европейский талер. Однако опыт разработки серебряной монеты полторарублевого достоинства, предпринятый в 1798 г., не пропал даром и был использован в дальнейшем при организации массового выпуска монет с двойным (русским и польским) обозначением номинала. В числе монет этой серии имеется серебряная монета достоинством в $1 \frac{1}{2}$ руб. — 10 злотых, чеканившаяся с 1833 по 1841 г. (рис. 9) и в точности соответствовавшая ефимку 1798 г. по лигатурной массе и пробе сплава. Массу и пробу ефимка имеют еще два полторарублевика:

донативный "семейный" 1835 — 1836 гг. (рис. 10) и мемориальный 1839 г. с Бородинским памятником-часовней (рис. 11).

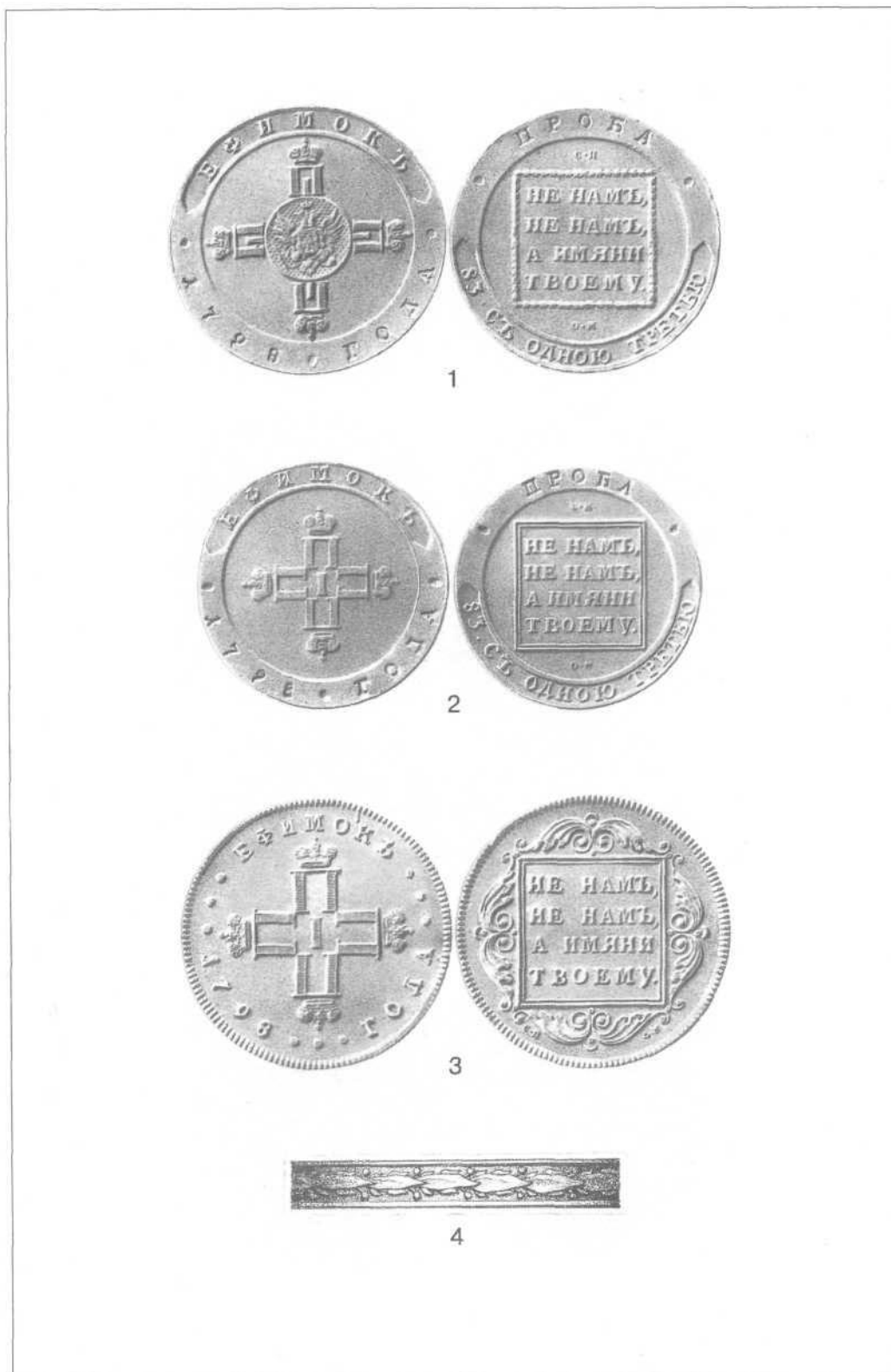
Примечания

¹ ГЕЙТЦ Ф. Ф. Ефимки. М., 1913. С. 41.

² См.: СПАССКИЙ И. Г. Русская монетная система. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. С. 206.

³ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Павла I. Спб., 1890. С. 32.

⁴ См.: ВИНКЛЕР П. Монетное дело при Павле I. Спб., 1897. С. 36.





5



6



7



8





О чеканке монет с заглабленными надписями

В XVIII — XIX вв. в России трижды появлялись пробные серебряные монеты, у которых часть надписей на аверсе или на реверсе была выполнена не выпуклыми, как обычно, а вдавленными буквами и цифрами. Такой особенностью обладают:

1. Два варианта пробного ефимка 1798 г., отчеканенные с использованием двух различных комплектов штемпелей и имеющие заглубленную дату на аверсе и слово "ПРОБА" на реверсе (рис. 1,2).

2. Два варианта пробного рубля 1806 или 1807 г. чеканки (с неполным обозначением даты), имеющие заглубленную круговую надпись с обозначением номинала и даты на гербовой стороне, которая на обоих вариантах оттиснута одним и тем же штемпелем (рис. 4, 5).

3. Пробный "константиновский" рубль 1825 г. с заглубленным обозначением номинала на реверсе (рис. 6).

Кроме того, существует антикварная подделка "константиновского" рубля, известная как "рубль Трубецкого", с таким же заглубленным обозначением номинала на реверсе, как у подлинной монеты (рис. 10).

Что касается медных монет, то заглубленные надписи с обозначением номинала на аверсе и даты на реверсе имеют монеты массового выпуска 1867 — 1916 гг. достоинством от пятака до копейки (рис. 11).

Каковы же причины появления на перечисленных монетах заглубленных надписей и какими способами они были выполнены? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, напомним технологическую цепочку формирования изображений и надписей на монетах массового выпуска в конце XVIII — начале XIX в.

Выпуклые изображения различных элементов оформления монеты (портретов, гербов, венков, корон и т. п.), а также букв и цифр надписей получались на монете оттиском штемпеля, имевшего заглубленное изображение всех перечисленных компонентов. Заглубленное изображение элементов оформления могло вырезаться на штемпеле вручную, но чаще переводилось на него с соответствующих маточников, а буквы и цифры надписей выбивались отдельными пунсонами. Перевод сразу всей надписи на штемпель со специального маточника тогда не практиковался, скорее всего, по следующей причине. Маточники с выпуклым изображением элементов оформления или надписей в массовом производстве могли быть изготовлены только путем перевода их со специального штампа — формы, которая имела заглубленные изображения и потому могла быть, подобно штемпелю, вырезана вручную (если дело шло о портрете, гербе, вензеле и т. д.) или изготовлена с помощью литерных и цифирных пунсонов. Однако, изготовление и формы, и маточника для нанесения надписи на штемпель было в то время, по-видимому, менее выгодно, чем использование для этого комплекта универсальных пунсонов, хотя выбивание надписей пунсонами на каждом штемпеле в отдельности было достаточно трудоемкой операцией.

И все же имелась возможность перевести на штемпель надпись с маточника, для изготовления которого форма не требовалась: стоило только выполнить надпись на монете заглубленным шрифтом, и тогда на штемпеле эта надпись будет выпуклой, а перевести ее на штемпель можно будет с маточника, изготовленного с помощью не специальной формы, а набора пунсонов. Вот такой способ изготовления штемпелей в условиях массового производства наверняка обеспечивал выигрыш во времени и в материальных затратах, хотя и требовал наличия особого комплекта пунсонов с негативным изображением букв и цифр.

С целью практической проверки возможности изготовления штемпелей описанным выше способом и был, очевидно, разработан в 1806 или в 1807 г. проект, представленный двумя пробными рублями (см. рис. 4,5).

Особенности оформления гербовой стороны обеих монет свидетельствуют о том, что штемпель, которым оттиснута эта сторона, был изготовлен с помощью двух маточников: вначале на будущий штемпель с одного маточника был переведен рельеф поля (с двумя уровнями поверхности) и выпуклая круговая надпись, а затем с другого маточника — вдавленное изображение государственного герба. Маточник с круговой надписью, включающей в себя дату, мог использоваться в производстве в течение только одного, обозначенного на нем, года, и это было первым недостатком нового способа изготовления штемпелей. Обычно при наличии на монете выпуклого обозначения даты годичным сроком ограничивалось использование датированного штемпеля, тогда как все маточники, использовавшиеся для изготовления этого штемпеля, никаких надписей не содержали и находились в работе до полного их износа либо до смены монетного типа. Поэтому, чтобы не привязывать пробный маточник с круговой надписью к определенному году, на нем не была выбита последняя цифра даты — иначе, если бы утверждение проекта состоялось, например, спустя год после его разработки, этот маточник уже нельзя было бы использовать для изготовления серийных штемпелей.

Проект 1806 г. (или 1807) не был реализован, несмотря на несомненные его достоинства. Этому, видимо, в немалой степени способствовал второй его недостаток, отчетливо просматривавшийся на пробных рублях: по сравнению с выпуклыми заглабленными надписи имели весьма примитивный вид, а при длительном нахождении монет в обращении вдавленные буквы и цифры заполнялись к тому же грязью, что никак не способствовало улучшению их эстетического восприятия. И недаром как на пробных серебряных монетах, так и на медных монетах массового выпуска заглабленный шрифт никогда не применялся для написания имени и титула императора и различных декларативных изречений, а использовался исключительно для текстов служебного характера, главным образом — для обозначения номинала и даты.

Чтобы уяснить роль заглабленных надписей на аверсе и реверсе двух вариантов пробного ефимка 1798 г. (см. рис. 1,2), следует обратить внимание на одну особенность, присущую этим монетам: на них отсутствуют выпуклые ободки по краю поля аверса и реверса, которые размещены на подавляющем большинстве русских монет с целью защиты выпуклых изображений и надписей от повреждений и потертости. Вместо этих ободков применен целый комплекс совершенно новых средств защиты.

Прежде всего, выпуклые изображения и надписи, расположенные в центральной части аверса и реверса этих монет, защищены от повреждений и потертости приподнятыми кольцевыми площадками, идущими по краю поля обеих сторон монет; кроме того, центральная надпись на реверсе дополнительно защищена выпуклой рамкой. На выпуклых кольцевых площадках круговые надписи выполнены частично выпуклым, а частично вдавленным шрифтом. Защита выпуклых частей круговых надписей ("ЕФИМОКЪ" на аверсе и "83 СЪ ОДНОЮ ТРЕТЬЮ" на реверсе) обеспечивается тем, что составляющие их буквы и цифры на заглабленных участках кольцевых площадок оказались несколько ниже поверхности площадок. Что же касается заглабленных частей круговых надписей

("1798 ГОДА" на аверсе и "ПРОБА" на реверсе), то они в специальной защите не нуждаются, поскольку практически не подвержены повреждениям, а тем более потертости. Вдавленным шрифтом на этих монетах впервые в русском монетном производстве была выполнена и гуртовая надпись.

Штемпеля аверса ефимков, представленных на рис. 1, 2, были изготовлены с помощью двух маточников каждый: вначале с одного маточника был переведен рельеф поля (с двумя уровнями поверхности) и выпуклое обозначение даты, затем с другого маточника — заглубленное изображение монограммы Павла I, после чего пунсонами на штемпеле было выбито заглубленное обозначение номинала. При изготовлении штемпелей реверса использован один маточник, с которого был переведен рельеф поля (с двумя уровнями поверхности) и выпуклая надпись "ПРОБА", затем пунсонами были выбиты вглубь надписи "НЕ НАМЪ, НЕ НАМЪ, А ИМЕНИ ТВОЕМУ. " и "83 СЪ ОДНОЮ ТРЕТЬЮ", обозначение монетного двора "СП" (Санкт-Петербург) и знак минцмейстера "ОМ" (Осип Мейджер), а также была вырезана заглубленная рамка. Что же касается третьего варианта ефимка 1798 г. (рис. 3), не имевшего заглубленных надписей, то технология изготовления его штемпелей ничем не отличалась от обычно применявшейся в то время.

Таким образом, на двух вариантах ефимка 1798 г. заглубленные надписи служили в основном составной частью комплекса мер защиты компонентов оформления монеты от повреждений и потертости.

Использование вдавленного шрифта для обозначения номинала на пробном "константиновском" рубле 1825 г. (рис. 6) несомненно преследовало иную цель. Если сравнить эту монету с ее проектным рисунком (рис. 9), согласно которому обозначение номинала первоначально предполагалось выполнить обычным выпуклым шрифтом, то окажется, что заглубленное обозначение номинала значительно улучшило внешнее оформление реверса монеты. В самом деле, приподнятый участок поля с заглубленным словом "РУБЛЬ" очень удачно нарушает однообразие выпуклой круговой надписи, четко обособливает обозначение номинала от смежного с ним текста и является самостоятельным элементом богатого убранства реверса монеты.

Выше уже говорилось, что в массовом производстве выпуклые надписи не могут вырезаться на стальных штемпелях вручную, а должны быть переведены с соответствующего инструмента, имеющего заглубленное изображение букв и цифр: на маточник — с формы, на штемпель — с маточника. Однако ввиду возникшей необходимости получить пробные образцы "константиновского" рубля в самые сжатые сроки три комплекта штемпелей для него изготавливались вручную одновременно тремя мастерами; естественно, что вручную вырезались на штемпелях реверса и выпуклые литеры обозначения номинала. Закончены были только два комплекта, из которых один был закален и использовался для чеканки всех известных экземпляров монет (см. рис. 6), а с другого, незакаленного, были сняты при невыясненных пока обстоятельствах лишь свинцово-оловянные слепки (на рис. 7 представлен двусторонний слепок, хранящийся в фондах отдела нумизматики Государственного Исторического музея). Весь процесс ручного изготовления штемпелей "константиновского" рубля хорошо прослеживается на односторонних свинцово-оловянных слепках, снимавшихся на различных стадиях работы над штемпелями (эти слепки находятся в нумизматическом собрании Государственного Эрмитажа, два из них представлены на рис. 8).

О сложности вырезания на штемпеле вручную выпуклой надписи наглядно свидетельствует "рубль Трубецкого" (см. рис. 10). Несмотря на то что штемпеля для этой антикварной подделки изготовлены на самом высоком профессиональном уровне и, вероятнее всего, на Парижском монетном дворе, состояние поверхности участка поля реверса, на котором размещено слово "РУБЛЬ", чрезвычайно плохое и резко контрастирует с отличным состоянием поверхности всех других участков поля обеих сторон монеты. Необходимо отметить, что мастера Петербургского монетного двора, изготовившие подлинные штемпеля, справились с вырезанием выпуклых литер несравненно успешнее.

Не вызывает никакого сомнения, что на серийные штемпеля "константиновского" рубля выпуклое обозначение номинала переводилось бы с маточника, однако, как известно, до изготовления маточников для этой монеты дело так и не дошло.

Итак, во всех трех рассмотренных случаях при чеканке пробных серебряных монет с заглубленными надписями попутно с основной задачей — разработкой принципиально нового образца монеты — решался ряд частных вопросов монетного производства и художественного оформления монет:

на ефимках 1798 г. отрабатывались меры защиты изображений и надписей от повреждений и потертости, и одной из таких мер было применение заглубленных надписей не только на аверсе и реверсе, но и на гурте монеты; кроме того, сочетание заглубленного и выпуклого текста в круговых надписях на ефимках можно рассматривать как один из оригинальных элементов их оформления, хотя в данном случае эта функция заглубленных надписей представляется все же второстепенной;

на пробных рублевках 1806 г. (или 1807) с заглубленной круговой надписью на гербовой стороне проверялась целесообразность перевода с маточников на штемпель не только различных изображений, но и всех присутствующих на нем надписей, что должно было упростить и удешевить изготовление штемпелей;

на "константиновском" рубле 1825 г. заглубленная надпись была использована в качестве элемента, улучшающего оформление монеты.

Все перечисленные пробные серебряные монеты по разным причинам не были приняты к массовой чеканке, однако положительные свойства заглубленных надписей, выявленные при изготовлении этих монет, впоследствии были учтены и оценены по достоинству. Прежде всего, заглубленные гуртовые надписи, значительно менее подверженные повреждению и стиранию, с 1806 г. полностью вытеснили на русских монетах выпуклые [Единственным исключением был возврат к выпуклой гуртовой надписи на пробных портретных монетах 1845 г. — так называемых "рейхелевских" рубле и полтине, но эти монеты к массовому выпуску приняты не были]. Что же касается заглубленных надписей на аверсе и реверсе, то они с успехом применялись в течение столетия на медных монетах массового выпуска 1867 — 1916 гг. (рис. 11). Сочетание выпуклого и вдавленного текста на аверсе этих монет было использовано, как на "константиновском" рубле и на ефимках 1798 г., в качестве одного из элементов их художественного оформления. Да и защита круговой надписи от повреждений и потертости была осуществлена на них совершенно так же, как на ефимках 1798 г.

В то же время заглубленные надписи на медных монетах 1867 — 1916 гг. стали играть еще одну немаловажную роль. В записке министра финансов от 1 февраля 1867 г. "О выпуске в народное обращение новой разменной серебряной и медной монеты" содержится следующее рассуждение: "Для затруднения же подделки необходимо составить новые более красивые рисунки (речь идет о проектных ри-

сунках медных монет нового образца. — В. У.), приняв, кроме других улучшений, для надписей на монете два рода букв: выпуклые и вдавленные. Буквы эти требуют разного способа приготовления, и, следовательно, для выделки фальшивых штемпелей будет необходимо большее искусство". И действительно, наличие на монете заглубленных надписей ставило перед фальшивомонетчиками трудно преодолимую преграду: ввиду фактической невозможности вырезания вручную выпуклых букв и цифр на штемпелях им оставалось либо выбивать заглубленные надписи пунсонами непосредственно на каждой уже отчеканенной монете, что требовало слишком большой затраты времени и труда, либо изготавливать маточники и переводить с них выпуклые надписи на штемпеля, а это было возможно только при наличии тяжелого прессового оборудования. Такова еще одна задача, решавшаяся применением на монетах заглубленных надписей.

Примечания

¹ См.: СПАССКИЙ И. Г. По следам одной редкой монеты. Л.; М.: Советский художник, 1964. С. 18.

² См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Николая I. Спб., 1890. С. XII.

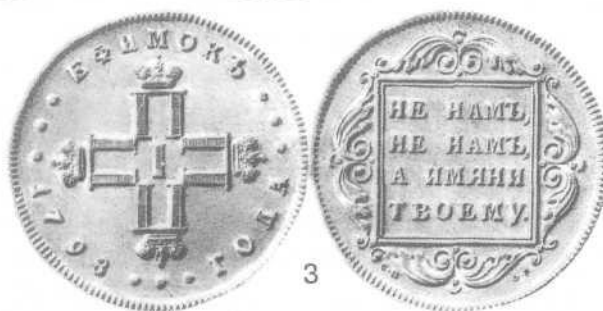
³ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Александра II. Спб., 1888. С. 101.



1



2



3



4



5



6



7



8



9



11



10

Медные монеты XVIII — XIX вв. с нестандартной массой

При изучении русских медных монет массового выпуска XVIII — XIX вв. и музейные работники, и коллекционеры-любители очень часто обнаруживают экземпляры, имеющие очень большое несоответствие массы номиналу и установленной монетной стопе. Такая особенность характерна в основном для новодельных монет, однако эти экземпляры являются несомненно подлинными, а потому их следует рассматривать как совершенно особую категорию монет.

Прежде всего это монеты, отчеканенные на кружках, предназначенных для монет другого, более крупного номинала. Например, на рис. 1 представлена денга 1706 г., отчеканенная на кружке копейки; на рис. 2 — полушка 1730 г., отчеканенная на кружке денги; на рис. 3 — копейка 1840 г., отчеканенная на кружке 2-копеечника. Вполне очевидно, что все эти монеты имеют массу, вдвое больше нормативной.

Нестандартную массу также имеют монеты, изготовленные перечеканкой монет несоответствующей монетной стопы или несоответствующего номинала. Например, полушка 1731 г. (рис. 4) изготовлена перечеканкой копейки образца 1704 г. (20-рублевой монетной стопы), тогда как для ее изготовления требовалась перечеканка копейки образца 1728 г. (40-рублевой стопы). 4-копеечники 1762 г. (рис. 5, 6) изготовлены перечеканкой соответственно копейки и пятака образца 1758 г., тогда как для их изготовления требовалась перечеканка 2-копеечников. В результате масса полушки 1731 г. (см. рис. 4) вдвое превышает нормативную, масса первого 4-копеечника 1762 г. (см. рис. 5) вдвое меньше, а второго (см. рис. 6) — в 2,5 раза больше нормативной.

Монеты с нестандартной массой появлялись и в результате того, что кружки для них вырубались из полос меди несоответствующей толщины, предназначавшихся для вырубки кружков под монеты другого номинала. Вот несколько примеров:

Наименование монеты	Толщина кружка	Масса монеты, г	
		нормативная	фактическая
Копейка 1713 г.	Как у полушки	8,20	3,1
5 копеек 1729 г.	Как у копейки	20,50	10,5
5 копеек 1758 г.	Как у 2-копеечника	51,20	25,8
2 копейки 1759 г.	Как у 5-копеечника	20,50	34,5
Копейка 1761 г.	Как у 5-копеечника	10,25	20,6
1/2 копейки 1841 г.	Как у 3-копеечника	5,10	10,6
1/2 копейки 1841 г.	Как у 2-копеечника	5,10	9,2

Одна из таких монет (2-копеечник 1759 г. с толщиной кружка как у 5-копеечника) представлена на рис. 7.

Наконец, встречаются монеты с обычной толщиной кружка, но с уменьшенным диаметром — о таких монетах говорится в указе, направленном из Монетной экспедиции в канцелярию Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов 23 февраля 1760 г. Как следует из этого указа, два 2-копеечника, обнаруженные в составе партии медных монет, прибывшей с Екатеринбургского монетного двора, были "...в округлости весьма малого обреза,

почти против копейки, в коих и весом со уменьшением против надлежащего весу...".

Что же представляют собой все эти необычные монеты? На первый взгляд это производственный брак, не обнаруженный приемщиками готовой продукции на монетных дворах. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что такие монеты специально изготавливались мастерами монетного двора с вполне определенной целью.

Действительно, трудно даже представить, чтобы в 1713 г. мастер, вырубавший кружки для медных копеек, не заметил, что к нему поступила не обычная полоса 2-миллиметровой толщины, а чуть ли не фольга толщиной 0,5 мм, из которой вырубались кружки для полушек. Или что мастер, проводивший в 1762 г. перечеканку медных монет Елизаветы Петровны в монеты Петра III, мог спутать огромный пятак с 2-копеечником и т. д.

Но имеется и более веское доказательство преднамеренного изготовления медных монет с нестандартной массой. Дело в том, что многие из них, имея несвойственную им толщину кружка, подвергались гурчению как и обычные монеты того же образца. Например, из перечисленных выше монет стандартное гуртовое оформление (сетчатую насечку) имеют пятаки 1729 и 1758 гг., 2-копеечник 1759 г. (см. рис. 7) и копейка 1761 г. Как известно, гуртильные станки на монетных дворах настраивались на обработку кружков для монет текущего выпуска с вполне определенным соотношением между их диаметром и толщиной. Поэтому гурчение кружка с толщиной, не соответствующей его диаметру, можно было выполнить только после специальной переналадки одного из станков. Следовательно, переналаживая станок и производя гурчение, мастер прекрасно понимал, что за кружок он обрабатывает. Если бы речь шла о простом производственном браке, то такой кружок был бы немедленно отправлен на переплавку: ведь монета, отчеканенная на этом кружке, при проведении весового контроля почти наверняка привела бы к отбраковке целой партии вполне доброкачественных монет. И если подобная монета была все же снабжена стандартным гуртовым оформлением, а затем и отчеканена, то это непреложно свидетельствует о преднамеренном ее изготовлении.

Наконец, в упомянутом выше указе от 23 февраля 1760 г. нестандартные 2-копеечники ("грошевики") рассматриваются вовсе не как производственный брак, а как специально изготовленные монеты, в связи с чем заводской канцелярии было предписано представить в Монетную экспедицию объяснение, "...для чего оные грошевики не в силу присланных из Экспедиции в ту Канцелярию образцов деланы малого обреза и против надлежащего веса с уменьшением". К сожалению, объяснение, данное канцелярией этому случаю, на сегодня не обнаружено.

Таким образом, вполне очевидно, что медные монеты с нестандартной массой изготавливались на монетных дворах преднамеренно, в нарушение строжайшего запрета на поставку подобной некондиционной продукции. Во многих документах XVIII в. перечисляются меры наказания монетных мастеров за нарушение установленной для медных монет весовой нормы. Так, в Ордере действительного статского советника Татищева от 30 декабря 1736 г. предписывается строго выдерживать нормативный вес и весовой допуск при чеканке медных монет на Екатеринбургском монетном дворе "...и в том как мастерам, так и приемщикам под жестоким наказанием подписаться". В именном указе от 19 июня 1738 г. виновным

в несоблюдении весового допуска определено наказание "...с немалым штрафом и истязанием" и т. д.

Зачем же понадобилось изготавливать на монетных дворах монеты, появление которых влекло за собой весьма тяжкие последствия? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим, какой весовой допуск устанавливался при изготовлении медных монет и как проверялись монеты на соответствие этому допуску.

В доношении из Канцелярии Монетного правления в Кабинет ее величества от 9 ноября 1736 г. содержатся сведения о том, что для медных монет, чеканившихся в то время по стопе в 10 руб. из пуда меди, допускалось отклонение от нормативного веса в ту или другую сторону до 4 фунтов при взвешивании партии монет на сумму в 100 руб. (нормативный вес партии — 10 пудов), что составляет 1 % нормативного веса.

В Историческом описании, "до монетного дела принадлежащем", составленном И. Шлаттером и дополненным А. Нартовым, приведены аналогичные сведения по медным монетам 16-рублевой стопы: для этих монет достоинством в 5, 2 и 1 коп. допустимое отклонение от нормативного веса составляло 2 фунта (0,8%), а для монет достоинством в деньгу и полушку — 4 фунта (1,6%), причем и в этом случае весовому контролю подвергалась партия монет на сумму в 100 руб. (нормативный вес партии — 6 пудов 10 фунтов). Таким образом, при проверке медных монет на соответствие весовому допуску в XVIII в. взвешивались не отдельные монеты, а целая партия монет. Такой же порядок весовой проверки медных монет существовал и в XIX в.

Подобная методика весового контроля прежде всего позволяла снизить требования к точности выдерживания нормативного веса на каждой отдельно взятой медной монете, поскольку присутствие в проверяемой партии какого-то количества, скажем, слишком легких монет вполне могло примерно компенсироваться наличием соответствующего количества перетяжеленных монет. Но эта методика открывала перед персоналом монетного двора еще одну, очень важную для него, возможность: она позволяла "исправлять" те партии монет, которые не укладывались в весовой допуск и подлежали отбраковке с применением к виновным соответствующих санкций. Для такого "исправления" достаточно было изъять из некондиционной партии слишком тяжелые или, наоборот, слишком легкие монеты и заменить их монетами с весом, близким к нормативному. Однако в условиях массового производства выполнять такие операции было совершенно невозможно: ведь для этого потребовалось бы взвесить чуть ли не каждую монету из некондиционной партии, поскольку монеты, вызвавшие превышение весового допуска, не могли быть обнаружены визуально.

А чтобы все же реализовать возможность "исправления" некондиционных партий медных монет, мастера монетных дворов и изготавливали заранее целые наборы монет, у которых вес либо был значительно меньше нормативного, либо значительно его превышал. Теперь, имея такой набор, "исправление" можно было выполнить в считанные секунды, заменяя любую монету или несколько монет из некондиционной партии значительно более легкими или значительно более тяжелыми — в зависимости от того, в каком направлении был превышен весовой допуск. Используя такой простой способ, монетные мастера всегда могли предотвратить отбраковку недоброкачественной продукции и избежать связанных с этим нежелательных последствий. Нечего и говорить, что при этом в обращение попадали не только специально изготовленные монеты с нестандартной массой:

увеличивалось попадание в обращение и монет с отклонениями от весового допуска, представлявших собой обычный производственный брак.

Поскольку "исправление" партий монет, не укладывавшихся в весовой допуск, было, безусловно, действием противозаконным, предназначавшиеся для этой операции монеты с нестандартной массой должны были изготавливаться тайно. Кто же на монетном дворе мог быть посвящен во все эти дела? В первую очередь в "исправлении" некондиционных партий были, конечно же, заинтересованы монетные мастера — именно им грозило жестокое наказание за превышение весового допуска. Однако каждая забракованная партия монет негативно влияла на всю деятельность монетного двора, сокращая выпуск продукции и удорожая производство, а за это несла ответственность уже администрация монетного двора. Поэтому напрашивается вывод, что администрация, несомненно заинтересованная в безнаказанном сбыте недоброкачественной продукции, знала о существовании практики "исправления" партий, подлежащих отбраковке, но сознательно не чинила ей препятствий. Чтобы своевременно выявить некондиционную партию монет и успеть ее "исправить", необходимо было взвешивать все партии еще до того, как они поступят на официальный весовой контроль, а это было немыслимо без попустительства со стороны администрации монетного двора. В результате, как свидетельствуют находки медных монет с нестандартной массой, их изготовление и использование на монетных дворах России, чеканивших медную монету, продолжалось почти полтора столетия и прекратилось с 1849 г. в связи с началом чеканки монет нового образца. Согласно докладу министра финансов, представленному в Государственный Совет 8 декабря 1848 г., с самого начала предполагалось эти монеты "производить в более изящном виде, улучшенными штемпелями, и выпускать в обращение после самой строгой браковки", а также "обратить исключительное внимание на усовершенствование всех операций, при выделке монет употребляемых". Видимо, реализация этих мероприятий, с одной стороны, сделала невозможной фальсификацию весового контроля, а с другой — резко улучшило качество монет, предотвратив превышение весового допуска.

Почему же аналогичная практика не осуществлялась в отношении монет из драгоценных металлов? Ведь до сих пор не найдено ни одной подлинной золотой монеты, масса которой резко отличалась бы от нормативной, а среди серебряных монет автору известен пока единственный полуполтинник 1751 г., имеющий толщину кружка как у гривенника. Если опять обратиться к работе И. Шлаттера и А. Нар-това, то можно увидеть, что золотые монеты при проверке их на соответствие весовому допуску взвешивались только индивидуально, а серебряные — как партиями, так и индивидуально, на выбор из партии. Следовательно, для золотых монет не подходил сам принцип "исправления", а "исправлять" партии серебряных монет, не укладывавшиеся в допуск, было слишком рискованно: случайное обнаружение в ходе выборочной проверки хотя бы одной монеты с нестандартной массой, и появление таких монет в обращении неизбежно повлекло бы за собой расследование деятельности монетного двора, поскольку в данном случае дело касалось драгоценного металла.

Ввиду стихийного характера появления русских медных монет с нестандартной массой и совершенной невозможности учесть все их многообразие, систематизации эти монеты не поддаются, а потому и описывать их в каталогах в качестве разновидностей аналогичных монет обычной массы, видимо, не следует. В то же время они должны в обязательном порядке включаться в состав любой

нумизматической коллекции как интереснейшие памятники истории монетного дела в России XVIII — XIX вв.

Примечания

¹ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Елизаветы I. Т. I. Спб., 1896. С. 223.

² Там же.

³ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. Спб., 1901. С. 143.

⁴ ПСЗ, № 7856.

⁵ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. С. 139.

⁶ См.: Горный журнал. 1832. Ч. 9. С. 428.

⁷ См.: ПСЗ-И, № 22992.

⁸ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Николая I. Спб., 1890. С. 129.

⁹ См.: Горный журнал. 1832. Ч. 9. С. 427 — 428.



1



2



3



4



5



6



7



Пробные монеты XIX в. общегосударственные с двойным (русским и польским) обозначением номинала и русско-польские

Среди монет, чеканившихся в XIX в. в России и предназначавшихся для обращения на территории Царства Польского, имеется сравнительно небольшое количество пробных монет, находящихся в настоящее время в различных государственных и частных собраниях. Все эти пробные монеты датированы либо 1818 г., либо 1840 и 1841 гг.

Пробные русско-польские монеты 1818 г. из драгоценных металлов достоинством в 25, 5, 2 и 1 злотый (рис. 1 — 4) отличаются от аналогичных монет массового выпуска, чеканившихся в 1816 — 1817 гг. (одна из них показана на рис. 5), улучшенным внешним оформлением. Они имеют правильную цилиндрическую форму, что свидетельствует о чеканке их в кольце, рубчатый гурт на 25- и 1-золотовике и гуртовую надпись на 5- и 2-золотовике вместо применявшегося ранее шнуровидного гурта, а обе стороны их снабжены выпуклым ободком, защищающим надписи и изображения от повреждений и преждевременной потертости. Эти улучшения в 1819 — 1821 гг. были внедрены в массовую чеканку монет достоинством в 50 и 2 злотых, а с 1822 г. они появляются и на монетах достоинством в 25 и 1 злотый. Однако новые монеты массового выпуска (одна из них показана на рис. 6) имеют, по сравнению с пробными монетами, иной рисунок портрета Александра I, а гуртовая надпись на 5- и 2-золотовике была заменена рубчатым гуртом, стандартным для всех остальных монет из золота и высокопробного серебра.

Что касается монет из биллона (10 и 5 грошей) и медных монета (3 и 1 грош), то, согласно сведениям, содержащимся в польском каталоге Ч. Каминского и Э. Копицкого, в 1818 г. были отчеканены (видимо, в кольце) пробные монеты: 3-грошевик с рубчатым и гладким гуртом и с защитным ободком, а также 5-грошевик с рубчатым гуртом. А в 1819 — 1820 гг. чеканка в кольце была внедрена в массовое производство всех биллонных и медных русско-польских монет однако защитный ободок и рубчатый гурт нашли применение только на 3-грошевиках, тогда как 10-, 5- и 1-грошевики по-прежнему чеканились с гладким гуртом и без защитного ободка.

Судя по некоторым документам и дошедшим до нас пробным монетам, вопрос о необходимости улучшения оформления русско-польских монет из биллона поднимался и позднее. Так, в 1838 г. было отклонено предложение Варшавского монетного двора от 3 марта этого года о чеканке 10-грошевиков с рубчатым гуртом, а в 1840 г. появляются два пробных 10-грошевика с различными видами защитного ободка (рис. 7, 8). Эти пробные монеты также не были утверждены.

Появление нескольких пробных 1-грошевиков, датированных 1840 и 1841 гг., было связано с необходимостью пресечения деятельности фальшивомонетчиков, поскольку к 1840 г. приобрели массовый характер случаи фабрикации фальшивых 10-грошевиков из 1-грошевиков образца 1835 г. Так, в предписании, направленном 1 сентября 1840 г. из Комиссии финансов Царства Польского в адрес Варшавского монетного двора, указывается, что "...вид грошей дал повод злоумышленникам к подделке грошевой монеты в 10-грошевую посредством полуды и выставления возле цифры 1 нуля". В другом документе, относящемся к этому же вопросу

(представление Комиссии финансов Царства Польского от 28 января 1846 г.), отмечалось, что "...такие десятигрошевики (фальшивые. — В. У.) попадаются с некоторого времени довольно часто".

Как следует из первого документа, для изготовления фальшивых 10-грошевиков медные 1-грошевики покрывались тонким слоем олова, на их реверс, справа от цифры "1", наплавлялся более толстый слой олова, и из этой наплавки вырезалась цифра "0". Такая фальсификация оказывалась возможной потому, что 10-грошевики и 1-грошевики образца 1835 г. имели совершенно одинаковое оформление аверса, весьма схожее оформление реверса и практически одинаковые размеры и вес (рис. 9, 10); кроме того, низкопробное серебро (18 1/2 пробы), из которого чеканились 10-грошевики, по цвету мало отличалось от использовавшегося фальшивомонетчиками олова. В то же время не было отмечено ни одного случая изготовления фальшивых 10-грошевиков из 1-грошевиков образца 1816 г., поскольку до 1835 г. внешнее оформление этих двух монет имело существенные различия (рис. 11, 12).

Вполне очевидно, что перед Варшавским монетным двором неизбежно должна была возникнуть необходимость разработки нового оформления либо 10-грошевика, либо 1-грошевика, которое исключило бы возможность фальсификации. Пробные монеты, представленные на рис. 13 — 19, как раз и свидетельствуют о поисках такого оформления.

В 1840 г. Варшавский монетный двор опробовал два изменения стандартного оформления 1-грошевика: удаление венка с его реверса (см. рис. 13, 14), а также уменьшение изображения гербового орла на его аверсе (рис. 14). Оценив эти нововведения, Варшавский монетный двор остановился на варианте 1-грошевика с уменьшенным изображением гербового орла на аверсе и без венка на реверсе (см. рис. 14). Рисунок этой монеты и был представлен дирекцией монетного двора в качестве рекомендуемого образца в Комиссию финансов Царства Польского 27 июля 1840 г. В представлении монетного двора рекомендовалось не только начать чеканку 1-грошевиков с измененным внешним оформлением, но также изъять из обращения все 1-грошевики образца 1835 г. и перечеканить их предлагаемыми новыми штемпелями. Отрабатывая новый образец монеты, Варшавский монетный двор отчеканил некоторое количество пробных 1-грошевиков, подобных представленным на рис. 13, 14, в серебре. Это было сделано, несомненно, для того, чтобы проверить, обеспечивает ли измененное оформление достаточное различие между новым 1-грошевиком и 10-грошевиком при одинаковом цвете этих монет, т. е. в случае, если новый 1-грошевик будет покрыт оловом.

Комиссия финансов Царства Польского, рассмотрев представленный Варшавским монетным двором образец, признала изменения, внесенные во внешнее оформление 1-грошевика, недостаточными и предписанием от 1 сентября 1840 г. обязала монетный двор разработать новый образец, на котором цифра "1" в обозначении номинала была бы заменена словом "ОДИН". Во исполнение этого предписания Варшавский монетный двор изготовил новый штемпель реверса со словесным обозначением номинала, а рисунок 1-грошевика, отчеканенного с использованием этого штемпеля и датированного 1841 г. (рис. 15), представил в Комиссию финансов Царства Польского с препроводительным письмом от 5 января 1841 г. В этом письме, объясняя причину четырехмесячной задержки с изготовлением нового штемпеля, дирекция монетного двора ссылается на какие-то трудности, будто бы возникшие при размещении на штемпеле словесного

обозначения номинала. В действительности же основной причиной задержки послужило, скорее всего, то обстоятельство, что вначале этот штемпель был изготовлен с ошибкой в написании слова "ОДИН", и его пришлось изготавливать заново, причем ошибка была обнаружена, по-видимому, слишком поздно, поскольку дефектным штемпелем были уже начеканены пробные 1-грошевики с различными вариантами аверса (рис. 16, 17). Интересно также отметить, что на этот раз Варшавский монетный двор не стал изготавливать серебряные экземпляры 1-грошевика (с целью проверки эффективности нового изменения его оформления) то ли потому, что не хватило на это времени, то ли потому, что новое изменение вносилось уже не по инициативе самого монетного двора, а по указанию свыше, а возможно, и потому, что теперь оформление реверса было изменено настолько радикально, что исключало возможность фальсификации.

Несмотря на точное выполнение Варшавским двором указаний Комиссии финансов, массовая чеканка 1-грошевиков нового образца не была начата в 1841 г. по той причине, что в это время правительством Николая I уже было принято решение о введении на территории Царства Польского общегосударственной монетной системы (именной указ от 21 января 1841 г.), и чеканка русско-польских монет официально была прекращена. Однако ввиду острой потребности в местной разменной монете Варшавскому монетному двору было негласно разрешено продолжать чеканку монет образца 1835 г., но штемпелями, датированными только 1840 г. (отношение к наместнику Царства Польского от 2 июля 1841 г.), что позволяло в какой-то мере скрыть факт такой чеканки, противоречивший официальному решению правительства. В результате чеканка медных русско-польских монет, датированных 1840 г., продолжалась до сентября 1849 г. (предписание главного директора Комиссии финансов от 30 августа 1849 г.), 1-грошевики образца 1835 г. по-прежнему находились в обращении, а потому не прекращалось изготовление фальшивых 10-грошевиков.

Учитывая все это, Варшавский монетный двор 20 января 1845 г. вновь обратился в Комиссию финансов Царства Польского с предложением об изменении внешнего оформления 1-грошевика и приложил в качестве образца рисунок монеты со словесным обозначением номинала, уменьшенным изображением гербового орла и датой "1840", т. е. с той датой, под которой с 1842 г. чеканились все русско-польские монеты (см. рис. 19). Теперь становится понятным, почему пробные 1-грошевики, датированные 1840 г. (рис. 18, 19), имеют правильное написание слова "ОДИН" в обозначении номинала ("JEDEN"), а в следующем, 1841 г. вдруг появляются аналогичные монеты (см. рис. 16,17) с ошибочной надписью ("IEDEN"): просто штемпель реверса, датированный 1840 г., в действительности был изготовлен в начале 1846 г., тогда как дефектный штемпель 1841 г. был первым из штемпелей со словесным обозначением номинала.

На основании предложения Варшавского монетного двора Комиссия финансов представила 9 февраля 1846 г. соответствующий проект правительственного решения в Совет управления Царства Польского и получила отказ, на этот раз окончательный. Причина отказа достаточно понятна: появление в обращении 1-грошевика нового образца спустя пять лет после принятия официального решения о прекращении чеканки русско-польских монет со всей очевидностью обнаружило бы, что такая чеканка продолжается, а датировка нового 1-грошевика 1840 г. выглядела бы просто нелепой. Таким образом, проект изменения внешнего оформления 1-грошевой русско-польской монеты так и остался нереализованным.

В некоторых нумизматических изданиях, в том числе в Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича, 10-грошевик 1840 г. с точечным защитным ободком (см. рис. 8) и 1-грошевик 1840 г. с обычным изображением гербового орла на аверсе, без венка и с цифровым обозначением номинала на реверсе (см. рис. 13) считаются новоделными. Причиной такого вывода является, видимо, то обстоятельство, что эти две пробные монеты, в отличие от аналогичных монет массового выпуска, чеканены без кольца, о чем свидетельствуют следы смещения их штемпелей относительно монетного кружка. Однако без кольца чеканены и некоторые другие пробные монеты 1840 — 1841 гг., например 1-грошевики, представленные на рис. 17 и 19, а потому несомненно правильной представляется позиция авторов польского каталога Ч. Каминского и Э. Копицкого, которые считают эти монеты подлинными. Кстати сказать, до выхода каталога Ч. Каминского и Э. Копицкого русским нумизматам было вообще неизвестно о существовании 1-грошевика со словесным обозначением номинала, обычным изображением гербового орла и датой "1840" (см. рис. 18).

В связи с предстоявшим (во исполнении именного указа от 21 января 1841 г.) введением на территории Царства Польского общегосударственной денежной системы, в 1841 г. была официально прекращена чеканка:

русско-польских биллонных и медных монет достоинством в 10, 5, 3 и 1 грош, чеканившихся на Варшавском монетном дворе;

общегосударственных золотых и серебряных монет с двойным (русским и польским) обозначением номинала достоинством в 3 руб. — 20 злотых, 11/2 руб. — 10 злотых, 3/4 руб. — 5 злотых, 30 коп. — 2 злотых и 15 коп. — 1 злотый, чеканка которых производилась на Петербургском и Варшавском монетных дворах с 1832 г.

В то же время Варшавскому монетному двору, как уже говорилось, было разрешено временно чеканить биллонные и медные русско-польские монеты в 10, 5, 3 и 1 грош с использованием штемпелей, датированных только 1840 г. А с 1842 г., на основании утвержденного доклада министра финансов от 21 марта 1841 г., на этом же дворе была продолжена чеканка общегосударственных серебряных монет с двойным (русским и польским) обозначением номинала, но других достоинств: 25 коп. — 50 грошей, 20 коп. — 40 грошей, 10 коп. — 20 грошей и 5 коп. — 10 грошей, причем монеты двух последних номиналов (рис. 20, 21) были отчеканены весьма ограниченным тиражом и только в 1842 г., а потому фактически представляют собой пробную серию.

Но кроме этих двух мероприятий, направленных на обеспечение населения Царства Польского национальной разменной монетой, существовал также проект 1841 г., называвшийся "О биллоне Царства Польского". Этот проект предусматривал выпуск с 1842 г. новой серии разменных монет, отличавшихся от русско-польских монет образца 1835 г. только внешним оформлением. На аверсе всех монет новой серии предполагалось поместить портрет Александра I, круговую надпись на польском языке "Александр I император всероссийский, король польский" и знак Варшавского монетного двора "MW", а на реверсе — круговую надпись на польском языке "Николай I император всероссийский, король польский правящий", дату чеканки и двойное обозначение номинала: на биллонных монетах — "5 копеек — 10 грошей" и "2 1/2 копейки — 5 грошей", на медных монетах — "1 1/2 копейки — 3 гроша" и "1/2 копейки — 1 грош".

Не вызывает сомнения, что монеты, представленные на рис. 22 и 23, имеют непосредственное отношение к проекту "О биллоне Царства Польского". Остается только установить действительный характер этих монет, поскольку единой точки зрения по данному вопросу на сегодня нет. В Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича двусторонняя монета (рис. 23) предположительно отнесена к новоделам, а в польском каталоге Ч. Каминского и Э. Копицкого она считается подлинной. В качестве подлинника была впервые опубликована в 1986 г. в книге "Монеты России" и уникальная односторонняя монета (см. рис. 22), находящаяся в собрании Государственного Исторического музея. Попытаемся выяснить все те факторы, на основании которых может быть либо подтверждена, либо оспорена подлинность этих монет.

Штемпель, которым оттиснут аверс обеих монет, полностью соответствует описанию, приведенному в проекте "О биллоне Царства Польского", и тем не менее одна особенность этого штампа вызывает сомнение в его подлинности. Дело в том, что портрет Александра I переведен на этот штамп с маточника, который использовался при изготовлении штампов аверса золотых 25-злотых русско-польских монет, чеканившихся в 1822 — 1825 гг. (рис. 24), тогда как для монет, выпускавшихся после смерти Александра I, обязательным является другой его портрет — в лавровом венке (рис. 25). Отсутствие указаний на этот счет в словесном описании монет нового образца, а также отсутствие их проектных рисунков не позволяет определить, было ли такое отступление от установленного порядка специально предусмотрено проектом, или же оно появилось по какой-то другой причине. А такой причиной могло быть изготовление этого штампа специально для чеканки новоделных монет, которые, как известно, могли иметь весьма существенные отличия от утвержденных образцов. И все же рассматриваемый нами штамп скорее всего является подлинным. Изготовлен он был несомненно на Варшавском монетном дворе: ведь для его изготовления был использован, как уже говорилось, маточник 25-злотовика, а эта монета чеканилась только в Варшаве, и потому инструмент для изготовления ее штампов вряд ли мог находиться на каком-либо другом монетном дворе. В то же время сведения, содержащиеся в каталоге Ч. Каминского и Э. Копицкого, свидетельствуют о том, что новоделы, являющиеся продукцией Варшавского монетного двора, оттиснуты только теми штампами, которые были в свое время изготовлены для чеканки подлинных монет (хотя и не всегда для этого использовались), а все новоделы, не имеющие прототипов среди подлинных русско-польских монет, отчеканены на Петербургском монетном дворе, как, например, 3-грошевик 1815 г. с рубчатым ободком (рис. 27). Следовательно, в отличие от Петербургского и Екатеринбургского монетных дворов, Варшавский монетный двор не изготавливал штампов, специально предназначенных для чеканки новоделов, а потому не должен быть таковым и штамп аверса монет, изображенных на рис. 22, 23.

Реверс двусторонней монеты (см. рис. 23) оттиснут штампом реверса стандартного 5-грошевика образца 1835 г. (рис. 26). Насколько правомерным было использование такого штампа для чеканки этой монеты? Его датировка (1841 г.) вполне соответствует времени, когда могла быть отчеканена пробная монета нового образца, т. к. именно 1841 г. датируется проект "О биллоне Царства Польского". Номинал хотя и обозначен на этом штампе только в польских грошах, но по существу он полностью соответствует номиналу монеты нового образца достоинством в 2 1/2 коп. — 5 грошей. Таким образом, судя по этим двум

характеристикам, штемпель реверса стандартного 5-грошевика мог бы быть использован для временной замены штемпеля реверса нового образца. Однако в действительности это далеко не так. Дело в том, что на аверсе монет новой серии помещены имя, титул и портрет давно умершего Александра I, провозглашенного "вос-создателем" Польши, и чтобы эти монеты не могли быть причислены к монетам, выпускавшимся в царствование Александра I, на их реверсе обязательно должны быть указаны имя и титул правящего императора. Так сделано на русско-польских портретных монетах массового выпуска 1826 — 1834 гг., так предусмотрено и проектом "О биллоне Царства Польского". Поскольку штемпель реверса стандартного 5-грошевика этому требованию не отвечал, он не мог быть использован для чеканки пробной монеты. Если же монета, изображенная на рис. 23, пробной не является, а представляет собой технологический оттиск штемпеля аверса с использованием случайно выбранного штемпеля реверса, то такой оттиск не должен был оказаться за пределами Варшавского монетного двора, да еще будучи размноженным в значительном количестве экземпляров. Таким образом, имеется полное основание считать, что на рис. 23 представлена новодельная монета, изготовленная на Варшавском монетном дворе с использованием двух подлинных штемпелей: штемпеля аверса монеты достоинством в 2 1/2 коп. — 5 грошей, изготовленного по проекту "О биллоне Царства Польского", и штемпеля реверса стандартного 5-грошевика 1841 г. (за неимением подлинного штемпеля реверса нового образца). Такое искусственное сочетание штемпелей двух совершенно различных монет в одной паре практиковалось при изготовлении новоделов достаточно часто, невзирая на абсурдность получавшихся при этом композиций.

Что же касается уникальной односторонней монеты (см. рис. 22), то она не должна быть новодельной уже потому, что односторонний кружок подобного вида ни в коем случае не мог удовлетворить запросы собирателей новодельных монет, т. к. он не только не дает представления о номинале монеты и времени ее чеканки, но без сопоставления его с письменным источником вообще не позволяет однозначно утверждать, что он оттиснут монетным штемпелем и не является, к примеру, жетоном. А проект "О биллоне Царства Польского" был опубликован в доступном для коллекционеров издании только в 1893 г., т. е. спустя три года после запрещения изготовления в России новоделов и по прошествии 29 лет с момента прекращения функционирования Варшавского монетного двора. Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что именно эта односторонняя монета и является единственно известной подлинной пробной монетой, отчеканенной в 1841 г. на Варшавском монетном дворе в соответствии с проектом "О биллоне Царства Польского". Номинал ее в 2 1/2 коп. — 5 грошей подтверждается ее лигатурной массой, равной 1,38 г (нормативная лигатурная масса 5-грошевика, согласно монетной стопе, утвержденной для биллонных русско-польских монет, равна 1,45 г). Эту монету, конечно же, не предполагалось использовать в качестве образца для массовой чеканки. Скорее всего, она помогла в решении каких-то технических вопросов на начальной стадии рассмотрения проекта, а изготовленный для нее штемпель с портретом Александра I был, видимо, экспериментальным, поэтому не имело значения, какой портрет будет помещен на таком штемпеле — устаревший или соответствующий времени выпуска новых монет.

Проект "О биллоне Царства Польского" не был реализован. Причины этого прослеживаются достаточно отчетливо. Во-первых, монеты, выпуск которых

предусматривался проектом, по существу должны быть отнесены к общегосударственным монетам с двойным (русским и польским) обозначением номинала. Но если монеты этой серии, выпускавшиеся с 1832 по 1841 г. (с исчислением номинала в рублях — копейках и польских злотых), а затем с 1841 по 1850 г. (с исчислением номинала в копейках и польских грошах), были оформлены как русскоязычные монеты, и только номинал в злотых или грошах был обозначен на них по-польски, то согласно проекту "О биллоне Царства Польского" новые монеты предполагалось оформить как польскоязычные с написанием по-русски только их номинала в копейках. Поскольку же монеты с двойным (русским и польским) обозначением номинала были призваны служить проводниками общегосударственной денежной системы, введившейся на территории Царства Польского взамен национальной с 1841 г., польско-язычное оформление таких монет фактически противоречило их предназначению. Во-вторых, предусмотренное проектом использование для чеканки монет достоинством от 5 до 1/2 коп. портретных штемпелей (видимо, с целью затруднить их подделку) делало такие монеты убыточными для казны ввиду высокой, несоразмерной с нарицательной ценой монет, стоимости инструмента, необходимого при изготовлении этих штемпелей. Наконец, разрешение Варшавскому монетному двору продолжить чеканку биллонных и медных русско-польских монет штемпелями, датированными 1840 г., вообще снимало всякую необходимость в реализации проекта "О биллоне Царства Польского".

Применения

¹ См.: KAMINSKI CZ., KORICKI E. Katalog monet polskich, 1764 — 1864. Warszawa, 1977.

² См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Русские монеты, чеканные для Польши. Спб., 1893. С. 21.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 27 — 28.

⁵ См.: Там же. С. 21 — 22.

⁶ См.: Там же. С. 22.

⁷ См.: Там же. С. 22.

⁸ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Николая I. Спб., 1890. С. 82.

⁹ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Русские монеты, чеканные для Польши. С. 25.

¹⁰ См.: Там же. С. 28. ¹¹ См.: Там же. С. 27.

¹² См.: Там же. С. 27. ¹³ См.: Там же. С. 82.

¹⁴ См.: KAMINSKI CZ., KORICKI E. Указ. соч. С. 235 и 239.

¹⁵ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Николая I. С. 83.

¹⁶ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Русские монеты, чеканные для Польши. С. 23 — 24.

¹⁷ См.: Там же. С. 82.

¹⁸ См.: KAMINSKI CZ., KORICKI E. Указ. соч. С. 238.

¹⁹ УЗДЕНИКОВ В. В. Монеты России. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 352.

²⁰ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Русские монеты, чеканные для Польши. С. 23 — 24.

²¹ См.: Там же. С. 25





9



10



11



12



13



14



15



16



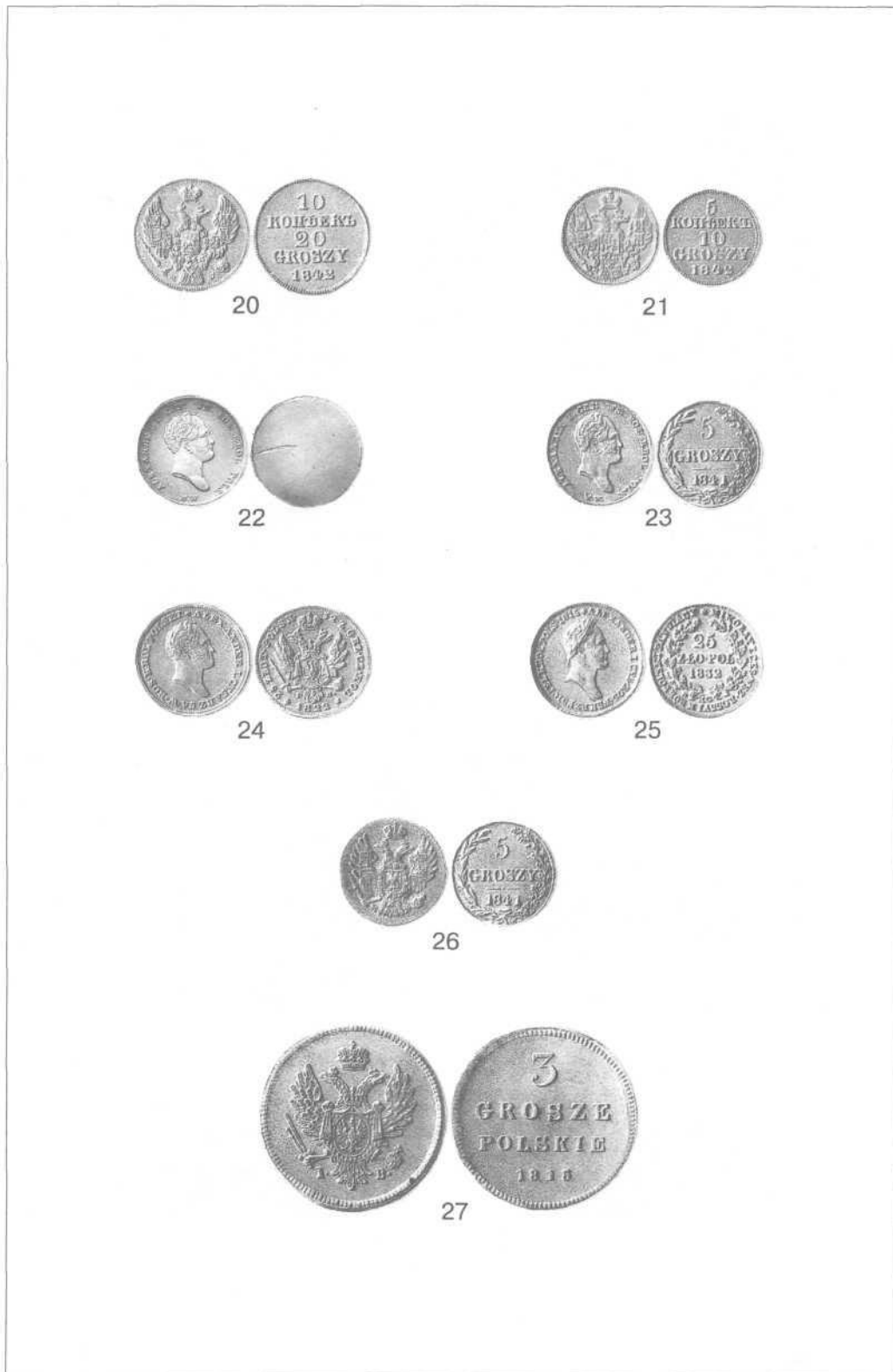
17



18



19



Никелевая монета в России

История введения в денежное обращение России никелевой монеты начинается примерно с середины XIX в. К этому времени разменные монеты из никелевого сплава заняли прочное место в монетных системах США и целого ряда стран Западной Европы, а потому наибольшее число проектов по никелевой монете поступило на рассмотрение русского правительства от иностранных организаций и фирм: Брюссельского монетного двора, английской фирмы "Ральф Хитен и сыновья", французского акционерного общества "Никель", берлинского банкирского дома "Мендельсон и К". Несколько предложений было получено и от частных лиц, в том числе и от русского академика Б. С. Якоби. Всего на протяжении второй половины XIX в. насчитывается более десятка таких проектов, но все они были отклонены русским правительством.

В начале XX в. никелевой монетой начинает заниматься и Петербургский монетный двор, однако разработанные с его участием два отечественных проекта также реализованы не были.

Из всех проектов по введению в России разменной монеты из никелевого сплава наибольший интерес представляют, безусловно, те, которые сопровождались изготовлением пробных образцов — именно эти проекты здесь и будут рассмотрены.

Проект 1863 г. В 80-х гг. прошлого столетия было обнаружено, что на Петербургском монетном дворе хранится большое количество 2-копеечных монет особого образца, отчеканенных как в никелевом сплаве, так и в меди, и датированных 1863 г. (рис. 1). Никаких документов, объясняющих их появление, найдено при этом не было.

2-копеечники 1863 г. имеют обозначение Екатеринбургского монетного двора ("ЕМ"), однако изготовление их за границей не вызывает сомнения. Во-первых, они имеют соотношение сторон $f \mid$, совершенно не характерное для монет XIX в. отечественной чеканки; во-вторых, скипетр и держава в лапах гербового орла на этих монетах помещены неправильно (наоборот), а такая ошибка могла быть допущена только на иностранном монетном дворе. В Корпусе русских монет высказано предположение, что эти монеты были отчеканены в Брюсселе, и это действительно так: согласно каталогу 1977 г., штампея пробного никелевого 2-копеечника 1863 г. хранятся в музее Брюссельского монетного двора.

Масса никелевых 2-копеечников 1863 г. в среднем равна 9,6 г, т. е. очень близка к нормативной массе медного общегосударственного 2-копеечника образца 1849 — 1867 гг. (рис. 2), равной 10,2 г. В те годы цена на никель превышала цену на медь примерно в 7,5 раза, а поэтому монета из никелевого сплава с любым, содержанием никеля должна была иметь существенно меньшую массу, чем аналогичная медная монета, — из условия равноценности заложенного в них количества металла. Поскольку никелевый 2-копеечник 1863 г. не соответствует этому условию, он должен рассматриваться не как реальная пробная монета, а как демонстрационный образец, свидетельствующий лишь о лучшем внешнем виде никелевых монет по сравнению с медными. Именно для такого сравнения и были одновременно отчеканены как никелевые, так и медные экземпляры этой монеты. Ввиду такой особенности никелевого 2-копеечника 1863 г., а также из-за отсутствия в настоящее время каких-либо документальных данных остаются невыясненными основные положения проекта 1863 г.: набор номиналов рекомендуемых никелевых монет, их масса и состав сплава.

Проект 1871 г. 17 июля 1871 г. министру финансов России через академика Б. С. Якоби был представлен доклад директора Брюссельского монетного двора А. Аллара с проектом введения в России никелевой монеты и с предложением чеканить эту монету на Брюссельском монетном дворе. К докладу были приложены образцы 10-копеечных монет в двух вариантах оформления реверса и с портретом Александра I, как "спасителя Европы от Наполеона", на аверсе (рис. 3, 4). В проекте предлагалось установить вес русского никелевого 10-копеечника равным суммарному весу двух никелевых монет США достоинством в 5 и 3 цента, а также позаимствовать у этих монет состав сплава. Следовательно, масса никелевого 10-копеечника должна была равняться примерно 7 г (масса 5-центовика в то время равнялась 5 г и 3-центовика — примерно 2 г), а сплав должен был содержать 25% никеля и 75% меди. Интересно отметить, что при исследовании пробных образцов 10-копеечника американские нумизматы Ч. Тьюмоза и Р. Зандер обнаружили иной состав сплава: в среднем он содержит 12% никеля, 84% меди и 4% цинка. К проекту 1871 г. относится и монетовидный кружок, оттиснутый в никелевом сплаве с использованием штемпеля аверса 10-копеечника (рис. 5).

Особое внимание в докладе Аллара было обращено на преимущество внешнего вида монет из никелевого сплава по сравнению с медными монетами. Видимо, для подтверждения этого преимущества вместе с экземплярами 10-копеечника из никелевого сплава были представлены медные экземпляры, отчеканенные теми же наборами штемпелей. Медные 10-копеечники 1871 г. являются, безусловно, не реальными пробными монетами, а лишь демонстрационными образцами, поскольку их масса, как и у никелевых экземпляров, равна примерно 7 г, тогда как нормативная масса медного общегосударственного 10-копеечника равнялась в 1871 г. примерно 33 г, т. е. суммарной массе двух 5-копеечников образца 1867 г. (рис. 6).

Таким образом, проект 1871 г. определял значение массы никелевого 10-копеечника и состав его сплава, но совершенно не упоминал о наборе номиналов и массе монет всей серии.

Проект 1883 г. 15 января 1883 г. на имя министра финансов России был направлен доклад представителя французского акционерного общества "Никель" Б. де Леклюза с проектом введения в России никелевой монеты. Проект сопровождался предложением использовать для изготовления монет никель, добывавшийся на рудниках этого общества в Новой Каледонии. К проекту были приложены образцы никелевого 3-копеечника, датированного 1882 г. (рис. 7).

В проекте предусматривалось коренное изменение всего состава русской разменной монеты. По-прежнему должны были чеканиться 20-копеечник из серебра 48-й пробы и медные 1 и 1/2 коп., из никеля предполагалось чеканить 10-, 5-, 3- и 2-копеечники, а чеканку монет достоинством в 15 и 1/4 коп. прекратить.

Масса русского 3-копеечника приравнивалась к массе французской никелевой монеты в 10 сантимов (3 г), а масса каждой из остальных никелевых монет (в граммах) должна была численно равняться их номиналу. Таким образом, монетная стопа русских никелевых монет устанавливалась в 10 руб. из 1 кг никелевого сплава. Это подразумевало использование метрической системы мер и весов, в России тогда еще не применявшейся (напомним, что в 1883 г. монетная стопа русских монет исчислялась из фунта легированного серебра или золота и из пуда меди).

Состав никелевого сплава рекомендовался проектом 1883 г. тот же, который был принят в это время во многих странах мира: 25% никеля и 75% меди. Этот состав

сплава указан в круговой надписи на аверсе пробного никелевого 3-копеечника: "SPECIMEN ALL.: 25 75" ("Образец сплава: 25 75").

Пробный оттиск 1902 г. Первым дошедшим до нас свидетельством обращения Петербургского монетного двора к вопросу чеканки никелевой монеты является односторонний никелевый 20-копеечник, датированный 1902 г. (рис. 8).

Этот 20-копеечник не только отчеканен с использованием штемпеля реверса серебряного 20-копеечника стандартного образца (рис. 9), но и имеет одинаковую с ним массу (3,7 г). Так как в начале XX в. цена на серебро превышала цену на никель в 15,5 раза, монета из никелевого сплава должна была иметь значительно большую массу, чем аналогичная серебряная монета. Это условие не было соблюдено при изготовлении никелевого 20-копеечника 1902 г., следовательно, он представляет собой не пробный образец проектируемой никелевой монеты, а лишь пробный оттиск на никелевом сплаве произвольно выбранного штемпеля для решения чисто технологических вопросов монетной чеканки с использованием ранее не применявшегося металла. Произвольный выбор штемпеля дает основание считать, что этот оттиск мог быть сделан значительно позднее 1902 г.

Проект 1911 г. Серия никелевых монет 1911 г. относится к первому отечественному проекту по никелевой монете. Серия была отчеканена на Петербургском монетном дворе — все монеты серии помечены знаком минцмейстера этого двора Эликума Бабаянца ("ЭБ").

Серия состоит из монет четырех номиналов: 25, 20, 10 и 5 коп., а масса этих монет соответственно равна (в среднем) 8,5, 6, 4 и 3 г. 20-копеечная монета представлена в двух вариантах оформления (рис. 10 — 14).

Особенностью серии никелевых монет 1911 г. по сравнению со всеми другими русскими монетами является отсутствие у нее единой монетной стопы, поскольку имеющаяся зависимость массы монет этой серии от их номинала не может быть описана математически [При наличии у монетной серии единой монетной стопы, масса M любой монеты может быть определена по формуле $M = mN$, где m — масса монеты копеечного номинала, а N — номинал монеты в копейках.]. Следовательно, серия построена по принципу, основанному на целесообразном соотношении диаметра и толщины монет различных номиналов — именно так были в то время сформированы серии никелевых монет в США и Мексике.

Согласно документам, опубликованным в 1986 г. М. И. Смирновым, для чеканки монет 1911 г., скорее всего, был использован сплав с содержанием 25% никеля и 75% меди.

Проект 1916 г. Этот проект представлен в настоящее время единственной никелевой монетой 25-копеечного достоинства (рис. 15) и свинцовыми оттисками штемпелей реверса монет достоинством в 20, 15 и 10 коп. (рис. 16 — 18). На монетном дворе в Санкт-Петербурге сохранился также полный набор маточников для изготовления штемпелей никелевых монет 1916 г. перечисленных выше номиналов.

Таким образом, серия никелевых монет 1916 г. состояла из четырех монет в 25, 20, 15 и 10 коп. Диаметры 25- и 20-копеечников 1916 г. равны диаметрам аналогичных монет 1911 г., а диаметры 15- и 10-копеечников 1916 г. равны соответственно диаметрам 10- и 5-копеечников 1911 г.

Масса 25-копеечной монеты 1916 г. равна 7 г (вместо 8,5 г у монеты 1911 г.). Установить значение массы остальных монет серии пока не представляется возможным. Неизвестен и состав сплава монет 1916 г., однако нет оснований считать, что он отличается от сплава монет 1911 г. (25% никеля и 75% меди).

Оформление реверса монет 1916 и 1911 гг. совершенно однотипно (не считая, конечно, 20-копеечника 1911 г., изображенного на рис. 12). Что же касается оформления аверса, то, судя по 25-копеечнику 1916 г., оно имеет много общего с оформлением аверса медных монет двух пробных серий 1916 г. (рис. 19 — 24), особенно монет малой серии (рис. 19, 20). К тому же гербовый орел был переведен на штемпеля 25-копеечника и обоих медных 5-копеечников 1916 г. с одного и того же маточника. Это сходство, конечно же, не случайно: все пробные монеты 1916 г., и никелевые, и медные, изготовлены по единому проекту.

Существование 25-копеечной монеты и оттисков штемпелей других никелевых монет 1916 г. свидетельствует о том, что для чеканки этих монет были изготовлены все четыре комплекта штемпелей. Однако на отечественных монетных дворах эти штемпеля не обнаружены, а 25-копеечник не помечен знаком минцмейстера, как и все монеты XIX — XX вв., чеканившиеся по заказу русского правительства на зарубежных монетных дворах. Эти и некоторые другие обстоятельства позволяют считать, что пробная партия никелевых монет 1916 г. была отчеканена в Японии на Осацком монетном дворе, на котором в том же году чеканились по заказу русского правительства серебряные 15- и 10-копеечники без знака минцмейстера. Видимо, отчеканенные в Японии никелевые монеты по каким-то причинам через официальные каналы в Россию не поступили. Поэтому не исключена возможность обнаружения никелевых монет 1916 г. всех четырех номиналов.

Примечания

¹ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Описание и изображение некоторых редких монет моего собрания. Спб., 1886. С. 32.

² См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Александра II. Спб., 1888. С. 204.

³ См.: LIPPENS DE J., THIRION M. Keumeulen van A. Catalogue van de patrijzen & matrijzen van het Museum van het Munthof. Braxelles, 1977. P. 463.

⁴ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императора Александра II. С. 117 — 119.

⁵ См.: TUMOSA CH., ZANDER R. The 1871 ten-kopeck pattern. Journal of the Russian Numismatic Society. 1987. № 27. P. 16.

⁶ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Русские монеты 1881 — 1890 гг. Спб., 1891. С. 9 — 15.

⁷ См.: СМИРНОВ М. И. Из истории введения никелевых монет в денежное обращение России. Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVI. Л.: Искусство, 1986. С. 48.



1



2



3



4



5



6



7



8



9



10



11



12



13



14



15



16



17



18



19



20



21



22



23



24

Эмблематика русских и русско-финских монет чеканки 1917 г.

К 1917 г., году коренных революционных преобразований, в России функционировало всего два монетных двора: Петроградский (Петербургский) двор, обеспечивавший потребности страны в общегосударственной монете, и Гельсингфорсский двор, чеканивший монеты для Великого княжества Финляндского, пользовавшегося в Российской империи автономией и имевшего собственную денежную систему.

Вопросы монетной чеканки 1917 г. были довольно подробно освещены И. Г. Спасским еще в 1968 г., однако до настоящего времени оставалось непонятным, почему на общегосударственных монетах, чеканившихся при Временном правительстве, сохранялся герб царской России, а на монетах для Финляндии помещалась весьма сомнительная модификация царского герба, тогда как бумажные денежные знаки Временное правительство выпускало с собственным гербом (по рисунку известного русского художника И. Я. Билибина).

Чтобы разобраться в этом вопросе, воспользуемся богатыми архивными материалами, приведенными в упомянутой выше работе И. Г. Спасского, и прежде всего сведениями об объеме монетной чеканки на Петроградском монетном дворе. Произведя несложные расчеты, на основании этих сведений можно составить таблицу (см. 171 стр.), дающую представление о месячных тиражах чеканки серебряной банковской и разменной монет в тысячах руб. (чеканка золотой монеты была прекращена в России еще до начала первой мировой войны: общегосударственных монет — в 1911 г., монет для Финляндии — в 1913 г.).

Как видно из таблицы, с началом первой мировой войны сразу возрастает общий объем чеканки серебряной монеты, причем это происходит исключительно за счет увеличения объема чеканки низкопробной разменной монеты, тогда как чеканка высокопробной банковской монеты (рублей и полтин) в 1914 г. резко сокращается, а с 1915 г. прекращается полностью (в таблице не показаны отчеканенные в 1914 — 1916 гг. памятные рубли — 30 900 шт., которые в обращение не поступали). Такое перераспределение выпуска монет в условиях войны, требовавшей мобилизации всех ресурсов страны, легко объяснимо: из одного и того же количества чистого серебра можно было изготовить разменной монеты (500-й пробы) на сумму в 1,4 раза большую, чем при чеканке банковской монеты (900-й пробы). Разменные серебряные монеты 1917 г. представлены на рис. 1 — 3.

Периоды чеканки	Банковая монета	Разменная монета
1913 г.	394	203
В среднем 1914 г.	92	1378
за месяц 1915 г.	—	3200
1916 г.	—	4417
За январь	—	2716
За февраль	—	1332
За март	—	—
За апрель	—	—

За май 1917 г.	—	400
За июнь	—	100
За июль	—	—
За август	—	58

Что касается чеканки медных монет, то ее объем в 1914 — 1916 гг. был весьма невелик, а в 1917 г. были отчеканены лишь единичные экземпляры (рис. 4, 5) [в настоящее время известны три медные общегосударственные монеты 1917 г.: пятак и копейка в собрании Государственного Русского музея и пятак в коллекции М. Б. Гор-нунга (Москва)]. В связи с этим в дальнейших рассуждениях медная монета учитываться не будет.

Куда же расходовалась царским правительством в годы первой мировой войны разменная серебряная монета? Американский нумизмат Р. Джулиан в одной из своих работ высказывает предположение, что небывалый рост выпуска Россией в 1914 — 1916 гг. разменной серебряной монеты объясняется в основном необходимостью выплачивать жалование огромной армии, в том числе частям, находившимся за границей — в Персии и в Галиции. И. Г. Спасский, соглашаясь с мнением Р. Джулиана, в то же время указывает еще на одну, весьма важную, статью расходов: согласно документам, хранящимся в Историческом архиве Ташкента, Государственное казначейство направляло разменную серебряную монету в Среднюю Азию, в районы заготовки хлопка — сырья для пороховой промышленности, причем эти операции производились даже в конце 1917 г.

В условиях огромного размаха боевых действий русской армии на фронтах первой мировой войны обеспечение бесперебойных поставок хлопка не могло не приобрести первостепенного значения, и потому количество серебряной монеты, направлявшейся в Среднюю Азию в 1914 — 1916 гг. и в первой половине 1917 г., не могло претерпеть даже незначительного сокращения. Следовательно, постепенное уменьшение объема чеканки серебряной монеты, наблюдавшееся в последние месяцы пребывания у власти царского правительства (январь — февраль 1917 г.), могло компенсироваться только за счет выплаты все большей части денежного довольствия армии бумажными деньгами. Что же касается серебряных монет, отчеканенных с мая по август 1917 г., то объем этой чеканки был настолько незначительным, что о выплате в это время сколько-нибудь существенной части армейского жалования серебряными деньгами не могло быть и речи. Видимо, именно поэтому Р. Джулиан в другой работе высказал предположение, что после Февральской революции серебром выплачивалось жалование лишь тем воинским частям, которые оставались верными Временному правительству. Насколько справедливо такое предположение?

Прежде всего нужно иметь в виду, что в мае и июне 1917 г., когда была начеканена основная часть общегосударственных серебряных монет, поступивших в распоряжение Временного правительства, в стране существовало двоевластие, и в этих условиях вопрос о необходимости выявления и поощрения воинских частей, верных Временному правительству, был совершенно неактуален. Что же касается монетной чеканки в августе 1917 г., т. е. после июльского кризиса, положившего конец двоевластию, то здесь скорее всего состоялась не планомерная чеканка, а подчистка остатков Петроградским монетным двором, свертывавшим свою работу. В то же время многочисленные документы и свидетельства очевидцев однозначно подтверждают факт выплаты войскам денежного довольствия после Февральской революции исключительно бумажными деньгами.

В итоге можно с большой степенью достоверности утверждать, что практически все серебряные монеты, отчеканенные Петроградским монетным двором за время нахождения у власти Временного правительства, были направлены в Среднюю Азию и использованы для расчетов с поставщиками хлопка. Вот с этим-то целевым предназначением серебряных денег и согласуется то обстоятельство, что Временное правительство не позаботилось о таком немаловажном нововведении, как чеканка общегосударственных монет текущего выпуска с собственным гербом.

Действительно, если бы отчеканенные в мае — августе 1917 г. монеты должны были поступить в воинские части или предназначались для обращения в центральных областях России, то весьма вероятно, что Временное правительство не отказалось бы от возможности еще раз провозгласить победу в России буржуазно-демократической революции, теперь уже средствами эмблематики на монетах, тем более что в июне 1917 г. в обращение начали поступать бумажные деньги с гербом Временного правительства. Но поскольку серебряные монеты были единственными, чеканившимися в 1917 г. на Петроградском монетном дворе, и все они направлялись на далекую окраину России, где могли их просто не признать в новом, непривычном оформлении, то спешить с заменой на них царского герба, видимо, не следовало. Что такая замена не представляла для столичного монетного двора ни малейшей трудности, подтверждает опыт чеканки в 1918 г. металлических бон армавирского отделения Госбанка, снабженных, хоть и с большим опозданием, гербом Временного правительства (рис. 6): ведь в Армавире вообще не было монетного двора, а штемпеля для этой чеканки резал пленный австриец Иосиф Задлер (его знак "J3" помещен на бонах под гербовым орлом).

Конечно, не исключено, что монеты майского, самого большого, выпуска были отчеканены еще до утверждения проектного рисунка И. Я. Билибина в качестве нового герба. Но и в этом случае Временное правительство вполне могло при необходимости внести хоть какие-то изменения в эмблематику общегосударственных монет, как это было сделано Великим княжеством Финляндским на своих региональных монетах. Следовательно, такой необходимости у Временного правительства не возникло.

Изменение оформления монет, чеканившихся для Финляндии, было произведено следующим образом. Гельсингфорсский монетный двор на протяжении первых двух-трех месяцев 1917 г. чеканил серебряные русско-финские монеты в 50 и 25 пенни (рис. 7, 8) с обычным для этих монет гербом: русский гербовый орел под тремя императорскими коронами со знаками царской власти — скипетром и державой в лапах и с гербом Великого княжества Финляндского на груди. Медные русско-финские монеты в 10 и 5 пенни, чеканившиеся в это время (рис. 9, 10), имели на лицевой стороне вензель Николая II под императорской короной. Но не прошло и месяца после отречения Николая II от престола, как Сенат Великого княжества Финляндского счел необходимым отразить это событие в оформлении русско-финских монет. 21 марта (8 апреля) 1917 г., на основании доклада директора Гельсингфорсского монетного двора И. Сунделя, было принято решение помещать на всех русско-финских монетах, как серебряных, так и медных, тот же самый герб, который помещался ранее на серебряных монетах, но без императорских корон над орлом [Эти сведения получены автором очерка через Русское нумизматическое общество (США) от финского нумизмата Т. Гальвио].

Очевидно, с точки зрения законов геральдики такое видоизменение герба никак нельзя признать достаточными. Чтобы отразить факт свержения самодержавия, необходимо было как минимум убрать с герба не только императорские короны, но и основные знаки царской власти — скипетр и державу, а этого не было сделано. Причина такого не совсем логичного решения Сената становится понятной, если обратить внимание на техническую сторону вопроса, на то, каким способом были изготовлены штемпеля гербовой стороны русско-финских монет нового образца — ведь недаром доклад Сенату представил директор монетного двора. А дело заключалось в следующем.

При сравнении рисунков старого и нового герба на русско-финских монетах (см. рис. 7, 8 и 11, 12) нетрудно заметить, что для изготовления штемпелей нового образца были использованы ранее применявшиеся маточники, прошедшие очень простую доработку: на них было срезано выпуклое изображение корон над гербовым орлом. С таких доработанных маточников и были переведены штемпеля лицевой стороны монет в 50 и 25 пенни нового образца (см. рис. 11, 12). Столь же просто были изготовлены гербовые штемпеля для медных монет: штемпель монеты в 10 пенни (рис. 13) был переведен с доработанного маточника серебряной монеты в 2 марки (рис. 16), штемпель монеты в 5 пенни (рис. 14) — с доработанного маточника серебряной монеты в 1 марку (рис. 17) и штемпель монеты в 1 пенни (рис. 15) — с доработанного маточника, использовавшегося для изготовления штемпеля серебряной монеты нового образца в 25 пенни (см. рис. 12). А вот срезать с маточников выпуклое изображение скипетра и державы, оказывается, было недопустимо, поскольку при этом простота технического решения нанесла бы серьезный ущерб символике герба: ведь тогда левая (от зрителя) лапа орла, державшая скипетр, оказалась бы "сжатой в кулак", а правая, в которой находилась державка, оказалась бы широко раскрытой "ладонью вверх". Вполне очевидно, что столь сомнительная жестикюляция гербового орла неизбежно вызвала бы недоумение у непосвященных и породила бы массу нежелательных домыслов.

Но так или иначе, а февральские события нашли отражение в эмблематике русско-финских монет 1917 г., и весьма оперативно. Это и понятно: Финляндия, более века входившая в состав Российской империи, была кровно заинтересована в последствиях свержения самодержавия, открывавших перед ней реальную возможность обретения государственной независимости. К тому же необходимо было срочно менять оформление медных русско-финских монет, на лицевой стороне которых был помещен вензель Николая II, уже отрекшегося от престола.

Как свидетельствуют опубликованные сведения о тиражах русско-финских монет, объем чеканки в 1917 г. серебряных монет с царским гербом почти в четыре раза превышал объем чеканки этих монет с измененным гербом (3440 тыс. против 864 тыс. финских марок). Это обстоятельство позволяет предположить, что чеканка на Гель-сингфоргском монетном дворе русско-финских монет могла в 1917 г. полностью закончиться еще до официального утверждения герба Временного правительства, который на этих монетах так никогда и не появился.

Примечания

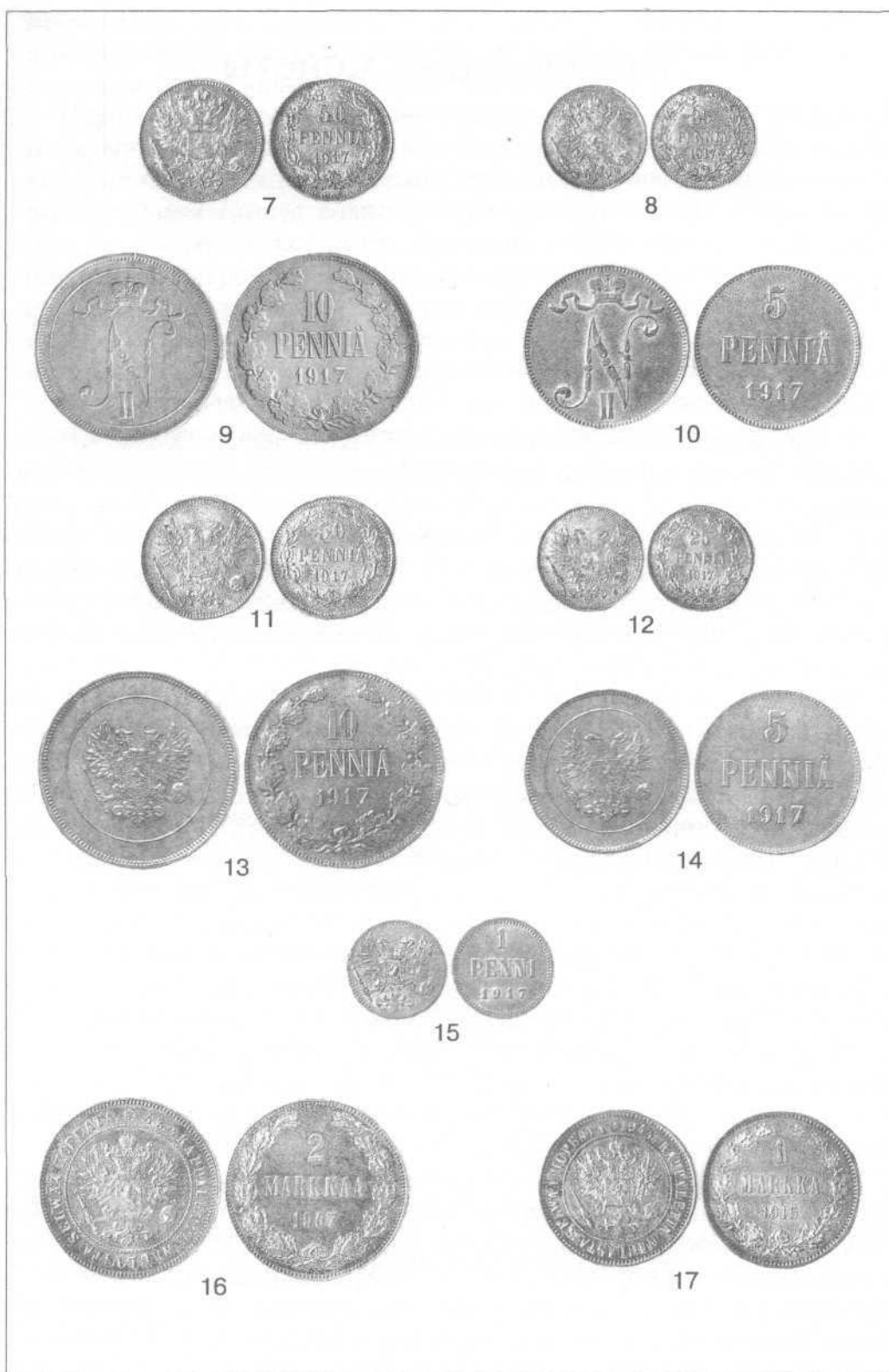
1 См.: СПАССКИЙ И. Г. Несколько замечаний по поводу русской монетной чеканки 1914 — 1917 гг. Нумизматика и сфрагистика. Киев: Наукова думка, 1968. Вып. 3. С. 138 — 150.

2 См.: JULIAN R. W. The coinage of Nicholas II. — Seaby's coin and medal bulletin, 1964.

3 См.: JULIAN R. W. The Russian silver coinage of 1796 — 1917. С рукописью этой работы автор очерка был любезно ознакомлен через Русское нумизматическое общество (США).

4 См.: BORG E. Suomessa kaytetyt rahat. Helsinki, 1976.





Новодельные монеты

В любой коллекции русских монет XVIII — начала XX в., будь то государственное собрание или частная коллекция, обязательно присутствуют

новодельные монеты — подобию подлинных русских монет, составляющие весьма "непривлекательную особенность монетного фонда русской нумизматики". И если многие коллекционеры специально собирают новодельные монеты наравне с подлинными и высоко их ценят, то отношение ученых к новодельным монетам всегда было и остается резко отрицательным.

Так, например, вел. кн. Георгий Михайлович, давший свое имя знаменитому Корпусу русских монет, писал: "Для нумизмата... нет выше интереса, как разыскать монету, сделавшуюся вследствие разных обстоятельств крайне редкою и находка которой весьма часто разъясняет спорные научные вопросы... Не говоря уже о том, что при обилии новодельных монет гораздо труднее напасть на след, где скрывается подлинная, — самим нумизматам, особенно начинающим, легко можно впасть в ошибку, приняв новодел за подлинник, так как для подобного распознавания нужен долголетний опыт и известный навык". И. Г. Спасский в статье "Новоделы" дает им такую оценку: "Среди всех "ненастоящих" монет, с которыми может иметь дело нумизматика, самые ненастоящие — антикварные подделки и новоделы: они не "бывшие деньги", а лишь призрачные подобию их, порожденные собирательской страстью, и могут представлять интерес лишь для истории собирательства".

Существует несколько мнений насчет того, какие монеты следует называть новодельными. Например, многие коллекционеры считают, что новоделами можно считать все неподлинные монеты, изготовленные чеканкой; кстати сказать, именно по этому принципу был составлен А. А. Ильиным рукописный каталог "новоделов" эрмитажной коллекции. Не менее распространено мнение, изложенное впервые А. К. Марковым, согласно которому новоделами можно считать лишь те монеты, которые отчеканены для коллекционеров сохранившимися подлинными штемпелями. По нашему мнению, ни одно из этих определений не дает правильной характеристики понятия "новодел".

Первое совершенно неправильно уже потому, что в настоящее время нумизматический рынок все больше заполняется фальшивками, которые чеканятся поддельными штемпелями, изготовленными с использованием самого современного промышленного оборудования. Что же общего может иметь механическое воспроизведение старых штемпелей современными фальсификаторами, оснащенными новейшей техникой, с работой гравировочных монетных дворов XVIII — XIX вв., независимо от того, какие штемпеля эти гравировщики изготавливали — подлинные или специально предназначенные для чеканки новоделов?

Второе определение, ограничивая понятие "новодел" обязательным использованием подлинных штемпелей, пытается придать этому понятию некую научную значимость, а все монеты, отчеканенные для коллекционеров заново изготовленными на монетных дворах "новорезанными" штемпелями, приравнивает к обычным фальшивкам. Конечно, новоделы, отчеканенные подлинными штемпелями, представляют несомненный научный интерес, но только в тех довольно редких случаях, когда подлинные монеты, отчеканенные этими штемпелями, не сохранились или же вообще не чеканились. На сегодня таких новоделов известно не более семи: это полтина 1699 г. (рис. 1), серебряный 2-рублевик 1722 г. (рис. 2), серебряный 2-рублевик 1726 г. (рис. 3) односторонние медные 10-копеечник, 4-копеечник и денга 1760 г. (рис. 4 — 6) и рубль 1827 г. (рис. 7). Кроме того, новодельный рубль 1801 г. (рис. 8) донес до нас отпечаток

неутвержденного штемпеля аверса большой коронационной медали Александра I. Но какую ценность для науки могут иметь совершенно абсурдные композиции, получавшиеся при чеканке новоделов штемпелями двух различных монет, зачастую не имевших между собой ничего общего, кроме примерно равных диаметров (рис. 9) [На этой и всех последующих иллюстрациях данного очерка представлены лишь образцы новоделов того или иного вида], даже при несомненной подлинности этих штемпелей? К тому же вторая формулировка, делая основной упор на подлинность штемпелей, ничего не говорит о маточниках, тогда как многие штемпеля, специально изготовленные для чеканки новоделов, были переведены с подлинных маточников.

Несомненно более точную оценку новоделов дал И. Г. Спасский, писавший в 1977 г., что "...общим и неизменным признаком для всех новоделов остается изготовление их на монетных дворах". Однако и такую формулировку нельзя признать исчерпывающей, поскольку она не учитывает одного, достаточно важного обстоятельства.

Дело в том, что все известные экземпляры пробной полтины 1699 г. (см. рис. 1), оцениваемые всеми специалистами как новоделы, были оттиснуты подлинными штемпелями не на монетном дворе, поскольку эти штемпеля хранились вначале в Оружейной палате Московского Кремля, а затем в Государственном Историческом музее. Далее, сотрудником Государственного Эрмитажа В. А. Калинин в 1991 г. были обнаружены архивные материалы, свидетельствующие о том, что подлинными штемпелями "константиновского" рубля было оттиснуто несколько экземпляров этой редчайшей монеты уже после того, как штемпеля поступили на хранение в Государственный Эрмитаж. Наконец, в собрании Государственного Исторического музея хранятся не только подлинный штемпель пробной "рейхелевской" полтины 1845 г., но и экземпляр самой этой монеты, оттиснутый настолько недоброкачественно, что не может быть и речи об изготовлении его на монетном дворе. Все перечисленные монеты, несомненно, следует считать новоделами, хотя они и не соответствуют определению, данному И. Г. Спасским.

Не претендуя на абсолютную истину, следует, видимо, признать наиболее правильным следующее определение: новодельными (заново сделанными) монетами или новоделами называются специфические поддельные монеты, отчеканенные в монетном металле на государственных монетных дворах по заказам коллекционеров-любителей либо для формирования государственных выставок или коллекций рекламного характера, а также отчеканенные вне монетного двора, но обязательно с использованием подлинных штемпелей.

Массовое изготовление новоделов производилось на Петербургском, Екатеринбургском, Сузунском и Варшавском монетных дворах и было приостановлено в 1890 г. предписанием Департамента государственного казначейства за № 1604 от 27 января на основании одобренного Александром III доклада вел. кн. Георгия Михайловича. Однако в конце XIX или в начале XX в. были нелегально оттиснуты хранившимися в музеях подлинными штемпелями новоделы трех указанных выше пробных монет, а примерно в 1927 г. на Ленинградском монетном дворе вновь было отчеканено некоторое количество новоделов: памятного "гангутского" рубля 1914 г., рубля 1915 г. (стандартного образца) и пробных медных монет 1916 г.; новоделы монет 1914 — 1916 гг. предназначались для продажи через Советскую филателистическую ассоциацию.

По мнению ученых-нумизматов, новоделы, не имеющие в подавляющем своем большинстве никакой научной ценности, могут в ряде случаев быть причиной ошибочных гипотез и ложных выводов. К тому же новоделы очень часто использовались и используются для обмана неопытных коллекционеров. Так, в свое время владельцы "нумизматических" магазинов заказывали новоделы на монетных дворах специально для того, чтобы потом продать их в качестве редких подлинных монет. Об этом свидетельствует хотя бы известный каталог одного из владельцев "нумизматических" магазинов В. И. Петрова: в этом каталоге абсолютно все новоделы, кроме серебряного 2-рублевика 1722 г., обозначены как подлинники [Интересно отметить, что и в отношении 2-рублевика 1722 г. в каталоге Петрова оставлена лазейка, позволяющая сбыть новодел за подлинник: указано, что наряду с новоделами будто бы существуют и подлинные экземпляры этой монеты, а это явный обман]. Поэтому новоделы, как и фальшивые монеты, должны быть в обязательном порядке обособлены от подлинных монет. Поскольку же они изготавливались на монетных дворах, опознать их в ряде случаев бывает достаточно трудно, а иногда и совершенно невозможно. Для облегчения этой важной работы музейные нумизматические собрания включают в себя специальную подборку новодельных монет, служащую наглядным справочным материалом, а научные каталоги русских монет XVIII — XIX вв. содержат необходимые сведения, способствующие опознанию новоделов [С этой же целью новоделы советских памятных и юбилейных монет, выпущенные в 1988 г., снабжены, по настоянию музейных работников, надежным признаком — гуртовой надписью особого содержания (с буквой "Н" и датой чеканки новодела)].

Прежде всего в каталогах описаны новодельные экземпляры не-сохранившихся монет (рис. 1 — 7), а также фантастические новоделы:

отчеканенные штемпелями двух совершенно различных монет (рис. 10) либо монетным и медальным штемпелями (рис. 11);

не соответствующие ни одной подлинной монете по оформлению аверса (рис. 12), реверса (рис. 13) или обеих сторон (рис. 14);

датированные годом, под которым подлинные монеты не значатся;

не соответствующие подлинным монетам по обозначению монетного двора, по знаку минцмейстера или гравера (например, новодельный рубль 1762 г., помеченный знаком минцмейстера "АШ", тогда как Алексей Шнезе работал на должности минцмейстера лишь в 1766 — 1772 гг.);

отчеканенные в несоответствующем металле (новоделы золотых монет, отчеканенные в серебре и в меди; новоделы серебряных монет, отчеканенные в золоте и в меди; новоделы медных монет, отчеканенные в серебре).

Только по изображению в каталоге или при сравнении с подлинной монетой можно опознать следующие новоделы:

отчеканенные бракованными подлинными штемпелями (рис. 15);

отчеканенные штемпелями, специально изготовленными для чеканки новоделов и имеющими какие-либо искажения или неточности в изображениях или в надписях (рис. 16);

отчеканенные подлинными штемпелями с подгравированными изображениями (рис. 17).

Большое значение для опознания новоделов имеют содержащиеся в каталогах сведения о стандартном гуртовом оформлении подлинных монет. Дело в том, что в большинстве случаев новоделы на монетных дворах не гуртились, поскольку устаревший гуртильный инструмент там не сохранялся. В результате они либо оставались с неоформленным гладким гуртом, либо гуртились потом кустарным

способом фальсификаторами так, чтобы их можно было выдать за редкие, не описанные в каталогах, подлинники с необычным (нестандартным) гуртовым оформлением. Поэтому существует большое количество новоделов, вид гурта которых не соответствует стандартному, и это позволяет надежно их опознавать.

Наконец, в каталогах бывают приведены данные о нормативном весе (массе) подлинных монет различных выпусков и об узаконенной пробе сплава из драгоценных металлов. Эти данные также могут быть использованы при выявлении новоделов.

Масса новоделных монет довольно часто отличается от нормы, установленной правительственными решениями для аналогичных подлинных монет. Происходило это вследствие того, что при изготовлении новоделов для них не прокатывались полосы металла необходимой толщины, и кружки-заготовки вырубались из тех полос, которые имелись в наличии и предназначались для монет текущего выпуска. Так как диаметр кружка определялся диаметром штемпелей, нестандартная толщина кружка и приводила к отклонению массы новоделов от нормативной. Наиболее надежно по нарушению весовой нормы определяются новоделы золотых и серебряных монет, поскольку подлинные монеты из драгоценных металлов подвергались наиболее строгому весовому контролю. К тому же торговцы монетами иногда специально заказывали, например, новодельные золотые червонцы XVIII в. увеличенной толщины, а значит, и массы с тем, чтобы продать их неопытным собирателям в качестве "необычайно редких", а в действительности никогда не существовавших, трех- и четырехкратных червонцев. Излишняя масса новоделов из драгоценных металлов несколько не беспокоила администрацию Петербургского монетного двора, на котором такие новоделы изготавливались: все равно заказчики оплачивали готовые изделия в соответствии с фактическим количеством затраченного на их изготовление золота и серебра.

Проба сплава драгоценных металлов, из которых изготавливались новоделы, часто также не соответствует пробе, установленной для аналогичных подлинных монет. И опять причина такого несоответствия заключается в том, что для новоделов сплав нужного состава не готовился, а использовались полосы сплава, имевшиеся в наличии и приготовленные для монет текущего выпуска. Поэтому, например, можно даже визуально определить, что новодельные экземпляры разменных монет Петра I (рис. 18) изготовлены из значительно более высокопробного серебра, нежели подлинники.

Кроме перечисленных выше характерных особенностей новоделных монет, имеются еще две, которые невозможно зафиксировать в каталоге. Прежде всего, это технологические особенности нанесения насечки, узора или надписи на гурт новоделов. Дело в том, что кустарное гурчение новоделных монет выполнялось иными средствами и методами по сравнению с гурчением на монетных дворах подлинных монет. Например, рубчатая или шнуровидная насечка наносилась на гурт новодела вручную напильником, вследствие чего не выдерживалось одинаковое расстояние между бороздками, их наклон и глубина; сетчатый узор (рис. 20), вследствие использования для его накатки неподходящего инструмента, приобретал вид узора из мелких ромбиков или квадратов, вдавленных в гладкую поверхность гурта новодела (рис. 21); надпись на гурте новоделов в некоторых случаях выбивалась отдельными пунсонами, чего никогда не делалось на подлинных монетах, и т. д. Эти и некоторые другие признаки технологического несоответствия гуртового оформления новоделов оформлению гурта подлинных

монет обнаруживаются довольно легко и могут существенно помочь опознанию новоделных монет.

Другой характерной особенностью новоделов является присущая им в большинстве случаев отличная сохранность, сочетающаяся с особой фактурой, а зачастую и с зеркальным блеском поверхности. Однако эта особенность может быть использована при опознании новоделов только в качестве вспомогательного признака, поскольку и новоделы бывают потертыми подобно подлинным монетам, побывавшим в обращении, и подлинные монеты иногда чеканились полированными штемпелями.

Только в качестве вспомогательного признака могут быть использованы следы, которые возникают на монетах при чеканке их штемпелями, находящимися на начальной стадии разрушения: чаще такие штемпеля использовались для чеканки новоделов (рис. 19), но известны случаи чеканки треснувшими штемпелями и подлинных монет.

Таковы возможные пути и средства выявления новоделных монет. Однако среди них имеются экземпляры, отличить которые от подлинных совершенно невозможно, а сам факт их существования известен лишь из письменных источников. Таковыми, например, являются новоделы "гангутского" рубля и рубля 1915 г., изготовленные на Ленинградском монетном дворе в 1927 г. с использованием подлинных штемпелей, подлинного гуртильного инструмента и кружков-заготовок нужной массы и пробы серебра.

Примечания

¹ СПАССКИЙ И. Г. Новоделы. Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики: (Сборник статей). Л.: Аврора, 1977. С. 105.

² ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Русские монеты 1881 — 1890 гг. Спб., 1891. С. 82.

³ СПАССКИЙ И. Г. Указ. соч. С. 106.

⁴ См.: Там же. С. 107.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же. С. 123.

⁷ См.: ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Указ. соч. С. 83.

⁸ См.: Там же. С. 82.

⁹ См.: СПАССКИЙ И. Г. Указ. соч. С. 123 — 124.

¹⁰ См.: Там же. С. 106.



1



2



3



4



5



6



7



8



9





10



11



12



13



14



15



16



17



18



19



20



21

Новоделы трех медных монет 1760 г.

Среди огромного количества новоделных монет, начеканенных монетными дворами России в XVIII — XIX вв. и наносящих, как известно, существенный ущерб отечественной нумизматике, встречаются считанные единицы, оттиснутые подлинными штемпелями и позволяющие воссоздать внешний облик подлинных монет, которые либо к настоящему времени не сохранились, либо были запроектированы, но по каким-то причинам так и не были отчеканены. О трех новоделах, относящихся к этой категории, но ранее не привлекавших внимание исследователей, пойдет речь в настоящем очерке.

31 октября 1760 г. граф П. И. Шувалов представил в Сенат предложение "О перчеканке 16-рублевой медной монеты в 32-рублевую". Предложение предусматривало изъятие из обращения общегосударственных медных монет, чеканившихся с 1757 по 1760 г. по монетной стопе в 16 руб. из пуда меди, и перчеканку их с удвоением нарицательной цены штемпелями оригинального рисунка. Как это и было принято в подобных случаях, кроме письменного изложения сущности предложения, были отчеканены пробные экземпляры монет нового образца; вероятнее всего, эта работа была выполнена на Петербургском монетном дворе, который с середины XVIII в. становится основной базой, осуществлявшей пробную монетную чеканку. На сегодня известны две полностью оформленные пробные монеты 1760 г. 32-рублевой монетной стопы: это уникальный 2-копеечник (рис. 1) и уникальная же копейка (рис. 2), причем 2-копеечник, находящийся в собрании Государственного Эрмитажа, был опубликован еще в 1896 г. в Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича, а факт существования копейки в собрании Смитсоновского института (США) стал известен русским нумизматам лишь в 1977 г. из Каталога русских медных монет Б. Ф. Брекке.

Кроме этих двух, несомненно подлинных, пробных монет существуют еще три однотипные с ними, очень редкие монеты достоинством в 10 коп., 4 коп. и денгу, датированные также 1760 г., но имеющие ряд характерных особенностей (рис. 3 — 5). Во-первых, они односторонние: их лицевые стороны (у 10-копеечника это государственный герб, у 4-копеечника и денги — московский герб) не отчеканены. Во-вторых, 10-копеечник оттиснут лопнувшим штемпелем, а 4-копеечник и денга имеют отчетливые следы коррозии штемпелей, причем ни одного экземпляра этих монет, оттиснутого доброкачественным штемпелем, на сегодня неизвестно. В-третьих, односторонние 10-копеечник, 4-копеечник и денга в совокупности с двусторонними 2-копеечником и копеечкой составляют полную серию медных монет 1760 г. 32-рублевой монетной стопы.

Если учитывать только эту последнюю особенность, то можно было бы предположить, что односторонние монеты, показанные на рис. 3 — 5, являются, как и двусторонние, подлинными пробными монетами. Однако это не так. В самом деле, наличие на 4-копеечнике и денге следов коррозии штемпелей свидетельствует о том, что эти монеты были отчеканены значительно позднее 1760 г., а наличие на всех известных экземплярах 10-копеечника хорошо заметных следов растрескивания штемпеля является надежной гарантией того, что такая дефектная монета не могла служить для демонстрации на высоком правительственном уровне проекта новой денежной реформы. К тому же все эти три монеты всегда имеют грубо опиленный вручную гладкий гурт, тогда как для монет

нового образца стандартной являлась сетчатая гуртовая насечка — именно она и нанесена на гурт пробных 2-копеечника и копейки 1760 г.

Перечисленные выше признаки позволяют с полной уверенностью считать односторонние медные монеты 1760 г. новоделными. Но если эти монеты являются новоделами, то монетному двору ничего не стоило бы заново изготовить для их чеканки не только недостающие штампы лицевой стороны, но и новые, вполне доброкачественные комплекты штампов для всех монет серии: такое дублирование штампов для чеканки медных новоделов производилось монетными дворами неоднократно (например, при чеканке новоделной серии 1757 г. для каждой из пяти монет использовалось от двух до четырех штампов аверса, легко различимых по рисунку герба). И тем не менее вместо этого на Петербургском монетном дворе заново изготовили несколько наборов полных комплектов штампов для чеканки совершенно фантастических новоделов — хотя и похожих на монеты 1760 г., но никогда не существовавших монет 1761 г. (рис. 6 — 9).

При всей порочности процветавшей на российских монетных дворах практики чеканки новоделов приходится признать, что причина отказа администрации Петербургского монетного двора от обновления и доукомплектования набора штампов 1760 г. новорезанными штампами, датированными тем же годом, заключалась, скорее всего, в признании недопустимости подобного шага. А такое решение администрации могло состояться только при одном условии: если штамп, датированные 1760 г. и использованные для чеканки односторонних новоделов, были подлинными. Этот вывод подтверждается прежде всего тем, что два из этих новоделов были отчеканены штампами, изъеденными коррозией, а значит, долгое время хранившимися на монетном дворе без употребления, тогда как новорезанные штампы сразу же пускались в работу. К тому же непарные штампы специально для чеканки новоделов никогда не изготавливались, поскольку такими штампами можно было отгиснуть только односторонние монеты, а они не отвечали запросам коллекционеров, являвшихся основными "потребителями" новоделов. Кстати сказать, именно по этой причине появился двусторонний вариант новоделной денги 1760 г. (рис. 10), относящийся к наиболее одиозной группе новоделов, для изготовления которых штампельные пары комплектовались из штампов двух совершенно различных монет, имеющих лишь примерно одинаковый диаметр. В нашем случае взамен недостающего штампа аверса был использован штамп аверса новоделного серебряного алтына 1718 г. (рис. 11), являющегося довольно удачной копией подлинной монеты (рис. 12).

Итак, для иллюстрации проекта денежной реформы, представленного в Сенат графом П. И. Шуваловым, были использованы пробные монеты почему-то только двух достоинств: 2-копеечник и копейка, а для остальных монет серии (10-копеечника, 4-копеечника и денги) ограничились изготовлением штампов аверса, несущих на себе наиболее важные для данного случая характеристики монет, — обозначение номинала и дату. При опробовании, а может быть, и в процессе закалки на штампе 10-копеечника образовались трещины, и именно это обстоятельство могло послужить причиной того, что все три монеты были отчеканены лишь много лет спустя как новоделы, тем более что проект П. И. Шувалова в 1760 г. так и не был реализован, а начал претворяться в жизнь уже в царствование Петра III в 1762 г. (рис. 13 — 17).

Таким образом, односторонние медные монеты, датированные 1760 г. (см. рис. 3 — 5), являются новоделами, отчеканены подлинными штемпелями и представляют несомненный научный интерес.

Примечания

¹ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ Вел. Кн. Монеты царствования императрицы Елизаветы I. Спб., 1896. Т. I. С. 232 — 245. Док. № 323.

² См.: Там же. Т. II. Табл. XVIII. Монета № 19.

³ См.: BREKKE В. F. The copper coinage of Imperial Russia. 1700 — 1917. Malmö 1977. P. 93. № 137.



1



2



3



4



5



6



7





Поддельные монеты и гальванокпии

Подделки русских монет XVIII — начала XX в. следует различать прежде всего по их назначению, хотя во всех случаях они служили только целям обмана и легкой наживы.

Первая категория подделок предназначалась для выпуска в обращение, а прибыль от их реализации получалась в результате присвоения фальшивомонетчиками дохода от эксплуатации монетной регалии, являвшегося монопольной собственностью государства и заключавшегося в разности между ценой изготовления монеты и ее нарицательной ценой. В ряде случаев эта разность увеличивалась фальшивомонетчиками путем уменьшения содержания драгоценного металла в золотых и серебряных подделках (за счет уменьшения их лигатурной массы или снижения пробы сплава), а то и путем замены драгоценных металлов медью, бронзой или свинцово-оловянным сплавом с нанесением на подделку маскирующего покрытия соответствующего цвета [Обычно покрытие это в процессе обращения монеты быстро стиралось].

Подделки первой категории обязательно тиражировались, а потому изготавливались либо чеканкой фальшивыми штампами (рис. 1) [На всех иллюстрациях, помещенных в настоящем очерке, приведены лишь образцы подделок того или иного вида], либо отливкой в формы (рис. 2). В качестве моделей при изготовлении форм для отливки подделок первой категории всегда использовались ординарные подлинные монеты. Известны также массовые случаи изготовления фальшивых 5-рублевиков 1886 — 1894 гг. из 25-копеечников тех же годов путем примитивной перегравировки обозначения номинала с последующим нанесением на подделку позолоты (рис. 3).

Поддельные монеты для обращения не только фабриковались фальшивомонетчиками, но иногда чеканились и на государственных монетных дворах. Так, на иностранных монетных дворах чеканились поддельные медные русские монеты образца 1718 — 1730 гг. 40-рублевой монетной стопы (рис. 4 и 5) и медные пятаки по образцу пятак Екатерины II (рис. 6), а на

Петербургском монетном дворе чеканились поддельные нидерландские дукаты (рис. 7) и турецкие куруши (рис. 8).

Все поддельные монеты, изготовленные для выпуска в обращение, являются полноценными объектами нумизматического исследования, поскольку в большинстве случаев они играли в свое время заметную роль в экономике той или иной страны.

Несколько особняком стоят поддельные 10-рублевики Николая II, отчеканенные за рубежом в золоте штампами, изготовленными с использованием подлинных маточников, видимо вывезенных из России [Аналогичные штампы имелись в распоряжении и русских фальшивомонетчиков, фабриковавших позолоченные медные 10-рублевики Николая II. По сравнению с подлинными монетами, эти подделки имели увеличенную толщину, благодаря чему их масса была близка к нормативной (плотность меди меньше плотности золота)]. По лигатурной массе и пробе золота эти поддельные 10-рублевики полностью соответствуют аналогичным подлинным монетам, а смысл их фабрикации заключается в том, что при нелегальной торговле золотом переработка "сырого" золота в хорошо выполненные подделки монет обеспечивает меньшую степень риска и ответственности, да и большую прибыль. Интересно отметить, что среди этих подделок имеется 10-рублевик 1895 г. (рис. 9), в подлиннике не существовавший.

Вторая категория подделок предназначалась исключительно для обмана коллекционеров. Эти подделки имеют принципиальные различия в зависимости от времени их изготовления.

В подавляющем большинстве случаев фальсификаторы, фабриковавшие подделки для коллекционеров во второй половине XIX — начале XX в., имея убогое техническое оснащение и не обладая профессиональными навыками в резьбе по металлу, могли изготавливать лишь довольно примитивные подделки, отличавшиеся, впрочем, большим разнообразием технических приемов фальсификации. Чаще всего встречаются подделки, изготовленные такими способами, которые обеспечивали тиражирование продукции: это отливка в формы и чеканка фальшивыми штампами (или надчеканка подлинных монет фальшивыми клеймами).

Не менее массовой продукцией являлись также подделки, изготовленные хотя и индивидуально, но весьма простым способом — "доработкой" подлинных монет. А наименее распространенные подделки, изготовленные — в единственном экземпляре каждая — путем вырезания вручную всех элементов оформления одной или обеих сторон монеты.

Примитивная отливка подделок производилась в формы, получавшиеся чаще всего оттисками моделей, скопированных (в меру умения того или иного фальсификатора) с изображений подлинных монет (рис. 10). Именно так изготовлены бронзовые подделки медных "сестрорецких" рублей [Бронза использовалась вместо меди при отливке подделок вследствие того, что температура ее плавления примерно на 180°C ниже, чем у меди] (рис. 11) и медных квадратных плат (рис. 12) [Отливка поддельных плат производилась в открытые формы, вследствие чего литейные раковины образовывались только на оборотной (верхней) стороне подделок. На рис.12 изображена лицевая сторона, находившаяся при отливке внизу и потому не имеющая раковин]. Значительно реже литейные формы получались оттиском подлинных монет (рис. 13) [Подделка, представленная на рис.13, не имеет литейных раковин вследствие того, что для ее изготовления был использован легкоплавкий металл (скорее всего, свинцово-оловянный сплав)] или новоделов.

Фальшивые монетные штампы, использовавшиеся для чеканки подделок, адресованных коллекционерам, либо подражали штампам подлинных монет, либо были воплощением фантазии их безграмотных изготовителей. Обычно фальшивые штампы вырезались вручную, а иногда производилось травление кислотой с последующей подгравировкой. Подделки, оттиснутые штампами-подражаниями (рис. 14), опознаются по многочисленным неточностям воспроизведения штампа подлинной монеты, а фантастические подделки (рис. 15) легко определяются при пользовании каталогами (но только не торговыми каталогами Петрова, Мигунова, Трапезникова, Любомудрова, Павлова и пр.). Чеканку поддельных монет, предназначавшихся для обмана коллекционеров, осуществляли не только отдельные фальсификаторы: например, в Казани этим занималась целая мастерская. Ее продукция (главным образом медные квадратные рубли) отличается характерным рисунком гербового орла. На рис. 16 представлена довольно редкая подделка казанской работы — это фантастическое подобие "сестрорецкого" рубля, изготовленное оттиском на толстом медном кружке фальшивых штампов, использовавшихся при чеканке поддельных рублевых плат (углового штампа с орлом и центрального штампа с обозначением номинала, даты и монетного двора).

Аналогично штампам, использовавшимся для чеканки поддельных монет, подразделяются и фальшивые клейма, которые оттискивались на подлинных монетах: либо это были клейма-подражания (рис. 17), либо фантастические клейма (рис. 18).

"Доработка" подлинных монет производилась прежде всего для того, чтобы обычную монету превратить в редкую или фантастическую. С этой целью выполнялась перегравировка последней цифры даты (рис. 19) [Представленная на рис. 19 перегравировка в дате цифры "2" на ноль выполнена с наплавкой меди на объект перегравировки] или обозначения монетного двора (например, обозначение Екатеринбургского двора "ЕМ" переделывалось на "КМ"), либо полностью срезались обозначения монетного двора, знаки минцмейстеров или декоративные детали (на рис. 20 представлен русско-польский грош стандартного образца со срезанным венком на реверсе). "Дорабатывались" сильно потертые или поврежденные подлинные и новоделные монеты с целью придания им "товарного" вида: подгравировывались стертые изображения и надписи, сглаживались забоины, заделывались пробитые в монетах отверстия, вручную наносилась гуртовая насечка (зачастую вместо стертой гуртовой надписи) и т. д. Такая варварская "реставрация" обычно несколько улучшала общий вид монеты, но безвозвратно превращала ее в самую настоящую подделку.

Последний вид подделок второй категории — это довольно редко встречающиеся, крайне трудоемкие подделки, на которых все изображения и надписи вырезались вручную, хотя нередко применялось и травление кислотой [Если травленная кислотой подделка не подвергалась подгравировке, то она имела настолько неправдоподобный вид, что могла обмануть лишь самых несведущих собирателей]. Такая подделка могла быть изготовлена из гладкого кружка (рис. 21), и тогда вручную вырезались обе стороны монеты и наносилось гуртовое оформление. Если же в качестве заготовки использовалась какая-нибудь ординарная подлинная монета, то имевшиеся на одной из ее сторон изображения и надписи спиливались и вместо них вырезались новые; в результате одна из сторон такой подделки (рис. 22) [Для изготовления подделки, представленной на рис. 22, была использована подлинная денга образца 1730 г.] оказывалась подлинной, так же как и ее гуртовое оформление.

Подделки для обмана коллекционеров, изготовленные не позднее первой половины XX в., либо копировали очень редкие подлинные монеты, либо представляли собой нечто совершенно фантастическое, поскольку только солидная выручка от продажи подобных "раритетов" могла компенсировать те значительные усилия и большое время, которые приходилось затрачивать фальсификаторам на их изготовление. В то же время эти подделки, изготовленные сравнительно примитивными способами, находили сбыт главным образом среди недостаточно опытных коллекционеров.

Современные достижения в разработке принципиально новых видов промышленного оборудования привели в последнее время к такому побочному результату, как резкое повышение качества изготовления поддельных русских монет. Теперь подделки, предназначенные для обмана коллекционеров, только чеканятся, а фальшивые штемпеля для их чеканки и гуртильный инструмент изготавливаются на самом высоком техническом уровне, поскольку сейчас в роли фальсификаторов выступают не кустари-одиночки или кустарные мастерские, а рабочие и лица инженерно-технического персонала промышленных предприятий, имеющие доступ к новейшей технике и нелегально использующие ее в корыстных целях.

Небывало высокое качество современных подделок вызвало некую деформацию в отношении к ним коллекционеров-любителей: вроде бы к этим, очень похожим на подлинные монеты изделиям не совсем применимо их настоящее название —

подделки, фальшивки, а потому, к большому удовольствию фальсификаторов, появляются такие "приличные" наименования этих подделок, как "копии" и даже "современные новоделы".

Но никакие новые ярлыки не должны вводить в заблуждение коллекционеров относительно подлинной сущности этой продукции современных мошенников от нумизматики. Тем не менее доставать подлинные монеты рядовым коллекционерам-любителям день ото дня становится все труднее, а потому неизбежно возникает вопрос о допустимости включения в нумизматические коллекции современных высококачественных "копий" подобно тому, как любители живописи включают в свои собрания репродукции картин старых мастеров. Но нумизматику интересуют в первую очередь не столько художественные достоинства оформления монеты, сколько экономические и политические предпосылки этого оформления, а также чисто технические характеристики монеты: ее масса, состав металла, место, время и техника изготовления и т. п. Следовательно, нумизматика всегда предполагает комплексное изучение монеты как исторического памятника, и вполне очевидно, что использовать для этого подделку (как, впрочем, и новодел) совершенно бессмысленно. А коллекционировать монеты и не пытаться хоть в какой-то мере приобщиться к нумизматике столь же противоестественно, как, например, коллекционировать книги только ради их красивых переплетов и не пытаться ознакомиться с их содержанием. Поэтому совершенно недопустимо замещать в нумизматической коллекции недостающие монеты любыми подделками, даже весьма похожими на подлинные монеты.

Правда, многие музейные нумизматические собрания включают в себя подборки подделок, не только изготовленных для выпуска в обращение, но и адресованных коллекционерам. Однако эти подборки, как и подборки новоделов, формируются лишь в качестве пособий, помогающих выявлять подделки и исключать их из основных разделов коллекции, а также в качестве материалов, имеющих отношение к истории любительского коллекционирования.

Кроме высокого качества современных коллекционных подделок, следует отметить еще одну их особенность, которая обусловлена, с одной стороны, сравнительной простотой их изготовления с помощью современных технических средств, а с другой — возросшими трудностями в приобретении подлинных коллекционных монет: это расширение перечня объектов фальсификации. В отличие от фальсификаторов старой формации, современные фальсификаторы фабрикуют не только подражания редким подлинным монетам и фантастические подделки (рис. 23) [На рис. 23 представлен фантастический поддельный тинф, изображающий несуществующую разновидность уникального тинфа 1707 г., представленного на рис. 24 (у подделки дата на реверсе расположена слева от орла, тогда как у подлинника она расположена под орлом). Не исключено, что эта подделка изготовлена за рубежом], но и подделки, копирующие вполне обычные монеты.

Появление высококачественных подделок русских монет императорского периода наносит очень серьезный ущерб любительскому коллекционированию. Дело в том, что многие из этих подделок достаточно трудно отличить по внешнему виду от подлинников, вследствие чего и многоопытные коллекционеры, не имеющие никакого желания собирать фальшивые "копии", иной раз все же становятся невольными их обладателями. Признаки, по которым можно опознать даже самые лучшие подделки, конечно же, существуют, однако широковещательное оглашение этих признаков может сослужить службу скорее фальсификаторам, нежели коллекционерам. Поэтому можно лишь посоветовать

владельцам частных нумизматических коллекций своими силами накапливать совершенно необходимый им опыт выявления подделок. В порядке ознакомления с существом этой задачи читателям предлагается самостоятельно обнаружить признаки, по которым можно отличить поддельный рубль 1714 г. (рис. 25) от подлинной монеты (рис. 26).

Иногда в роли подделок используются гальванокпии монет, мода на коллекционирование которых существовала среди русских собирателей прошлого столетия. Обычно такие копии снимались с редких подлинных монет, а иногда и с редких новоделов.

Изготавливались гальванокпии следующим способом. На оттиски лицевой и оборотной стороны копируемой монеты, изготовленные из гипса (с последующей проваркой их в воске) или из пластмассы, наносился токопроводящий слой, а на него путем электролиза осаждалась медь. Полученные таким образом пластины, точно повторяющие рельеф аверса и реверса монеты и имеющие закраины, соответствующие части гурта, подгонялись одна к другой и соединялись пайкой по закраинам так, чтобы расстояние между ними соответствовало толщине копируемой монеты. Гальванокпии "сестрорецкого" рубля и некоторых особо редких монет изготавливались из трех частей: кроме пластин аверса и реверса, по оттиску на пластмассе тем же способом изготавливалась лента, копирующая развертку гурта монеты; лента сворачивалась в кольцо и спаивалась между пластинами. Иногда вместо ленты, воспроизводившей подлинный гурт монеты, между пластинами аверса и реверса спаивалась лента с каким-нибудь произвольно выбранным узором или насечкой (такая гальванокпия представлена на рис. 27).

Обычно гальванокпии имеют следующие особенности по сравнению с подлинными монетами:

- а) достаточно отчетливо просматриваются места спайки пластин по закраинам или с лентой, образующей гурт;
- б) звон, присущий монолитной монете, у гальванокпии, как правило, отсутствует;
- в) пластины аверса и реверса при нажатии на них заметно прогибаются;
- г) масса гальванокпии значительно меньше нормальной массы копируемой монеты.

Нередко принимался ряд мер, существенно улучшавших качество гальванокпий. Так, например, масса гальванокпии подгонялась под массу копируемой монеты путем помещения между пластинами какого-либо наполнителя, который одновременно исключал прогиб пластин при нажатии и мог придать гальванокпии некоторое подобие звона. Гальванокпии серебряных и золотых монет, изготовленные из меди, обычно после их окончательной сборки серебрились или золотились, чем попутно маскировались места спайки, а иногда для лучшей маскировки этих мест на гурт гальванокпии надевалось с натягом металлическое кольцо с гуртовой насечкой, узором или надписью. Подобные улучшения делали гальванокпии трудноотличимыми от подлинных монет и позволяли выдавать некоторые из них за подлинники с целью обмана коллекционеров.

Иногда осаждение металла на гипсовые или пластмассовые оттиски продолжалось до тех пор, пока толщина каждой пластины не достигала половина толщины копируемой монеты, после чего такие пластины соединялись пайкой не по линии соприкосновения закраин, а по всей площади соприкосновения их

тыльной стороны. Длительным осаждением меди было изготовлено некоторое количество монолитных гальванокопий односторонних монет — квадратных плат.

Использование гальванокопий в интересах нумизматики чрезвычайно ограничено: в некоторых случаях они могут найти применение как муляжи для оформления музейных экспозиций, особенно если возникла необходимость продемонстрировать для всеобщего обозрения внешний вид монет большой исторической ценности.





9



10



11



12



13



14



15



16



17



18



19



20



Приложение

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Аверс - лицевая сторона монеты или медали.

Банковая монета - встречающееся в ряде правительственных документов XVIII — XX вв. название высокопробной серебряной монеты достоинством от 25 коп. и выше. В некоторые периоды времени 25-копеечник относился не к банковской, а к разменной монете.

Биллон - 1) неполноценная разменная монета из низкопробного серебра и недорогих металлов; 2) низкопробное серебро, использовавшееся для чеканки разменной монеты.

Б. М. - "Божией милостью" — одна из формул титула большинства российских и западно-европейских монархов.

Боны - 1) временные металлические или бумажные деньги, выпускаемые местными властями, учреждениями или предприятиями;

2) бумажные деньги, вышедшие из употребления и ставшие предметом коллекционирования.

Грош, грошевик - обозначение номинала 2-копеечника, соответствующее старому русскому денежному счету.

Гурт - боковая поверхность монеты. Покрывающие гурт насечки, узоры или надписи называются гуртовыми, а инструмент и станки, с помощью которых они наносятся, — гуртильными.

Золотник - старая русская единица веса, соответствующая массе в 4,3 г.

Лигатура (в монетном производстве) - добавка менее ценного металла к основному драгоценному металлу при составлении монетных сплавов. Полученный сплав называется легированным золотом или серебром, а масса (вес) сплава, израсходованного на изготовление монеты, — лигатурной массой (весом) этой монеты.

Маточник - штамп для изготовления монетных штемпелей.

Минцмейстер - начальник монетного передела (отделения) на монетном дворе; чиновник, отвечавший за монетное производство.

Монетная регалия - монопольное право государства на чеканку и выпуск монет.

Монетная стопа (весовая норма) - характеристика монеты, определяющая ее нормативную массу (вес) в зависимости от ее номинала. Выражается суммарной нарицательной ценой, на которую должны быть начеканены монеты различных номиналов из определенного количества металла, например: "19 руб. 75 25/81 коп. из фунта легированного серебра" или "12 руб. 80 коп. из пуда меди".

Номинал - достоинство монеты, ее нарицательная цена.

Проба - характеристика монетного сплава, определяющая соотношение между количеством содержащегося в данном сплаве основного (драгоценного) металла и количеством лигатуры. До середины XIX в. обозначалась количеством золотников драгоценного металла, содержащимся в фунте сплава. В настоящее время обозначается количеством частей драгоценного металла, содержащимся в 1000 частей сплава.

Пуд - старая русская единица веса, равная 40 фунтам и соответствующая массе в 16,38 кг.

Пунсон (или пуансон) - штампик с рельефным изображением цифры (цифирный пунсон), буквы или группы букв (литерный пунсон).

Разменная монета - монета, предназначавшаяся для нужд мелкого товарооборота. Обычно чеканилась из низкопробного серебра или из недорогих металлов.

Реверс - обратная сторона монеты или медали.

Регулярный чекан - упорядоченная машинная чеканка монет на круглых заготовках, сменившая в России в 1700 г. ручную чеканку на расплюснутых кусочках серебряной или медной проволоки.

"Рейхелевские" рубль и полтина - бытующее среди коллекционеров название пробных серебряных монет 1845 г. без обозначения номинала, но в весе рубля и полтины.

На аверсе обеих монет помещен портрет Николая I, выполненный, видимо, по рисунку гравера Якоба Рейхеля.

Ремедиум - допустимое отклонение от установленного монетной стопой нормативного веса монеты или группы монет (весовой ремедиум), а также допустимое отклонение в значении пробы сплава, установленной для монет данного выпуска.

Форма - штамп для изготовления маточников. На форму наносилось заглабленное изображение различных элементов оформления аверса и реверса монеты, которые на маточнике получались выпуклыми, на штемпеле заглабленными и на монете — выпуклыми.

Фунт - старая русская единица веса, равная 96 золотникам и соответствующая массе в 409,5 г.

ОБОЗНАЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИМИ БУКВАМИ ДАТ НА МОНЕТАХ

СЗ — 1699	*АѸГ — 1703	*АѸS — 1706
*АѸ — 1700	*АѸД — 1704	*АѸЗ — 1707
*АѸА — 1701	*АѸА — 1704	*АѸІ — 1710
*АѸА — 1701	*ЯѸА — 1704	*АѸАІ — 1711
*АѸА — 1701	*АѸЕ — 1705	*АѸГІ — 1713
*ЯѸА — 1701	*АѸЕ — 1705	*АѸѸІ — 1719
*ЯѸЯ — 1701		*АѸКА — 1721

ББК 63.2
У 34
УДК 737.1

0502000000 - 003
У-----без объявл.
И 26 (03) -94

ISBN 5 -87613 -001-X

МОНЕТЫ РОССИИ XVIII - начала XX века

Очерки по нумизматике

В.В.УЗДЕНИКОВ

Художник Г.П.ИГРАЩЕНКОВА
Фотограф В.М.БОЙКО
Компьютерная верстка С.Н.НЕФЕДОВ
Корректор М.Е.КОЗЛОВА
Ретушер Е.А.МЕНЬПИНА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР ОТЕЧЕСТВА» Москва, ул. Ново-Рязанская, 21
ТИПОГРАФИЯ «НОВОСТИ»
107005, Москва, ул.Ф.Энгельса,46
Заказ 628. Тираж 50.000 экз.

OCR Pirat